

ноябрь–декабрь
6 (80) 2017 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**
- 10 МИРОНОВ А. С.**
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ
СИСТЕМЫ РУССКОГО ЭПОСА В ОПЕРЕ-БЫЛИНЕ
Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «САДКО»
- 19 БЛЕДНЫЙ С. Н., СМИРНОВА М. И.**
КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ
В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
- 30 ГРИНЕНКО Г. В., СИНЯВИНА Н. В.**
РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
КАК КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1750–1800-х ГОДОВ
- 38 ВИПУЛИС И. В.**
ЦАРСКИЙ РИТУАЛ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ
КАК ИНИЦИАЦИЯ

**ТЕОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**

50 ГЕНОВА Н. М.

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ

60 ГАВРОВ С. Н., КРЫЖАНОВСКАЯ М. П.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА
И ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА

67 КИТОВ Ю. В., ГЕРТНЕР С. Л.

КУЛЬТУРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ

75 РЕМИЗОВ В. А., ЯНКОВА Н. А.

ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ И
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

85 БЕЗУГЛОВА Н. П.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОЛЕ

93 МАЛЫГИНА И. В., АФАНАСЬЕВА Л. В.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМЕДИА
И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТОВ

102 ГОРДЕЕВА Т. Ю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ОНТОЛОГИЙ ПЕВЧЕСКОГО ЗВУКА

114 ВОЛОБУЕВ В. А., ПОЛИТКОВСКАЯ К. В.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ОБ ЭСТРАДНО-ДЖАЗОВОЙ МУЗЫКЕ

121 ЖИГМИТОВА А. А.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА
В МИСТЕРИИ ЦАМ И В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

132 ЛИТОВКИН Е. В.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ИТОГОВ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

140 БЛАГИРЕВА Е. Н.

К ВОПРОСУ ТРУДОУСТРОЙСТВА ГРАЖДАН
С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

147 МАЦУКЕВИЧ О. Ю., САЛТЫКОВА М. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЁЖИ
В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ: ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

153 МАРТИНОВИЧ Е. В.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

162 ИВАНОВА Г. А.

ПОДДЕРЖКА И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО
И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ

168 ДЕЛИЦЫН Л. Л.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОВОВВЕДЕНИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ И ПРЕПЯТСТВИЕ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

НОВЫЕ КНИГИ 184 ШИБАЕВА М. М.

О МОНОГРАФИИ Е. В. МАРЕЕВОЙ
«ПРОБЛЕМА ДУШИ В КЛАССИЧЕСКОЙ
И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

November–December
6 (80) 2017
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THE HISTORY OF CULTURE** **10 MIRONOV A. S.**
TRANSFORMATION OF THE VALUE SYSTEM
OF THE RUSSIAN EPIC IN RIMSKY-KORSAKOV'S
OPERA "SADKO"
- 19 BLEDNYI S. N., SMIRNOVA M. I.**
CONCEPTS OF CULTURAL DEVELOPMENT
IN THE RUSSIAN SOCIAL-POLITICAL THOUGHT
THE END OF 19TH – THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY
- 30 GRINENKO G. V., SINYAVINA N. V.**
RUSSIAN ENLIGHTENMENT AS
A CULTURAL FEATURE OF THE RUSSIAN
INTELLIGENTSIA 1750–1800th YEARS
- 38 VIPOULIS I. V.**
THE ROYAL RITUAL OF ANCIENT MESOPOTAMIA
AS INITIATION

**THE THEORY
OF CULTURE**

50 GENOVA N. M.

DEVELOPMENT OF REGIONAL CULTURAL POLICY
IN THE COLLECTION OF THE RUSSIAN ECONOMIC
COMMISSION

60 GAVROV S. N., KRYZHANOVSKAYA M. P.

STATE CULTURAL POLICY THROUGH THE PRISM
OF EUROPEAN EXPERIENCE AND CROSS-BORDER
REGIONAL COOPERATION

67 KITOV YU. V., GERTNER S. L.

CULTURAL RESPONSIBILITY: TO THE QUESTION
OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT

75 REMIZOV V. A., YANKOVA N. A.

LINGVOSOTSIOKULTURAL SECURITY IN
ANTHROPOLOGICAL AND INSTITUTIONAL
DIMENSIONS

85 BEZUGLOVA N. P.

INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN THE INTERDISCIPLINARY FIELD

93 MALYGINA I. V., AFANASYEVA L. V.

COMMUNICATIVE POTENTIAL OF MULTIMEDIA
AND ITS IMPLEMENTATION IN THE SPACE
OF MODERN EXHIBITION PROJECTS

102 GORDEEVA T. YU.

SELECTED ASPECTS OF WEST-EUROPEAN
AND ORIENTAL ONTOLOGIES
OF SINGING SOUND

114 VOLOBUEV V. A., POLITKOVSKAYA K. V.

CULTUROLOGICAL IDEAS ABOUT
"VARIETY-JAZZ MUSIC"

121 ZHIGMITOVA A. A.

CHOREOGRAPHIC PLASTIC IN THE MYSTERY
OF THE TSAM AND BURYAT'S
TRADITIONAL CULTURE

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITIES**

132 LITOVKIN E. V.

DEVELOPMENT OF SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITY IN THE LIGHT OF THE RESULTS
OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

140 BLAGIREVA E. N.

ON THE ISSUE OF EMPLOYMENT OF PERSONS
WITH DISABILITIES IN RUSSIAN FEDERATION

147 MATSUKEVICH O. YU., SALTYKOVA M. V.

FORMATION OF YOUTH PATRIOTISM
IN THE PROCESS OF EDUCATION
OF LANGUAGE PERSONALITY:
ETHNO-FUNCTIONAL APPROACH

153 MARTINOVICH E. V.

FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE
OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION
INSTITUTIONS AS PEDAGOGICAL PROBLEM

**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITIES**

162 IVANOVA G. A.

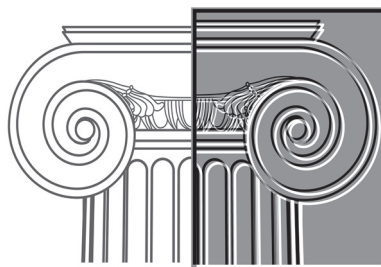
SUPPORT AND DEVELOPMENT
OF CHILDREN'S AND YOUNG PEOPLE'S READING
AS A PRIORITY AREA OF LIBRARY PEDAGOGY

168 DELITSYN L. L.

DEFINITIONS OF INNOVATION AS AN INSTRUMENT
AND/OR AN OBSTACLE FOR NEW INFORMATION
TECHNOLOGY DIFFUSION MODELING

NEW BOOKS 184 SHIBAEVA M. M.

ABOUT THE MONOGRAPH BY E. V. MAREEVA
"THE PROBLEM OF THE SOUL IN CLASSICAL
AND NON-CLASSICAL PHILOSOPHY"

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЭПОСА В ОПЕРЕ-БЫЛИНЕ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «САДКО»

УДК 008(091)

А. С. Миронов

Московский государственный институт культуры

В статье приводятся результаты аксиологического анализа, построенного на сопоставлении различных вариантов былин о Садко и оперы-былины «Садко» композитора Н. А. Римского-Корсакова, поставленной в Мариинском театре в 1903 году. Опера-былина не восприняла ценности русского эпоса; она в большей степени соответствовала требованиям европейского оперного канона и политической моде конца XIX века. В оперной переработке Н. А. Римского-Корсакова не реализован эпический концепт силы как ответ на проявленное сострадание; в то же время полностью переиначен концепт богатства и предприимчивости; отсутствуют эпизоды молитвы Садко; романтизирована любовная тема былины и снижена ценность супружеской жизни; «неупадчивость» героя заменена эротической влюбленностью в дочь Морского царя.

Ключевые слова: русский эпос, былина «Садко», опера-былина «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, аксиологический анализ, ценностные концепты русского эпоса.

A. S. Mironov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

TRANSFORMATION OF THE VALUE SYSTEM OF THE RUSSIAN EPIC IN RIMSKY-KORSAKOV'S OPERA "SADKO"

The article presents the results of a comparative analysis of values in Russian epic songs about Sadko and N. A. Rimsky-Korsakov's opera "Sadko" (1903). To correspond the requirements of the European opera and Singspiel canon and to the trends of Russian political fashion of the late 19th century, Rimsky-Korsakov had to abandon the epic concept of force as a response to the manifested compassion. At the same time, the modern concept of enterprise and wealth (the latter considered as temptation in epic story) is introduced to the very top of Sadko's value hierarchy.

МИРОНОВ АРСЕНИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, и. о. ректора
Московского государственного института культуры

MIRONOV ARSENI STANISLAVOVICH – Ph.D. (Philology), Acting Rector of Moscow State Institute
of Culture

e-mail: arsenymir@yandex.ru
© Миронов А. С., 2017

There are no episodes of Sadko's prayer which plays key part in epic narrative story. Inducing romantic love theme, the composer dramatically diminishes the value of married life which is essential for the epic; Sadko's fascination with the Daughter of the Sea Lord is no longer considered a threat to Sadko's life.

Keywords: Russian epic, epic "Sadko", opera "Sadko" by N. A. Rimsky-Korsakov, axiological analysis, value concepts of the Russian epic.

Для цитирования: Миронов А. С. Трансформация ценностной системы русского эпоса в опере-былине Н. А. Римского-Корсакова «Садко» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 10–18.

Во второй половине XIX века чрезвычайно популярной в искусстве становится русская былина о Садко. Её интерпретируют способами разных видов искусства – музыки, живописи, литературы. Обратился к тексту былины и тем ценностям, которые эта былина транслирует, и Н. А. Римский-Корсаков.

В 1867 году Н. А. Римский-Корсаков создаёт симфоническое произведение «Садко», которое вначале планировалось назвать «музыкальной былиной». Однако автор переименовал его в «симфоническую картину», что, на наш взгляд, было совершенно правильно, ведь у композитора получился лишь очаровательный пейзаж, талантливая маринистическая зарисовка; духовные же смыслы былины почти не были затронуты. Штиль, затем спуск на морское дно, яркая панорама подводного царства и, наконец, буйство стихии – вот и вся программа, с успехом выполненная Н. А. Римским-Корсаковым. Отсутствуют многие значимые былинные эпизоды, нет переживаний Садко, и, наконец, нет самого главного: Садко в этой «симфонической картине» рвёт струны как бы сам собой: «Кружатся и качаются моря, реки, качается сам Океан-Море. Но Садко видит, что от его музыки крушатся и тонут корабли, что стоит всюду великая гибель – он вдруг

разрывает золотые струны на гусях [6, с. 166]». Композитор не отваживается изобразить, вслед за былиной, явление Николы Можайского, побуждающего героя прекратить губительную пляску Морского царя. Между тем появление Николы сразу наполнило бы эту живописную зарисовку глубоким смыслом, ведь вне этого диалога непонятно, отчего корабль Садко «на море стал», кто понуждает Садко внезапно оборвать струны, рискуя вызвать гнев Морского царя, и другое. В эпосе диалог Садко и Николы является главным содержанием обеих былин и связывает их в единую историю, без которой изображение спуска героя на морское дно есть не более чем пейзаж талантливого колориста.

Спустя тридцать лет, в 1897 году, Н. А. Римский-Корсаков вновь обращается к былине «Садко»; при этом автор не просто использует эпические напевы в качестве источника вдохновения, он называет своё произведение «оперой-былиной» (она будет поставлена в Мариинском театре в 1903 году).

Творение зрелого гения Н. А. Римского-Корсакова было призвано сделаться эталоном «народности» и «эпичности» в музыке. Таков был замысел духовного отца этого произведения – В. В. Стасова. В соответствии со взгля-

дами В. В. Стасова, «народность» означала полное игнорирование действительной системы ценностей русского народа и конструирование идеальной реальности: языческой и демократической Руси. Именно эти задачи В. В. Стасов и поставил перед Н. А. Римским-Корсаковым, соблазняя его, во-первых, картинами пышного и весёлого «республиканского пира» в Великом Новгороде (вместо привычного эпического пира у князя Владимира), а во-вторых, активно продвигая идею катастрофы милого подводного язычества по вине Николы Можайского.

С первых тактов первого действия Н. А. Римский-Корсаков покорно выплачивает идейную дань В. В. Стасову, изображая новгородский «пир народовластия». Но феерическая картина «золотого века» вечевой демократии всё же не удалась композитору. В отличие от эпического, величественного богатырского пира у ласкового князя Владимира, в оперном Новгороде создаётся нечто вроде базарной площади, наполненной грубыми людьми, постоянно меж собой спорящими. Однако эта неудача парадоксальным образом приближает Н. А. Римского-Корсакова к былинному образу буйного, драчливого Новгорода, который знаком нам по песням о Василии Буслаеве. Кажется, ещё минута – и новгородцы, поделившись на сторонников и противников Садко, вооружатся шелепугами и тележными осями; скоморохи бросятся на переходящих калик и т.д.

Сходство с былинами о Васье Буслаеве подчёркивается ещё и тем, что у Н. А. Римского-Корсакова Садко неожиданно обростает чем-то вроде собственной «дружинушки хороброй», состоящей из бедняков.

Вторая тема, навязанная композитору В. В. Стасовым, – новгородское язычество. По счастью, Н. А. Римский-Корсаков не счёл возможным реализовать мифологическую программу В. В. Стасова в полной мере: Дид с Ладой не пируют вместе с новгородцами, и Садко не приносит кровавых жертв Морскому царю перед тем, как пуститься в плаванье. Острая фаза увлечения композитора «солнечным культом» миновала, начинается восхождение к православному мировоззрению, к темам и образам будущего «Сказания о граде Китеже». Заказ В. В. Стасова на языческую Русь не был исполнен; впрочем, это не мешает позднейшим исследователям творчества Н. А. Римского-Корсакова обнаруживать следы язычества в художественной вселенной оперы-былины.

В эпосе сражение Николы и Морского царя за душу Садко есть отнюдь не противостояние христианства и язычества, а борьба Рая и Ада, Божественных сил и демонической духовности – борьба, которая не прекращается и после падения языческих кумиров. Эта борьба пронизывает весь цикл былин о Садко. Так, предложение Морского царя разбогатеть сопровождается появлением Николы, его помощью Садко в тот момент, когда он оказывается не в состоянии выкупить все товары в Новгороде:

Как пошел-де Садок
в мать Божью церковь,
А просил ю Святитель
золотой казны,
Обещалса он построить
да мать Божью церковь,
Со всема-де со чудныма со иконами,
Со всема со попами
да со духовныма –

У Садка ле казны да вдвое прибыло.
Начинал-де Садок ноньце
товар купить,

...

Он повыкупил товары в Нове-городе,
Он на матушку на Волхов
да повывозил,
Кабы тридцать ли кораблей
да все понагрузил

[3, с. 247].

Садко забывает построить обетную церковь Николе и потому оказывается беззащитным перед Морским царем, однако Никола вновь вступает за гуслера в благодарность за его послушание, за решение порвать струночки. В опере эти «метания» Садко меж Морским царем и Николой не показаны; более того, конфликт полностью разрушен, потому что уже не Морской царь пытается заполучить Садко на дно, а его прекрасная дочь. При отсутствии предыстории вмешательство Николы (он назван Старчищем) ничем не обусловлено. Однако если эпический Никола занимается лишь тем, чтобы спасти душу Садко, вырвать его из власти Морского царя, то оперный Старчище идёт дальше: он заодно разрушает всё Подводное царство.

Никола появляется в тот миг, когда Садко, опьяненный любовью, венчается с царевной Волховой в Подводном царстве. Сцена якобы языческого «антивенчания» вокруг ракитова куста в высшей степени симптоматична: в былинах это выражение означает всего лишь блудную связь, союз без таинства венчания.

Кроме того, в эпический масштаб оперы-былины едва ли укладывается довольно пошлый образ счастливого Садко-двоеженца (страстное увлечение русалкой – это одно, но вступление в очеред-

ной брак при живой жене – совсем другое, ни один былинный богатырь в подобном не был замечен).

И всё же публика, симпатизирующая Морской царевне, должна была радоваться счастью влюбленных. Это значит, что Николе была уготована роковая роль разрушителя чужого счастья, а заодно и виновника гибели Морской царевны, вынужденной превратиться в реку и исполнить по этому поводу замечательную, исполненную трагического лиризма арию.

Тема возвращения к оставленной (и обманутой) Любаве приобретает неожиданное мощное звучание в момент, когда Садко собирается опуститься на морское дно. Садко не столько прощается с дружиной, сколько просит товарищей передать последнюю весточку его жене. Эта сцена даёт надежду на духовный перелом в душе Садко: на краю пучины отступают на задний план честолюбивые мечты о том, чтобы все люди новгородские поклонились Садко. Вместо «высоты поднебесной» и гордых песен о «тридцати кораблицах» звучит признание вины перед обманутой женой.

Однако для русского эпоса не типична романтическая коллизия (выбор героя между законной женой и любовницей), поэтому даже в этот момент переход действия в эпический масштаб не происходит. Тем не менее прощальная песнь Садко является одной из доминант произведения, она задает альтернативную логику, напоминает о существовании системы ценностей, противоположной тому «счастью», которое Садко обретает на самом дне в объятьях Волховы.

Таким образом, «политические» идеи В. В. Стасова, удалявшие будущую оперу

от исходных смыслов русского эпоса, были переосмыслены Н. А. Римским-Корсаковым и отчасти преодолены. Это был уже не тот молодой композитор времён первой «Млады», покорный воле «неистового Стасова»; оперу-былину создавал великий художник, прозревавший красоту русской песни и учившийся постигать глубинный смысл родного эпоса.

Впервые в истории русской оперы в «Садко» звучит подлинный напев Трофима Рябины (тот самый, который П. Н. Рыбников называл «быстрым» напевом). Он используется для создания дружинной песни «Высота, высота поднебесная». Замечательная ария Садко «Кабы была у меня золота казна» основана, по словам композитора, на напеве Василия Щеголенкова «Как во городе было стольно-киевском». Нам не удалось обнаружить этой былины среди нотных записей выступления Василия Щеголенка в «Сборнике Археологического института» за 1880 год [7], однако в данном случае полагаем правильным довериться свидетельству композитора.

При сопоставительном аксиологическом анализе былины и оперы в опорных точках сюжета обнаруживается почти полное несовпадение мотиваций героя, направленность их на принципиально различные ценности. Из девяти композиционно значимых ситуаций только в одной (спуск на дно морское) былинная и оперная мотивация почти совпадают.

Аксиологический анализ позволяет сделать следующие выводы о ценностных концептах эпоса и оперы-былины «Садко» Н. А. Римского-Корсакова.

Во-первых, эпический концепт силы как помощи свыше, которая даётся герою

в момент принятия миссии сострадания, в былинах о Садко занимает ключевое место. Чудесная сила (способность выжить на дне моря) даётся Садко первый раз в тот момент, когда он решается пожертвовать собой ради спасения товарищей-корабельщиков. Второй раз чудесная сила (способность не поддаться на коварное предложение Морского царя и воздержаться от блуда с его дочерью) даётся герою в тот момент, когда он, жертвуя собой, принимает решение порвать струны на гусельках.

В ценностной системе оперы-былины «Садко» эпический концепт силы не реализован.

Во-вторых, эпический концепт богатства в былинах о Садко реализован в негативном ключе: богатство является искушением для Садко, поражает его душу гордостью, честолюбием и хвастливостью. В конце былины Садко использует все заработанные им средства для постройки обетной церкви, тем самым окончательно нивелируя ценность богатства.

А-й повыгрузил он со кáраблей
А как все свое да он именьцо,
А-й повыкатил как ён всю
свою да несчетну золоту казну.
А-й топерь как на свою он
несчетну золоту казну,
А-й как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
А-й как дрúгую церковь сделал
Пресвятыи Богородицы,
А-й топерь как ведь да после этого
А-й как начал Господу-Богу
он да молитися,
А-й о своих грехах да он прощатися;
А как боле не стал выезжать
да на сине море [4, с. 422].

В опере-былине «Садко» стремление к богатству является той силой, которая полностью управляет героем. Герой, сделавший ставку на богатство и предприимчивость, торжествует.

При этом ценностный центр героя включает неизвестную в былинном мире ценность предприимчивости, честолюбивого желания бедного человека доказать богачам своё превосходство (это и есть «дума заветная», которую без труда «прозревает» в душе гуслира царевна Волхова).

В-третьих, эпический ценностный концепт молитвы и умения молиться в былинах реализуется в предельно драматических ситуациях, когда Садко угрожает смертельная опасность. Сначала герой молится, когда понимает, что не в силах скупить все товары в Новгороде; затем он «кается на море», вспоминая, что забыл поставить обетную церковь.

Оперный персонаж молиться не умеет. Народ в опере-былине приносит Богу хвалебную молитву единственный раз, уже в финале, и это славословие связано с открывшейся перспективой всеобщего обогащения. Эта необычная молитва сменяется – очевидно, к радости В. В. Стасова, – славословием Морскому царю и царевне Волхове, которое и подводит итог всему действию.

В-четвертых, эпический концепт любви в былинах о Садко реализован в ситуациях, когда герой из любви к товарищам опускается на дно морское, из жалости к корабельщикам он рвёт струночки на гусях:

А й как тут Садке-купец богатый
новгородский в синём мори
А й как струночки он повырывал,
Шпенёчки у гусёлышек повыломал,

А не стал ведь он боле играти
во гусли во яровчаты

[5, с. 282].

В одном из вариантов былины Садко даже проникается жалостью к Морской царице, которой разгневанный супруг намерен отрубить голову, и начинает играть на гусях для того, чтобы помешать царю исполнить своё намерение.

В опере Садко жалеет, пожалуй, только новгородских посадников, великодушно отказываясь забирать проигранные ими лавки с товарами, а чувства его к Волхове не проникнуты жалостью и состраданием. Садко испытывает к ней эротическое влечение, к которому примешивается жажда богатства и план овладеть царской дочерью. Заметим, что, обращаясь любовно к Волхове («Лада моя! ... Царская дочь!»), Садко не забывает с удовольствием упомянуть о её царственном статусе. Ценность супружеской любви в опере занимает едва ли не низшее место в ценностном центре героя: собственную жену Любаву Садко не жалеет и возвращается к ней, по сути, поневоле.

В-пятых, эпический концепт стойкости, «неупадчивости» в былинах о Садко утверждается в драматической ситуации, когда герой должен устоять перед прелестями дочерей Морского царя. Никола советует Садко выбрать самую некрасивую из девиц (в одном варианте былины Черनावушка названа даже «Шелудявшкой» [2]) только потому, что с уродливой «невестой» ему будет легче воздержаться от связи.

Ай как лягешь спать

первой ночи ведь,

А смотри не твори блудá никакого-то

С той девицей со Чернавою, –

Как проснешься тут ты в синем море,

Так будешь в Новёграде
на крутом кряжу,
А о ту о реченку о Чернаву-то.
А ежели сотворишь как блуд ты
в синем море,
Так ты останешься навеки
да в синем море
[4, с. 420].

Садко проявляет послушание Николе и воздерживается от любовных утех на дне морском, и именно это даёт ему возможность избежать рабства и вернуться в мир людей. В опере-былине, напротив, наиболее характерным элементом ценностного центра героя является эротическая влюбленность в Морскую царевну, и этому чувству оперный Садко отдаётся безраздельно.

В связи с этой особенностью оперной интерпретации былины необходимо признать необоснованными все рассуждения о том, что образ Морской царевны якобы навеян духом русского эпоса. Русские былины не знают морских царевен, играющих сколько-нибудь самостоятельную роль в действии: они не более чем коллекция прелестных (и смертельно опасных) иллюзий, не обладающих собственным характером.

М. Янковский утверждает, что образ царевны Волховы есть одно из «отклонений» от содержания былин, которое, однако, «не является результатом самостоятельного творчества либреттиста или композитора, а, напротив, соответствует общему направлению духа как былинного эпоса, так и русской сказочности в целом [8, с. 345]». Это суждение исследователь обосновывает тем, что образ Мморской царевны заимствован из сочинения А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», а также

из русских сказок о Василисе Премудрой. Наблюдение о заимствовании образа влюбленной русалки из сочинения А. Н. Афанасьева, на наш взгляд, бесспорно, однако оно, скорее, опровергает тезис о соответствии образа Волховы «внутреннему смыслу» русских былин. Что же касается влияния на творчество Н. А. Римского-Корсакова сказочной Василисы Премудрой, то здесь М. Янковский полагает, что композитор «не совершает насилия над эпосом [8, с. 351]», а как бы обогащает его, поскольку привлекает к нему русские сказки.

По нашему убеждению, смешение в одной художественной реальности былинных и сказочных героев как раз и является насилием над русским эпосом. Смешивать два мира пытались М. Чулков, В. Левшин и многие другие; в результате были созданы фантастические миры, не имеющие никакого отношения к былинам. Не случайно русские крестьяне были убеждены, что за любое изменение исконного былинного текста полагается «проклятие», так как авторский вымысел разрушает смысловой код эпоса. Напротив, сказку всегда можно досочинить. Кроме того, в отличие от сказки, былинный мир вполне реалистичен. Все чудеса, происходящие в нём, имеют духовную основу и вполне соответствуют реальной практике взаимоотношений человека с духовным миром. Именно по этой причине в былине немислимы волшебные чудеса сказочного мира – «механические», то есть происходящие сами собой, без предварительного общения героя с Богом.

Былина и сказка – параллельные миры, поэтому появление влюблённой Василисы Премудрой в окрестностях

эпического Великого Новгорода совершенно невозможно.

М. Янковский утверждает также, что «по внутреннему смыслу былины, полностью соответствующему верованиям древних славян и отраженному в русской сказочности, брак Волховы с Садко и обращение её в реку являются символом того, что силы природы покорно ставятся на службу человеку [8, с. 350]». Однако внутренний смысл былины отражён в её ценностной системе и в мотивациях героя, которые подробно рассмотрены выше. Рассуждения М. Янковского не подтверждаются результатами аксиологического анализа эпоса. Они свидетельствуют о том, что эпос есть не пассивная память об освоении природы, не набор мёртвых обрядов, но собрание актуальных в любую эпоху моделей поведения – о драматических, жизненно важных для каждого человека моментах выбора между добром и злом. Это информация о типовых искушениях и прецедентах обретения духовной помощи, получаемой на краю гибели. В этом смысле сказочный

образ Василисы Премудрой категорически не вписывается в систему эпических смыслов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценности былинного мира в музыкальной интерпретации Н. А. Римского-Корсакова не были восприняты. Мотивация оперного героя решительно отличается от мотивации былинного Садко. Можно уверенно говорить о том, что ценностная система эпоса в опере-былине не просто «романтизирована» (как точно подметил Б. Асафьев, полагавший, что опера «Садко» есть «романтизированный эпос», «былина сквозь лирику сказки и сказаний о путешествиях» [1]), она буквально поставлена с ног на голову в соответствии с требованиями европейского оперного канона и политической модой конца XIX века. Девальвация подлинных эпических ценностей является причиной того, что художественный мир оперы-былины не приобретает эпического масштаба, несмотря на поистине гениальную музыку Н. А. Римского-Корсакова.

Примечания

1. Асафьев Б. Музыка Римского-Корсакова в аспекте народно-поэтической славянской культуры и мифологии // Советская музыка. 1946. № 7. С. 67–79.
2. Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / отв. ред. Т. Г. Иванова. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с. (Памятники русского фольклора).
3. Былины : в 25 томах. Том 2. Былины Печоры. Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001. 780 с. (Свод русского фольклора. Север европейской части).
4. Былины: Русский героический эпос / вступ. ст., ред. и примеч. Н. П. Андреева. Ленинград : Советский писатель, 1938. 576 с. (Б-ка поэта).
5. Былины : сборник / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Ленинград : Советский писатель, 1986. 552 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
6. Каренин В. Предисловие к переписке Н. А. Римского-Корсакова с В. В. Стасовым // Русская мысль. 1910. Кн. VI. С. 166.
7. Сборник Археологического института. Кн. III. Санкт-Петербург, 1880. 382 с.
8. Янковский М. О. Былинные истоки оперы «Садко» Н. А. Римского-Корсакова // Ученые записки Гос. НИИ театра, музыки и кинематографии. Том 2. Сектор музыки. Ленинград, 1958. С. 319–352.

References

1. Asafyev B. Muzyka Rimskogo-Korsakova v aspekte narodno-poeticheskoy slavyanskoj kul'tury i mifologii [Music by Rimsky-Korsakov in the aspect of folk-poetic Slavic culture and mythology]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. 1946, no. 7, pp. 67–79.
2. Ivanova T. G., ed. *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: sobranie A. V. Markova* [White Sea antiquities and spiritual verses: the collection of A. Markov]. St. Petersburg, Publishing house “Dmitriy Bulanin”, 2002. 1080 p.
3. *Byliny, v 25 tomakh. Tom 2. Byliny Pechory*. [Bylins. In 25 vol. Volume 2. Bylina Pechory]. St. Petersburg, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, Moscow, Publishing House “Classica”, 2001. 780 p.
4. Andreeva N. P., ed. *Byliny: Russkij geroicheskiy epos* [Bylins: Russian heroic epic]. Leningrad, Publishing House “Soviet writer”, 1938. 576 p.
5. Putilov B. N., ed. *Byliny: sbornik* [Bylins: the collection]. Leningrad, Publishing House “Soviet writer”, 1986. 552 p.
6. Karenin V. Predislovie k perepiske N. A. Rimskogo-Korsakova s V. V. Stasovym Preface to the correspondence between N. A. Rimsky-Korsakov and V. V. Stasov]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1910. Book VI. P. 166.
7. *Sbornik Arkheologicheskogo institute* [Collection of the Archaeological Institute]. Book III. St. Petersburg, 1880. 382 p.
8. Yankovsky M. O. Bylinnye istoki opery “Sadko” N. A. Rimskogo-Korsakova [Bylin origins of the opera “Sadko” of N. A. Rimsky-Korsakov]. *Uchenye zapiski Gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta teatra, muzyki i kinematografii. Tom 2. Sektor muzyki* [Scientific notes of the State Research Institute of Theater, Music and Cinematography. Volume 2. Music Sector]. Leningrad, 1958. Pp. 319–352.

*

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 008(091)

С. Н. Бледный, М. И. Смирнова

Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

В статье рассматриваются концепции развития культуры, сложившиеся в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века. На формирование культурософских подходов огромное влияние оказали исторические события, происходившие в данный временной период в российском обществе, а также особенности отечественной мыслительной традиции. Концепции развития культуры, предложенные представителями идеализма и марксизма, обращены к анализу важнейших для развития России и мира проблем, таких как динамика культурного развития, кризис культуры и варианты его преодоления, исторические задачи, особенности историко-культурного процесса, место и роль России в мировой цивилизации.

Ключевые слова: культура, культурное развитие, кризис культуры, русская культура, идеализм, марксизм.

S. N. Blednyy, M. I. Smirnova

National Research University "MPEI", The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Krasnokazarmennaya str., 14, 111250, Moscow, Russian Federation

CONCEPTS OF CULTURAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN SOCIAL-POLITICAL THOUGHT THE END OF 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

This article discusses the concepts of the development of culture that were formed in Russian social and political thought at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The formation of

¹БЛЕДНЫЙ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Гуманитарно-прикладного института Национального исследовательского университета «МЭИ» (г. Москва)

BLEDNYY SERGEY NIKOLAEVICH – Full Doctor of History, Professor of the Department of history and culturology, Institute of the Humanities and Applied Sciences, National Research University "MPEI"

²СМИРНОВА МАРИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культурологии Гуманитарно-прикладного института Национального исследовательского университета «МЭИ» (г. Москва)

SMIRNOVA MARINA IVANOVNA – Full Doctor of History, Professor, Head of the Department of history and culturology, Institute of the Humanities and Applied Sciences, National Research University "MPEI"

e-mail: bsn3010@rambler.ru¹, Vladimara@mail.ru²
© Бледный С. Н., Смирнова М. И., 2017

cultural approaches was greatly influenced by historical events that took place in this time period in Russian society, as well as the peculiarities of the national thought tradition. The concepts of the development of culture, proposed by the representatives of idealism and Marxism, are aimed at analyzing the most important problems for the development of Russia and the world, such as the dynamics of cultural development, the crisis of culture and options for overcoming it, historical tasks, the features of the historical and cultural process, the place and role of Russia in world civilization.

Keywords: culture, cultural development, crisis of culture, Russian culture, idealism, Marxism.

Для цитирования: Бледный С. Н., Смирнова М. И. Концепции развития культуры в русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 19–29.

Развитие культуры является индикатором духовной жизни любого общественного целого, а также экономических, политических и социальных процессов, происходящих в нём. Русскую культуру конца XIX – начала XX века можно представить как уникальный исторический феномен, повлиявший на становление российского общества и в полной мере отразивший перипетии данного сложного исторического периода, именуемого в историографии Серебряным веком русской культуры. Как известно, культура, являясь важнейшей системой общественной жизни, аккумулирует основные идеи эпохи и высвечивает их многогранные смыслы. В трудах представителей русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века даны оригинальные интерпретации таких важнейших вопросов, как динамика культуры, историософские проблемы, механизмы культурной самоидентификации и национального самосознания, особенности творческого понимания русского национального характера и задач русской культуры в контексте мирового цивилизационного развития.

В конце XIX – начале XX века в философской и общественно-политической мысли России сформировались два ос-

новных подхода к пониманию процессов кризиса культуры – оптимистический, его придерживались мыслители марксистского направления (А. А. Богданов, А. В. Луначарский и другие), и пессимистический, разделяемый философами-идеалистами (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и другие).

Упомянутые концепции развития культуры разрабатывались в «чрезвычайно специфических условиях “русского бытия”, в ситуации исторической сверхуплотненности событий [13, с. 365]». Это был период трёх революций, Первой мировой и Гражданской войн, а после прихода к власти большевиков – радикальной реорганизации социальной и духовной жизни. Все формировавшиеся в течение второй половины XIX века духовные силы, философские, художественные и социальные идеи обрели свою форму и достигли высочайшей выразительности. В отечественных гуманитарных исследованиях актуализировалась совершенно новая проблематика – жизнь человека в истории и культуре, диалектика духовного и материального в личностном и общественном бытии.

Несмотря на актуальность и востребованность изучения развития культуры и русской общественно-политической

мысли конца XIX – начала XX века, в настоящее время отсутствует комплексное исследование, посвящённое всестороннему рассмотрению данной проблемы.

Особенности общественно-политической мысли России второй половины XIX века и соответствующая событийная динамика представлены в монументальном издании «Очерки русской культуры XIX века» [13], однако вопросы развития культуры в указанном контексте не рассматриваются.

Полезной и содержательной для понимания тенденций развития отечественной общественно-политической мысли является статья В. В. Шелохаева, в которой предпринимается попытка осмыслить историю общественной мысли России в качестве самостоятельного интеллектуального и культурного явления [18].

Вызывает исследовательский интерес также труд В. В. Зеньковского [11], в котором дан не только удачный фактологический материал, но и беспристрастная авторская оценка характерных особенностей русской мыслительной традиции.

Коллективное издание «Философия культуры. Становление и развитие» [14] является полезным с методологической точки зрения, а также выступает удачной попыткой системной трактовки идей развития культуры и цивилизации, кризиса культуры в русской философской и общественно-политической мысли.

В трудах Н. А. Бердяева [см.: 2; 3; 4; 5], С. Н. Булгакова [см.: 8; 9], С. Л. Франка [см.: 15; 16; 17], А. А. Богданова [см.: 6; 7], А. Л. Луначарского [12] раскрыты авторские концепции понимания развития культуры, которые послужили основным аналитическим материалом в рамках данной статьи.

Особое место в этом перечне занимают работы Н. А. Бердяева, которые представляют ценность не только теоретическим анализом важнейших вопросов развития культуры (культура и цивилизация, человек в мире культуры и т.д.) в контексте философского творчества мыслителя, но и оригинальным осмыслением наиболее ярких черт отечественной культуры и национальной ментальности.

Кроме того, для всестороннего представления темы исследования были задействованы некоторые критические работы современных авторов, анализирующих идеи классиков отечественной философской и общественно-политической мысли [см.: 1; 10 и др.].

Глубоким самобытным исследованием русской культуры, её исторического концепта, или формулы – русской идеи, а также судьбы России в мировом историко-культурном процессе является монография А. В. Гулыги «Творцы русской идеи» [10], в которой учёный показывает яркое своеобразие культурологических идей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и других.

При написании статьи было полезным ознакомление с позициями иностранных авторов относительно понимания особенностей русской философской и общественно-политической мысли, а также представления культурных идей [см.: 19; 20; 21].

В результате теоретического анализа литературы по теме исследования выявлено, что в указанных источниках, монографиях и периодических изданиях затрагиваются лишь отдельные аспекты заявленной проблемы, в связи с чем возникает потребность во всестороннем исследовании основных концепций куль-

туры в отечественной общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века, основанном на принципах системности, содержательности, историзма.

В настоящей статье рассматриваются концепции развития культуры, сложившиеся в трудах представителей русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века, возникновение которых явилось результатом важнейших исторических событий, происходивших в указанный временной период. Также очевидно влияние на формирование указанных идей западноевропейской мыслительной традиции. Основная цель данной статьи – выявление и содержательный анализ важнейших культурософских проблем, представленных в рамках двух основных концептуальных подходов – оптимистического (мыслители-марксисты) и пессимистического (философы-идеалисты). Центральными вопросами, раскрытие которых и стало основными задачами статьи, явились следующие: динамика культурного развития, кризис культуры и варианты его преодоления, историософские задачи, особенности историко-культурного процесса, место и роль России в мировой цивилизации.

Развитие русской культуры в конце XIX – начале XX века не являлось равномерным процессом, сильнейшее влияние на него оказали переломные события в социально-экономической и политической сферах российского общества, в особенности – процессы общественно-политической борьбы. Идеиная жизнь общества указанного периода характеризовалась серьёзными сдвигами, способствовавшими складыванию соответствующей идейно-нравственной атмосферы для культурного развития страны.

Культура конца XIX – начала XX века вобрала в себя всю сложность и противоречивость эпохи, в которой отразились острейшие социальные конфликты и политические баталии. Результатом указанных процессов явились новые черты и особенности в общественном сознании. Речь идёт о Серебряном веке русской культуры, времени духовного ренессанса, который явил необыкновенный взлёт творчества и вошёл в сокровищницу не только русской, но и мировой культуры. В произведениях представителей Серебряного века впервые было выражено серьёзное беспокойство по поводу складывающегося соотношения в развитии культуры и цивилизации. Мыслители настаивали на том, что сохранение и возрождение духовности является настоятельной необходимостью времени.

Насущная потребность в социально-экономической и политической модернизации страны, а также военные поражения России вызывали острые социальные противоречия и привели в конечном счёте к масштабным революционным потрясениям. Все эти процессы оказывали влияние на культуру, творческие и идейные искания её деятелей, открывали новые пути для социально-культурного развития. Ряд существенных обстоятельств оказал влияние на своеобразие российской общественно-политической мысли:

- особое географическое положение России – между западной и восточной цивилизациями;
- неравномерность цивилизационного развития России в сравнении с передовыми странами Европы;
- предметная направленность русской мыслительной традиции. По словам Н. А. Бердяева, она «... стала, по преиму-

ществу, религиозной, моральной и социальной ... центральной темой была тема о человеке, о судьбе человека в обществе и в истории [3, с. 121]».

Можно выделить следующие характерные особенности развития общественно-политической мысли в России конца XIX – начала XX столетия.

1. Историософский вектор как ориентация на осмысление прошлого, преобразование настоящего и предвосхищение будущего. В данной связи в произведениях мыслителей актуализируется поиск справедливого общественного устройства и выявление места и роли России в мировой истории и культуре.

2. Острота осмысления социального вопроса. Искания русской общественно-политической традиции сопровождаются темой человека, его судеб и путей, цели и смысла человеческой жизни. Духовное совершенствование и обустройство земного бытия предполагает постоянное обращение к решению социальных проблем.

3. Влияние западноевропейской мыслительской традиции на отечественную общественно-политическую мысль, например учений Канта, Гегеля, Шеллинга и других. Безусловно, русская мысль является органической частью мировой философии и культуры в целом, но вместе с тем она отличается национальной самобытностью и уникальностью. Богатое теоретическое наследие Запада было воспринято и творчески переработано русскими учёными и философами, что позволило сократить долгий и нелёгкий путь собственного восхождения к высотам гуманитарной традиции.

4. Понимание сущности культуры в российской общественно-политиче-

ской мысли теснейшим образом связано с религиозным видением мира, прежде всего – с православием. В. В. Зеньковский отмечал в связи с этим, что «... русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой... [11, с. 14]».

5. Панморализм как доминанта моральных оценок и установок даже в отвлеченных проблемах. Опора на непреходящие человеческие ценности являлась одним из самых действенных и творческих начал русского философствования.

6. Чётко выраженный антимещанский лейтмотив. Самобытная русская мысль, по замечанию Н. А. Бердяева, «... всегда восставала против мещанства и буржуазности Запада... пыталась найти для России путь, которым можно миновать развитие капитализма с его неизбежным торжеством мещанства и буржуазности [2, с. 26]». Русской культурософии гораздо раньше, чем западной, удалось увидеть различия между культурой и цивилизацией и осознать последствия тупикового пути развития человечества.

7. Влияние на становление и развитие общественно-политической мысли резких социальных сдвигов и революционных катаклизмов, происходивших в стране. Понимание «рубежности», «переходности» времени, переживаемого Россией, было распространено в общественном сознании и способствовало возникновению пессимистических настроений, чувства наступления конца мира, разочарования в путях истории.

8. Культуроцентризм как определяющая черта, отличающая русскую общественно-политическую мысль от гуманитарных традиций других стран и народов. Вопросы сущности культуры, генезиса

цивилизаций, культурного кризиса у всех без исключения мыслителей находились в центре их научных интересов. Стоит заметить, что на рубеже XIX–XX веков формируется культурологическая мысль России как самостоятельная отрасль научного знания.

Самыми заметными в духовной жизни российского общества конца XIX – начала XX века являлись концепции культуры, имевшие в своей основе пессимистический и оптимистический сценарии [14]. Их разрабатывали, как мы уже отмечали, идеалисты (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и другие) и марксисты (А. А. Богданов, А. В. Луначарский и другие).

Для мыслителей – приверженцев идеалистической традиции – на рубеже столетий была очевидна ситуация крушения культурных основ не только в России, но и в мире в целом. Односторонний рационализм, безрелигиозность и бездуховность, по мнению Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и других, вели в цивилизационный тупик.

Пессимистические настроения в российском обществе усилились после поражения Первой русской революции. Романтические идеалы и надежды, связанные с судьбами родины и народа, сменились скептицизмом, неверием и отчаянием, рефлексией российской действительности и национальной психологии, осознанием застойных процессов в социуме.

В России обострился вечный дискуссионный вопрос в отечественной истории: Россия и Европа. Русские мыслители всё чаще обращались к исследованию причин и природы кризиса западно-европейской культуры, что также спо-

собствовало лучшему пониманию проблем российского общества.

Драматический конфликт культуры и цивилизации с особой остротой показан в творчестве Н. А. Бердяева, по мнению которого увидеть пути выхода из культурного кризиса можно только в эсхатологической перспективе. В своих трудах он раскрывает сущность культуры через её сопоставление с цивилизацией, при этом считая, что культура и цивилизация сосуществуют одновременно (к примеру, Шпенглер называл цивилизацию завершающим этапом в развитии культуры). Н. А. Бердяев даёт цивилизации как состоянию общества исключительно негативную оценку, поскольку происходит постепенное исчезновение духовных источников культуры, а жизнь индивида подчиняется технике, которая «заставляет его строить жизнь на основе принципа технической рациональности [4, с. 72]». Буржуазную цивилизацию он именует «цивилизованное варварство» и активно занимается её критикой.

Н. А. Бердяев считал, что личностное начало способно раскрыться только в культуре, тогда как цивилизация, при кажущейся свободе, обезличивает человека, лишает его оригинальности. Мыслитель, как и остальные участники сборника «Вехи» (1909), полагал, что выходом из социального и культурного кризиса является творческое самосовершенствование личности и воспитание её ответственности, тогда как улучшение социальных условий в данном контексте играет лишь вспомогательную роль.

Несомненно, путём спасения является религиозное преображение человечества. Человек должен всемерно утверждать в себе образ Божий, только тогда

он сможет сохранить источник своего творчества [3, с. 120].

В творчестве С. Н. Булгакова получает обоснование оригинальная концепция спасения человека в культуре через хозяйственное творчество. В центре внимания мыслителя всегда находится человек, занятый поиском смысложизненных ориентиров, жаждущий познания и духовного обогащения.

Творческое наследие С. Н. Булгакова, связанное с осмыслением понятия культуры и влияния на духовную культуру цивилизационного развития человечества, является менее изученным исследователями и предстаёт особенно актуальным в эпоху развития современного общества массового производства и господства потребительского поведения людей. В работе «Догматическое обоснование культуры» С. Н. Булгаков подробно рассматривает соотношение цивилизации и культуры в различных религиозных направлениях христианства [8].

С. Н. Булгаков полагал, что европейская культура и цивилизация не являются единственно возможным вариантом развития человечества. Запад необходимо воспринимать как исторический факт, имеющий как положительные (материально-технические и государственно-правовые достижения), так и отрицательные стороны (кризис духовности). Особенно мыслитель осуждал европейское «культурное эпикурейство» и «комфорт жизни». По его мнению, западничество должно быть «более углубленным» и «исторически сознательным».

В учении С. Л. Франка исследователи выделяют три основных направления: человек и культура (кризис современной культуры и поиски выхода из него), чело-

век и бытие, человек и Бог (вера, смысл жизни и поиски путей спасения). Особенно ярко в его работах показана роль интеллигенции в развитии русской культуры. Так же, как и другие авторы «Вех», С. Л. Франк адресовал российской интеллигенции начала XX столетия призыв – встать на путь творческого обновления на основе религиозного гуманизма [15, с. 209–210].

В статье «Кризис западной культуры» (1922) С. Л. Франк представляет глубокий анализ причин и характера европейского социокультурного кризиса конца XIX – начала XX века. По его мнению, шпенглеровская теория является неоднозначной для истолкования, однако «само уловление момента умирания западной культуры в явлениях “цивилизации” XIX века должно быть признано бесспорным [16, с. 49]». Примечательно, что идея О. Шпенглера не является новой для русской философской традиции. Тенденции культурного кризиса рубежа XIX–XX веков давно предчувствовали русские писатели и философы (И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и другие). Безусловно, это говорит о близости мировосприятия и созвучии русской и западноевропейской философий. Вместе с тем, по мнению С. Л. Франка, происходящее не является гибелью западной культуры, а только её глубочайшим кризисом, в котором можно увидеть отмирание старого и зарождение нового. Поэтому все прежде бесспорные ценности традиционной культуры подлежат глубокому пересмотру и проверке [15, с. 144].

Русские философы идеалистического направления видели в революции серьёзную угрозу для будущего России, по сути – начало национальной катастрофы.

Они призывали радикально настроенную интеллигенцию отказаться от пути насилия и утверждать религиозно-философские мировоззренческие основы, гуманистические ценности и идеалы. Проблемы общественной жизни, как считали идеалисты, могли быть решены через личное самосовершенствование и ответственность. Однако их взгляды не нашли желаемой поддержки в рядах интеллигенции, поскольку не была осознана важность решения социально-экономических вопросов для России в непростой период начала XX столетия.

Представители марксистского направления предлагали оптимистический сценарий построения новой культуры. Их варианты выхода из культурного кризиса основаны, прежде всего, на вере во внешние созидательные силы как отдельного человека, так и огромных социальных групп (партии, объединения, народы). Основой марксистской идеи была тесная взаимосвязь собственно культурной проблематики и необходимости революционного преобразования человека и общества. К началу XX века марксистами была всецело осознана значимость культуры в функционировании общества. Известные представители русского марксизма, такие как Г. В. Плеханов, А. А. Богданов, М. Н. Покровский, А. В. Луначарский и другие, рассматривали в своих работах проблемы культурного развития социума.

Выдающийся учёный и философ А. А. Богданов создал функционалистскую концепцию культуры, согласно которой данный феномен выступает «высшим способом организации [6, с. 3]». Основополагающая цель культуры – универсальное преобразование всей жизни

на основе оптимальной целесообразности организации Целого. А. А. Богданов как мыслитель довольно рано проявил склонность к конструированию всеохватывающей философской системы, дающей целостную картину мира [1, с. 54]. Его отличало своеобразное понимание основных постулатов марксизма – как некой матрицы, которую призваны заполнить «новейшие течения мысли».

Данный подход по отношению к культуре вызывал возражения у представителей русской идеалистической традиции. Так, по мнению Н. А. Бердяева, организованность убивает органичность. «Футуристическое искусство, господство гносеологизма, методологизма, прагматизма ... сама идея “научной философии” порождена цивилизаторской волей к могуществу, желанием приобрести метод, дающий силу [5, с. 168–169]». Однако ценности культуры являются самодостаточными и самоцельными, их недопустимо использовать в практической жизни.

А. А. Богданов, следуя классовому подходу, сформулировал программу культурной деятельности, на основе которой в процессе воспитания пролетариат мог овладеть её организационными формами и методами [7]. Вместе с тем общественная практика показала утопичность представлений об особых культурогенных сверхвозможностях рабочего класса.

Основы пролетарской культуры также были подробно разработаны в трудах А. В. Луначарского, что позволило добиться существенных успехов в приобщении народных масс к культурному воспитанию и творчеству в новом социалистическом обществе. Мыслитель внёс

огромный вклад в становление и развитие социалистической культуры, в особенности – советской системы образования, издательского дела, театрального искусства и кино.

Концепцию культуры А. В. Луначарского, в которой получила обоснование идея пролетарской культуры, можно охарактеризовать как «центристскую», поскольку её создатель занимал соответствующую позицию между сторонниками и противниками данной идеи. Основным принципом культуры является классовость (кроме первобытной и будущей социалистической культуры). Несмотря на то, что в основе культуры находится национальное начало, её развитие идёт по пути её интернационализации. При этом интернационализм сохранит национальные мотивы в общечеловеческой симфонии и будет способствовать их гармонии.

А. В. Луначарский подробно разработал и последовательно реализовывал доктрину культурной революции. В соответствии с ней предполагалось сделать все духовные ценности (просвещение, науку, искусство и т.д.) достоянием широких народных масс, изменить мировоззрение и духовный мир каждого человека, который должен стать сознательным и активным строителем социализма. Кроме того, изменение произойдет и в общественной психологии, нравственных принципах и эстетических взглядах людей. Результаты этого грандиозного события должны были затронуть все социальные слои и сферы общественной жизни [12, с. 39].

Во всех своих работах и выступлениях А. В. Луначарский последовательно проводил мысль о единении народа и интеллигенции в культуре, поскольку, по

его мнению, они всецело нуждаются друг в друге. Он видел свою цель в том, чтобы сделать народ интеллигентным, а интеллигенцию народной.

Таким образом, можно отметить, что, при всех различиях пессимистической и оптимистической концепций культуры, им было присуще общее творческое стремление, заключающееся в постижении сущности культуры для преодоления её кризисного состояния и обретения пути культурного возрождения. Кризис европейской культуры способствовал проявлению и лучшему осознанию ощущения грядущих социальных катастроф, которые предстояло пережить России. Однако сам кризис, его отражение в судьбе Отечества и пути культурного возрождения были осмыслены представителями идеалистической и марксистской философской и общественно-политической традиций конца XIX – начала XX века по-разному, в контексте ведущих установок этих интеллектуальных направлений.

В русской общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века были обозначены и исследованы ключевые проблемы развития культуры: динамика культурного развития, кризис культуры и варианты его преодоления, историко-культурные задачи, особенности историко-культурного процесса, место и роль России в мировой цивилизации. Изучение концепций культуры, предложенных представителями идеализма и марксизма, позволяет не только прояснить многие важнейшие вопросы культурного развития российской цивилизации, но и наметить серьёзные перспективы дальнейших исследований в этой познавательной области.

Примечания

1. Андреев А. Л. Богданов А. А. // Русская философия : словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. Москва : ТЕРРА–Книжный клуб ; Республика, 1999. С. 54–56.
2. Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // О русской философии. Сочинения : в 2 томах. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. Том 2. С. 5–39.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 320 с.
4. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Царство духа и царство кесаря / [сост. и послесл. П. В. Алексеева ; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой]. Москва : Республика, 1995. С. 4–162.
5. Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. Москва : Мысль, 1990. С. 162–174.
6. Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. Москва, 1911. 92 с.
7. Богданов А. А. Программа культуры // Вопросы социализма (работы разных лет). Москва : Политиздат, 1990. С. 325–334.
8. Булгаков С. Н. Догматическое обоснование культуры // Сочинения в двух томах. Т. 2. Избранные статьи / вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. Р. Бородинской. Москва : Наука, 1993. С. 637–643.
9. Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Сочинения в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства ; Трагедия философии / [сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. С. Хоружего]. Москва : Наука, 1993. С. 49–297.
10. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. Москва : Молодая гвардия, 2006. 314 с.
11. Зеньковский В. В. История русской философии : [в 2 томах]. Москва ; Ростов-на-Дону : АСТ ; Феникс, 1999. Том I.
12. Луначарский А. В. Революция и культура // Революция и культура. 1928. № 5. С. 39–45.
13. Очерки русской культуры XIX века. Том 4. Общественная мысль / редкол.: Л. Д. Дергачева и др. Москва : Изд-во МГУ, 2003. 528 с.
14. Философия культуры : Становление и развитие : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по филос. спец. и филос. направлению / М. С. Каган и др. Санкт-Петербург : Лань, 1998. 443 с.
15. Франк С. А. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание 1909 г. Москва : Новости, 1990. С. 175–210.
16. Франк С. А. Кризис западной культуры // Освальд Шпенглер и закат Европы / Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. Москва : Берег, 1922. С. 34–54.
17. Франк С. А. Крушение кумиров // Сочинения. Москва : Правда, 1990. С. 113–182.
18. Шелохаев В. В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы её изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 37–53.
19. James M. Edie. *Russian Philosophy*. Chicago, Quadrangle Books, 1965.
20. Copleston Frederick Charles. *Russian Religious Philosophy: Selected Aspects*. University of Notre Dame, 1988.
21. Hamburg G. M. and Randall A. Poole, eds. *A History of Russian Philosophy, 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. New York: Cambridge University Press, 2010. 440 p.

References

1. Andreev A. L. Bogdonov A. A. In: Maslin M. A., ed. *Russkaya filosofiya: slovar'* [Russian philosophy: dictionary]. Moscow, TERRA – Book Club Publishing House, Publishing House “Republik”, 1999. Pp. 54–56.
2. Berdyaev N. A. O kharaktere russkoi religioznoi mysli XIX veka [About character of the Russian religious thought of the 19th century]. *O russkoi filosofii. Sochineniia, v 2 tomakh. Tom 2* [About

- the Russian philosophy. Compositions, in 2 volumes. Volume 2*]. Sverdlovsk, Publishing house of the Ural State University, 1991. Pp. 5–39.
3. Berdyaev N. A. *Russkaia ideia [Russian idea]*. St. Petersburg, “Azbooka” Publishing house, 2008. 320 p.
 4. Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka [About slavery and freedom of the person]. In: Alekseev P. V., Medvedeva R. K., eds. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesaria [Kingdom of spirit and kingdom of the Caesar]*. Moscow, Publishing House “Republik”, 1995. Pp. 4–162.
 5. Berdyaev N. A. Volia k zhizni i volia k kul'ture [Will to live and will to culture]. *Smysl istorii [Sense of history]*. Moscow, Mysl Publishers, 1990. Pp. 162–174.
 6. Bogdanov A. A. *Kul'turnye zadachi nashego vremeni [Cultural problems of our time]*. Moscow, 1911. 92 p.
 7. Bogdanov A. A. Programma kul'tury [Program of culture]. *Voprosy sotsializma (raboty raznykh let) [Socialism questions (work of different years)]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1990. Pp. 325–334.
 8. Bulgakov S. N. Dogmaticheskoe obosnovanie kul'tury [Dogmatic justification of culture]. *Sochineniya, v 2 tomakh. Tom 2 [Works, in 2 volumes. Vol. 2]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1993. Pp. 637–643.
 9. Bulgakov S. N. Filosofii khoziaistva [Philosophy of economy]. *Sochineniya, v 2 tomakh. Tom 1 [Works, in 2 volumes. Vol. 1]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1993. Pp. 49–297.
 10. Gulyga A. V. *Tvortsy russkoi idei [Creators of the Russian idea]*. Moscow, Publishing house “Molodaya gvardiya”, 2006. 314.
 11. Zenkovsky V. V. *Istoriia russkoi filosofii, v 2 tomakh. Tom 1 [History of the Russian philosophy, in 2 volumes. Vol. 1]*. Moscow, Rostov on Don, Ast Press Publishing House, Publishing house “Phoenix”, 1999.
 12. Lunacharsky A. V. Revoliutsiia i kul'tura [Revolution and culture]. *Revoliutsiia i kul'tura [Revolution and culture]*. 1928, no. 5, pp. 39–45.
 13. Dergachev L. D., etc., ed. *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka. Tom 4. Obschestvennaia mysl' [Sketches of the Russian culture of the 19th century. Volume 4. Social thought]*. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 2003. 528 p.
 14. Kagan M. S., etc., eds. *Filosofii kul'tury: Stanovlenie i razvitie [Culture philosophy: Formation and development]*. St. Petersburg, Publishing house “Lan”, 1998. 443 p.
 15. Frank S. L. Etika nigilizma [Nihilism ethics]. *Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsii. Reprintnoe izdanie 1909 g. [Milestones: collection of articles about Russian intelligentsia. Reprint edition of 1909]*. Moscow, Publishing house “Novosti”, 1990. Pp. 175–210.
 16. Frank S. L. Krizis zapadnoi kul'tury [Crisis of the western culture]. In: Berdyaev N. A., etc., ed. *Osvat' d Shpengler i zakat Evropy [Oswald Spengler and decline of Europe]*. Moscow, 1922. Pp. 34–54.
 17. Frank S. L. Krushenie kumirov [Crash of idols]. *Sochineniya [Works]*. Moscow, The Pravda Publishing House, 1990. Pp. 113–182.
 18. Shelokhaev V. V. Social thought of Russia: teoretiko-methodological problems of her studying. *Voprosy istorii [Problems of History]*. 2010, no. 6, pp. 37–53. (In Russian)
 19. James M. Edie. *Russian Philosophy*. Chicago, Quadrangle Books, 1965.
 20. Copleston Frederick Charles. *Russian Religious Philosophy: Selected Aspects*. University of Notre Dame, 1988.
 21. Hamburg G. M. and Randall A. Poole, eds. *A History of Russian Philosophy, 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. New York: Cambridge University Press, 2010. 440 p.

РУССКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1750–1800-х ГОДОВ

УДК 008(091)

Г. В. Гриненко¹, Н. В. Синявина²

¹Всероссийская академия внешней торговли

²Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются основные направления и тенденции русского Просвещения. Авторы сначала останавливаются на трактовке понятия «просвещение» энциклопедистами, а затем проводят сравнительный анализ бытования идей просветителей в Западной Европе и России. Далее в статье даётся характеристика основных течений русского просветительства: вольтерианства, ставшего основой для возникновения нигилизма и радикализма; русского гуманизма, давшего впоследствии толчок для развития сентиментализма и романтизма; русского масонства, сыгравшего важную роль в распространении идей Просвещения. В рамках указанных направлений рассматриваются наиболее яркие их представители. Заключительная часть статьи посвящена анализу результатов деятельности русских просветителей, среди которых авторы выделяют и десакрализацию социальных отношений, и секуляризацию сознания, и возникновение нового типа интеллигента, способного к действию, и становление нового русского литературного языка.

Ключевые слова: Просвещение, просветители, русская культура, интеллигенция, секуляризация, обмирщение, русская история.

G. V. Grinenko¹, N. V. Sinyavina²

¹Russian Foreign Trade Academy, The Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Pudovkina str., 4A, 119285, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

RUSSIAN ENLIGHTENMENT AS A CULTURAL FEATURE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA 1750–1800th YEARS

The main trends and tendencies of the Russian Enlightenment are considered in the article. The authors first stop at the interpretation of the concept of “enlightenment” by encyclopaed-

¹ГРИНЕНКО ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли

GRINENKO GALINA VALENTINOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences, the Russian Foreign Trade Academy

²СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

Sinyavina NATALYA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

dists, and then conduct a comparative analysis of the existence of ideas of enlighteners in Western Europe and Russia. The article gives characteristics of the main trends of the Russian enlightenment: Valeriana, which became the basis for the emergence of nihilism and radicalism; the Russian humanism, later gave impetus to the development of sentimentalism and romanticism; Russian Freemasonry played an important role in spreading the ideas of the Enlightenment. Within these areas are considered the brightest of their representatives. The final part of the article deals with the analysis of the results of activities of Russian educators, among which the authors identify and desecralization of social relations, and the secularization of consciousness, and the emergence of a new type of intellectual, capable of action, and the formation of the new Russian literary language.

Keywords: Education, enlightenment, Russian culture, intelligentsia, secularization, secularism, Russian history.

Для цитирования: Гриненко Г. В., Синявина Н. В. Русское Просвещение как культурная функция отечественной интеллигенции 1750–1800-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 30–37.

Материальным символом эпохи Просвещения в Европе стала знаменитая «Энциклопедия», издававшаяся во Франции Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Л. Д’Аламбером, Вольтером и другими в 1750–1775 годах. Под «просвещением» они понимали не столько распространение знаний и приобщение к ним, сколько комплекс идей, связанный с секуляризацией сознания и десакрализацией социальных отношений.

В России после реформ Петра I можно констатировать существование модернизированной и традиционной субкультур, каждая из которых обладала специфической системой ценностей, мировоззренческой и поведенческой моделью. Идеи просветительства, пришедшие с Запада, становятся неотъемлемой частью преобразованной Петром I дворянской культуры, выступают как одно из её оснований.

Однако необходимо отметить, что бытование идей просветительства в России существенно отличалось от западноевропейского образца, поскольку у нас они затронули лишь незначительную часть дворянства, художественную и на-

учную интеллигенцию (собственно, она и занималась переводом статей «Энциклопедии», например, публицист и историк И. Н. Болтин, И. В. Лопухин, М. М. Херасков, собравшие кружок (1767) из 19 человек для этой работы). Другими словами, количество русских, увлечённых идеями энциклопедистов, было несравнимо меньше, чем в Европе. Таким образом, если на Западе эти взгляды распространялись по горизонтали, затрагивая и представителей третьего сословия, то в России – по вертикали, то есть сверху вниз.

Однако, несмотря на малочисленность отечественных адептов просветительства, необходимо отметить динамику в развитии этих идей (от просвещённого абсолютизма в 1750-е годы до критики абсолютистского государства и обращения к теории естественного права и общественного договора в 1770–1780-е годы) и наличие нескольких течений. Другими словами, движение было сложно, запутанно, приобретало иногда эклектичный характер.

Одним из самых ярких течений в русском Просвещении было «русское воль-

терианство» (М. Ломоносов, Д. Фонвизин, А. Сумароков). Хотя подобное название и не совсем точно отражает сущность самого явления, но «уже одно то, что именем Вольтера сами русские люди обозначали целое течение мысли и настроений, является очень характерным [2, с. 84]». Вольтер и его творчество, с присущими ему скептицизмом, иронией, критикой общественного строя и разного рода суеверий, становятся идеалом для отечественных просветителей, поэтому не случайно, что в течение XVIII века его произведения переводились в России 140 раз. Взгляды французского философа дали толчок к формированию на русской почве нигилизма и радикализма.

Нигилизм был присущ в большей степени повседневной культуре: антирелигиозность, секуляризация мысли в соединении с недостатком образования приводили к излишней эмансипации личности, отказу её от национальных традиций и устоев, что привело к появлению в русской бытовой культуре такого явления, как «пятиметр» / «кокетка». Радикализм же (самым ярким его представителем был А. Н. Радищев), «не знающий никаких авторитетов, склонный к крайностям и острой постановке проблем [2, с. 87]», опирался не только на идеи Вольтера, но и на концепции Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, П. Бейля, Ш. де Монтескье, К. А. Гельвеция. Идеал «Святой Руси», присущий допетровской эпохе и нашедший воплощение в идеологии «Москва – Третий Рим», не мог исчезнуть окончательно в результате реформ Петра I, он лишь трансформировался под влиянием процесса обмирщения и привёл к десакрализации власти и рождению утопий, что

нашло отражение во взглядах радикалов. Например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева следует рассматривать не только в контексте критики абсолютизма, но и как социальную утопию, автор которой выступает защитником всего естественного в тех, кто закрепощен. А. Н. Радищев, исходя из теории естественного права, отстаивал абсолютную автономию «естества», что и привело его к социально-политическому радикализму. С его точки зрения социальность является неотъемлемой частью личности (и в этом он расходится с позицией Ж.-Ж. Руссо), более того, социальность выступает для А. Н. Радищева основой морали, что разводит его с французскими моралистами, считавшими эгоизм («себялюбие») причиной генезиса социальных движений. Можно сказать, что он заложил основу для формирования на русской почве внецерковной, секуляризированной идеологии.

Эпоха Просвещения инициирует создание нового типа интеллигента, получившего хорошее образование, следящего за событиями в Европе и стремящегося к созданию новой национальной идеологии, проникнутой светским, мирским началом. Ему импонирует концепция «Великой России», формирование которой относится ко времени правления Петра I и которая пришла на смену вселенской идее спасения. Первопроходцами здесь выступали А. Д. Кантемир и В. Н. Татищев. Последний опирался на теорию естественного права и абсолютную автономию личности. В «Разговоре о пользе наук и училищ» он выступает апологетом секуляризации жизни человека, пишет о необходимости подчинения Церкви государству. В. Н. Татищев,

а далее и М. Щербатов, ставит проблему национального самопознания, стремящегося обосновать себя уже вне рамок церковной идеологии. Эта тенденция найдет продолжение у Н. М. Карамзина, начавшего возрождать идею «священного» характера власти, которая коренится в идеологеме «Москва – Третий Рим», сформированной в XVI веке. Однако «церковное обоснование учения о власти подменяется заботой о славе России, мощи и величии её [2, с. 133]».

Н. М. Карамзина по праву считают одним из главных идеологов русского консерватизма, партии, которой присуща противоречивость во взглядах и позициях. Эта черта свойственна и историку, описывающему в «Записке о древней и новой России» «идеальное самодержавие», которое выступает основой всей идеологической схемы («Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго – боязнь наказаний [3, с. 101]»), но при этом действия и поступки реального самодержца он подвергает критике. «Историю государства Российского» можно рассматривать не только как первый опыт систематического изложения русской истории, но и как один из первых вариантов мифа о России. В последующие годы свои версии этого мифа появятся и у П. Я. Чаадаева, и у Н. В. Гоголя, и у славянофилов и западников, и у лидеров различных социально-политических групп. При всей своей несхожести, а порой и противоречивости, эти мифы суть одного исходного мифа, созданного в том числе и Н. М. Карамзиным. Главная объединяющая их черта есть желание обмануть дей-

ствительность, выстроить некую новую реальность. Типологически эта проблема могла быть решена двумя путями: в первом случае отсутствовала воля к действию, поэтому миф лишь наполнялся новыми идеями и социоидеологическими феноменами, что приводило к перестройке его структуры, смещению ценностных акцентов и ориентиров. Второй вариант предполагает наличие потенций, амбиций, приводящих в действие определённые общественные слои, выступление которых меняло картину действительности. Природа этого единообразного на протяжении нескольких веков мифа синтетична, поэтому определённую сложность представляет анализ его элементов, и унаследованных из предшествующей отечественной истории, и позаимствованных из западноевропейской культуры.

На этом этапе можно обозначить ещё одну тенденцию во взглядах русских просветителей – рождение независимого человека, выступающего субъектом, двигателем и творцом новой культуры и новой России, что потребовало нового литературного русского языка.

Процесс ассимиляции церковнославянского языка и простонародного наречья и формирование единой русской грамматики в 1650–1680-е годы затрудняло закреплённое даже в глагольных формах противопоставление «мира горного» и «мира дольного». Семантика некоторых понятий, базовых для западноевропейской культурфилософии, имела в русском языке XVII века отрицательную коннотацию.

Например, «слово “сознание” связано с мыслью об отрицательном отношении к себе, о самоосуждении. Активного глагола сознавать вовсе нет в народной

русской речи, а есть только возвратный сознаваться. Сознаются люди в своих недостатках, грехах и преступлениях [7]». Поэтому работа по унификации различных форм русского языка началась лишь в 1700–1740-е годы. Одна из главных заслуг в этом процессе принадлежит М. В. Ломоносову, который, путешествуя по различным районам Германии, обратил внимание на бытование в них местных диалектов, сосуществовавших при этом с единым немецким литературным языком. Проанализировав положение дел в данной сфере в Германии и России, учёный пришёл к выводу, что в его собственной стране отсутствует литературный язык, способный выступить основой для формирования единого культурного пространства и средства коммуникации. М. В. Ломоносов осознавал значимость и богатство древнерусской литературы, стилистические возможности церковнославянского языка, указывая при этом и на пластичность русского просторечья. Ему казалось неприемлемым отказаться от одной из существовавших в Древней Руси форм языка, как предлагал, например, В. К. Тредиаковский, считавший церковнославянский язык неблагозвучным и непонятным. М. В. Ломоносов же предложил компромиссный вариант трёх «штилей» («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757), включавший все разновидности русского языка. Кроме того, именно он создаёт первую «Российскую грамматику» (1755, была опубликована в 1757), введение в которую начинается с преклонения перед русским языком: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим простран-

ством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали [4, с. 309]». М. В. Ломоносов создаёт и первое пособие по риторике на русском языке («Краткое руководство к красноречию», 1748), представляющее собой общий курс теории литературы и свидетельствующее о возможности приложения общих литературных принципов и к русской словесности.

Познакомившись с работой В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), он начинает искать решение проблемы русской версификации и создаёт «Письмо о правилах российского стихосложения» (1739), в котором излагает свою теорию силлабо-тонического стихосложения, вновь подчёркивая самобытность русского языка: «Российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить [5, с. 241]». Кроме того, М. В. Ломоносов призывает бережно относиться к национальным русским литературным традициям и с осторожностью к различным иностранным заимствованиям: «Понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать [5, с. 242]». Таким образом, работа М. В. Ломоносова в сфере русской словесности заложила основу для дальнейшего развития русского литературного языка, продолженную в последующий период Н. М. Карамзиным и А. С. Пушкиным.

В контексте идей Просвещения возникает и русский гуманизм (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев и другие), изначально концентрирующий в себе проблемы социального и морального порядка. Главное внимание представителей этого направления было сосредоточено на сфере образования, в рамках которой предполагалось создание «новой породы людей», где на первый план выходило «воспитание сердца», а не разума. Н. И. Новиков в статье «О высоком человеческом достоинии» писал: «Всё пространное поле наук и художеств преобразилось бы в пустое, бесплодное и сведения не достойное мечтание, ежели бы оные не стремились ко исправлению человеческого сердца [6]». Можно сказать, что представители русского гуманизма исходили из примата нравственности над разумом. В этом можно увидеть отголоски влияния Ж.-Ж. Руссо и английских моралистов, однако необходимо отметить, что морально-нравственный аспект на протяжении столетий был неотъемлемой частью мировоззрения русского человека.

Многие представители русского гуманизма состояли в масонских ложах (Н. И. Новиков, И. В. Лопухин, М. М. Херасков, С. И. Гамалея и другие). Масонство в этот период сыграло огромную роль в распространении идей Просвещения и поддержании духовных исканий той части русского общества, которая не была удовлетворена атеистическими настроениями эпохи и испытывала потребность быть реализованной в духовно-религиозной сфере. Кроме того, оно давало возможность служить обществу, веру в идеал, позволяло освободиться от поверхностного вольтери-

анства и развиваться умственно, при этом выступало против одностороннего интеллектуализма. Масонство позволило многим представителям художественной и научной интеллигенции прийти к осознанной «сосредоточенной духовной жизни, к серьёзному и подлинному идеализму и даже религиозной жизни (вне Церкви, однако) [2, с. 104]».

Особенность подобного претворения просветительских идей в России связана, прежде всего, с происходящим в рамках данной эпохи процессом «взросления человека», для которого свойственно восприятие личностью собственной автономности, выстраивающей прямой диалог с Богом и историей, самим собой. В связи с этим каждый русский просветитель считал не просто возможным, а испытывал потребность обозначить собственную позицию относительно того или иного социально-политического и культурного явления.

Родословная данного процесса в западноевропейской культуре восходит к эпохе Возрождения. Россия же, так и не пережившая Ренессанс как особый историко-культурный период, переворот, связанный с усилением мирского и личного начала, включилась в него лишь на рубеже XVII–XVIII веков. Случившаяся в 1650-е годы в русском обществе расколотовость на традиционалистов и новаторов, когда каждый должен был совершать личностный выбор в вопросах веры, образования, модели поведения, следует рассматривать как исходную точку становления «Я».

Этот процесс был особенно болезнен для русского общества, поскольку в период 1700–1725-х годов произошла «контаминация рационалистических

идей и собственно, диаметрально противоположного исторического опыта [1, с. 221]».

Кроме того, за короткий период необходимо было одновременно решить три важнейшие антропологические проблемы, которые связаны с нахождением баланса между ещё цельным субъектом и универсумом (антропофизическая, актуальная для эпохи Возрождения), взаимоотношениями «Я» и мира (психофизическая, волновавшая западноевропейских философов XVII века), «Я» и тела (психофизиологическая, присущая европейской цивилизации XVIII века). В других национальных культурах прохождение этих этапов заняло фактически 400 лет (XV–XVIII века), России же предстояло их преодолеть за полтора столетия (1650–1790-е годы), что и отразилось на характере протекания этого процесса и его свойствах: генерируемые им

проблемы отличались синтетичностью, а культурное поле приобрело мозаичность.

Несмотря на некоторую запутанность философских позиций русской интеллигенции, соединение в них наивного и глубокого, они оказались актуальными для русской культурфилософии, что проявится со всей очевидностью в последующие периоды.

Таким образом, русское Просвещение можно рассматривать как грандиозный сдвиг в истории русской культуры, поскольку результатом данной эпохи выступают и секуляризация сознания, и десакрализация власти, и формирование нового литературного языка, и обращение к национальному прошлому, ставшему предметом изучения. Кроме того, начатые в этот период процессы будут поддержаны следующим поколением художественной и научной интеллигенции.

Примечания

1. *Боханов А. Н.* Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. Москва : Вече, 2005. 400 с.
2. *Зеньковский В.* История русской философии. Москва : Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
3. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. Москва : Наука, 1991. 130 с.
4. *Ломоносов М. В.* Из российской грамматики // О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. С. 309–311.
5. *Ломоносов М. В.* Письмо о правилах русского стихосложения // О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. С. 241–250.
6. *Новиков Н. И.* О высоком человеческом достоянии [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0130.shtml
7. *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/351436-natcionalnij-vopros-v-rossii.html>
8. *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ [Электронный ресурс]. URL: <http://tatischev.lit-info.ru/tatischev/text/razgovor-o-polze-nauk-i-uchilisch.htm>

References

1. Bokhanov A. N. *Russkaia ideia. Ot Vladimira Sviatogo do nasbikh dnei* [Russian idea. From St. Vladimir up to now]. Moscow, Publishing house "Veche", 2005. 400 p.
2. Zenkovsky V. *Istoriia russkoi filosofii* [History of the Russian philosophy]. Moscow, Publishing house "Academic Project", Publishing house "Raritet", 2001. 880 p.
3. Karamzin N. M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom odnosheniiakh* [Note about ancient and new Russia in her political and civil relations]. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1991. 130 p.
4. Lomonosov M. V. Iz rossiiskoi grammatiki [From the Russian grammar]. In: Platonov O A., ed. *O sokhranении rossiiskogo naroda* [About preservation of the Russian people]. Moscow, Publishing house of the Institute of Russian Civilization, 2011. Pp. 309–311.
5. Lomonosov M. V. Pis'mo o pravilakh rossiiskogo stikhoslozheniia [Letter on rules of the Russian versification]. In: Platonov O A., ed. *O sokhranении rossiiskogo naroda* [About preservation of the Russian people]. Moscow, Publishing house of the Institute of Russian Civilization, 2011. Pp. 241–250.
6. Novikov N. I. *O vysokom chelovecheskom dostoianii* [About high human property]. Available at: http://az.lib.ru/n/novikow_n_i/text_0130.shtml
7. Solovyev V. S. *Natsional'nyi vopros v Rossii* [National question in Russia]. Available at: <http://e-libra.ru/read/351436-natsionalnij-vopros-v-rossii.html>
8. Tatischev V. N. *Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch* [Conversation on advantage of sciences and schools]. Available at: <http://tatischev.lit-info.ru/tatischev/text/razgovor-o-polze-nauk-i-uchilisch.htm>

*

ЦАРСКИЙ РИТУАЛ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ КАК ИНИЦИАЦИЯ

УДК 94(358)

И. В. Випулис

Московский государственный институт культуры

В статье проводится сравнительный тематический и структурно-функциональный анализ архаического посвящения и царского ритуала Древнего Востока. С одной стороны, в царских ритуалах во время месопотамских (шумерских, вавилонских, ассирийских) праздников (Акиту, Закмук, Зоган) выявляются признаки инициации, а с другой – царский ритуал рассматривается как этап развития архаической возрастной инициации уже в рамках специализированного посвящения в древней цивилизации (конфессионального и посвящения в сан, должность). Для развития царского ритуала в шумерской культуре, как и для архаической инициации на раннем этапе, характерны материнский тип посвящения, связь с аграрной обрядностью, мифы об умирающих и воскресающих богах – в качестве ритуальной основы, отсутствие тяжелых испытаний на втором (лиминарном) этапе ритуального комплекса и другое. Но в процессе социогенеза в вавилонской культуре ритуал приобретает признаки отцовского типа посвящения, включает космогонические мифы, в нём усиливается тема испытаний неопита, а также его сакрализация и т.д. Приобретая политическое значение в ассиро-вавилонской культуре, ритуал, теряя признаки конфессионального посвящения, всё более становится ритуалом возведения в должность царя на всеобщем празднике.

Ключевые слова: царский ритуал, конфессиональное посвящение, посвящение в сан, должность, коронование, архаическая инициация, Древний Восток, Вавилон, месопотамская, шумерская культура.

I. V. VipoulisMoscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE ROYAL RITUAL OF ANCIENT MESOPOTAMIA AS INITIATION

The article compares the thematic and structural-functional analysis of the archaic initiation and the royal ritual of the Ancient East. On the one hand, tsarist rituals during the Mesopotamian (Sumerian, Babylonian, Assyrian) holidays (Akita, Zakmuk, Zogan) reveal signs of initiation, and on the other – the royal ritual is seen as a stage of development of archaic age initiation already

ВИПУЛИС ИРИНА ВИКТОРОВНА – старший преподаватель кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

VIPOULIS IRINA VIKTOROVNA – senior teacher of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: vipoulis@mail.ru

© Випулис И. В., 2017

within the framework of a specialized initiation in the ancient civilization (confessional and consecration, office). The development of the royal ritual in the Sumerian culture, as well as for the archaic initiation at an early stage, is characterized by the maternal type of initiation, the connection with the agrarian ritual, the myths of the dying and resurrecting gods – as a ritual basis, the absence of severe tests at the second (laminar) stage of the ritual complex, etc. But in the process of sociogenesis in Babylonian culture, the ritual acquires the signs of the paternal type of initiation, includes cosmogonic myths, the theme of the neophyte's trials, as well as its sacralization, etc., is intensified. This political significance in the Assyro-Babylonian culture ritual, losing the signs of confessional initiation, became more and more the ritual of the inauguration of the king on a general holiday.

Keywords: royal ritual; confessional initiation; ordination to dignity, position; coronation; archaic initiation; Ancient East, Babylon, Mesopotamian, Sumerian culture.

Для цитирования: Випулис И. В. Царский ритуал древней Месопотамии как инициация // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 38–48.

Инициация – один из самых устойчивых духовных феноменов в мировой культуре. Ритуал возрастных посвящений начал формироваться в первобытном обществе на основе аграрных обрядов с целью социализации подрастающего поколения. Позднее, с развитием религиозно-магических представлений, актуализируется функция сакрализации неофитов. В эпоху патриархата, при переходе от материнского к отцовскому типу посвящения, сакрализация постепенно вытесняла функцию социализации, а в условиях развития цивилизации начала приобретать ещё и политическое значение. Подобная функциональная трансформация особенно характерна была для специализированных типов инициации (посвящения в тайное общество, в сан, должность и других), развивавшихся на основе исходных возрастных посвящений. При этом основные темы инициации – смерти и «нового рождения» неофита, приобретали всё более символический характер (от реальной смерти к ритуальной, от «нового рождения» к «возрождению»). Общая трехступенчатая структура посвящения как

обряда перехода (прелиминарный этап (отделение), лиминарный (промежуток, испытание), постлиминарный (включение)) со временем усложнялась с появлением дополнительных стадий и этапов [2, с. 15–16]. В результате перехода неофита в новое качество внутренние изменения его личности, как прошедшего посвящение, маркировались внешними формами.

Примером развития ритуала посвящения в культуре Древнего Востока можно считать царские ритуалы Месопотамии, которые, по мнению многих учёных (А. М. Хокарта, М. Элиаде [7, с. 74], А. ван Геннепа [2, с. 103] и других), имеют инициационную природу. С данным утверждением связано и предположение Дж. Дж. Фрэзера о широко распространённом ещё в позднем архаическом периоде культе божественного племенного вождя-царя (или мага, колдуна, жреца): «... царей почитали не просто как священнослужителей, посредников между человеком и богом, но и как богов, способных оделить своих подданных и поклонников благами, которые ... испрашиваются ... у сверхъестественных, невидимых существ [6, с. 17]». Согласно Фрэ-

зеру, царь-жрец обладал властью над природой, причём это влияние осуществлялось как сознательно, так и помимо воли правителя. Царь являлся как бы динамическим центром Вселенной, и существование Вселенной зависело от его поступков и здоровья его тела. Поэтому, для предотвращения опасности, царя, утрачивающего божественный дар, умерщвляли, заменяя молодым преемником, полным сил. Это деяние оправдывалось тем, что в результате церемониального убийства происходит переселение души правителя из его теряющего силу тела в тело достойного преемника, тем самым предотвращалось разрушение мира [6, с. 283]. Представители школы ритуалистов помещали эпицентр данного праритуала на территорию Древнего Ближнего Востока во времена позднего неолита. Например, английский учёный С. Г. Хук рассматривал версию о месопотамском происхождении базового ритуала – коронации в Древнем Вавилоне.

Так как данный царский ритуал был связан с шумерскими, вавилонскими и ассирийскими праздниками – Акиту, Закмук, Зоган, проанализируем их, акцентируя внимание на развитии в них инициационного комплекса.

Востоковед-шумеролог В. В. Емельянов в монографии «Шумерский календарный ритуал» подчёркивает первоначальную сугубо сельскохозяйственную природу шумерского праздника Акиту, который был посвящён смене полугодий (весенним и осенним равноденствиям) и справлялся дважды в году – весной (Акиту жатвы) и осенью (Акиту сева) в периоды новолуния [4, с. 261]. Отметим, что и архаическая возрастная инициация начала своё формирование с соци-

ально-экономической направленности в рамках аграрной культуры. В мифологической основе Акиту лежат сюжеты об умирающих и воскресающих божествах растительности и плодородия (Думузи (Таммуза), Нинурты, Нанны и других). Поэтому название праздника – Акиту («обитель», «женский дом», «содержание в заключении», «тюрьма», «Подземный мир»), означало и место хранения зерна, и помещение за городом, куда временно переселялось божество-царь на время праздника. Позже Акиту мог быть представлен большим хозяйственно-культовым комплексом. Таким образом, акиту как место временной ритуальной инкубации царя соответствовал изолированным от профанного мира священной роще, лесу и т.п. в архаическом посвящении.

Обратимся к празднованию одного из ранних вариантов Акиту в шумерском Уре, где царь отождествлялся с божеством Нанной (богом Луны и вечности). Праздник состоял из трёх частей:

1. «Исчезновение бога». Трёхдневное уединение бога-царя сначала в священном месте городского храма, где определялась его судьба, а затем в доме-акиту в пригороде Ура.

2. «Кормление бога». Молитвы и подношения богу-царю в виде богатых пищевых жертв в городском храме и доме-акиту.

3. «Возвращение бога». Восшествие бога-царя на престол в городском храме на пятый день символизировало и начало полугодия, и обновление царственности [4, с. 262].

Как видим, ранняя форма ритуала содержит трехчастную композицию посвящения (1) сегрегация – «исчезновение

бога»; 2) «кормление бога»; 3) включение – «возвращение бога»), но в ней отсутствует явный элемент испытания царя, если под таковым не считать «кормление бога». Хотя кормление может означать восстановление сил после испытаний (например, после поста). В. В. Емельянов отмечает развитие драматизации в позднем варианте шумерского обряда, а именно – появление плачей по исчезнувшему богу, просьбы к богам о помиловании его и совершение допроса бога в акиту (испытание – «допрос царя»). В другом шумерском городе, Ниппуре, подобное же происходило с царем в роли главного бога Нинурты (бога войны, покровителя земледелия, скотоводства), который перед началом праздника вступал в сражение с врагами. При анализе данного шумерского ритуала становится очевидным, что его схема ещё более точно соответствует трехчастной композиции инициации:

1) отделение – сражение с врагами, уединение бога-царя в удалённой части храма, его исход из города в дом-акиту;

2) испытание – пребывание в акиту, подобно жертве Подземного мира, его допрос, обряд великого плача;

3) включение – кормление царя-бога и его возвращение в город, восшествие на престол.

Вновь мы обнаруживаем аналогии с развитием возрастной инициации, вначале не содержащей элементов жестоких испытаний, которые появляются на последующих этапах социогенеза.

В дополнение к общей характеристике праздника приведём упоминание о других элементах второго осеннего Акиту: определённые аскезы, запреты для царя, пищевые табу, его ритуальное

омовение и покаяние, пешие переходы из храма во дворец. Как видим, в данном варианте происходит усиление испытаний второго периода (лиминарного). При этом следует упомянуть отдельные элементы царского ритуала ранней Месопотамии, повествование о них хоть и сохранилось лишь частично, но именно эти элементы разовьются в характерную особенность царского культа в Древнем Египте. Речь идёт о ритуальном беге шумерского царя Шульги из Ниппурского храма в храм Ура с великими подношениями богу Нанну. Чтобы передать своё духовное рвение и показать физическую выносливость, царь в клинописных текстах сравнивает себя с «лучшим ослом, предназначенным для трудной дороги», «жеребцом ... конем, чей хвост по дорогам вьется», с летящим орлом. (Отметим, что данные метафоры могут быть связаны с териантропией, широко представленной в архаических инициациях.) Так как после ритуального бега следовала интронизация царя, вероятно, бег служил «обрядом-испытанием, подтверждавшим молодость царя и дававшим право на продление срока его правления [3, с. 114–115]». Интересно, что обрядовые соревнования по бегу, как предварительные испытания, наблюдаются в возрастных посвящениях у современных африканских масаев [2, с. 82].

Другой шумерский праздник Загмук (Загмук) («край года, начало года», «главное ритуальное событие») связан с восшествием царя на престол и с обновлением царственности [4, с. 269, 292]. По мнению востоковеда Б. А. Тураева, главным содержанием этого праздника было чествование местного божества: в Ниппуре, Теллохе – бога Нингирсу

(тождественен Нинурте), в Вавилоне – бога Мардука [5, с. 136]. Он мог совпадать с первым весенним Акиту. Как правило, во время Закмука интронизация царя легитимировалась его священным браком с богиней (женой главного местного бога, или Инанной, Иштар) – верховной жрицей, что являлось одним из признаков материнского типа архаического посвящения. Подобная форма передачи власти, прежде всего, наделяла царя потенцией, позволяющей ему влиять на умножение производительной силы в земледелии, скотоводстве и в обществе своего государства. Данный тип передачи власти называют скотоводческим, так как он был уподоблен поведению животных, когда признание самца главной самкой определяет его статус как вожака стаи. Именно поэтому, например, брак Инанны-жрицы и Думузи-царя чаще всего происходил в поле, на пастбище, в загоне для скота или в помещении, символизирующем загон [4, с. 357]. (Здесь ещё очевидно проявление экономической направленности посвящения и, возможно, элементов териантропии.) В Месопотамии конкубинат нередко был инцестом, так как верховными жрицами назначали дочерей царя [3, с. 96]. (В возрастных архаических инициациях также часто наблюдался ритуальный инцест как одна из форм передачи магической силы от инициатора неофиту.) Месопотамская иерогамия предполагала передачу богиней своему земному супругу священным МЕ. «МЕ (от глагола “быть-являться, быть в своем облике, быть заметным”) – потенции, идеальные модели вещей и качеств, имеющих отношение к храму и к жизни богов [3, с. 34]». Своего рода это был энергетический запас любой

вещи, явления, действия, жизненная сила человека, которым распоряжались боги. Задача царя состояла в том, чтобы сделать МЕ явными, совершенствовать их, восстанавливать [4, с. 368]. С развитием ритуала менялись акценты главных качественных характеристик МЕ. Вначале, как мы заметили выше, они служили усилению всеобщей производительности (выражение функции экономической социализации). Затем, в условиях активного развития государственности, к плодородной силе добавляются новые свойства политического характера: «МЕ помогают одержать победу в войне, укрепляют власть правителя и способствуют увеличению населения и приросту урожая [3, с. 34]» (развитие политической функции). А на поздних этапах месопотамской истории МЕ стали связываться с интеллектуальной образовательной деятельностью, с мудростью [4, с. 385]. Таким образом, месопотамские МЕ были неким аналогом той магической силы, которую получал неофит от инициатора в архаических возрастных посвящениях.

В развитии царского ритуала менялось отношение к священному браку: от его неизбежности (в шумерском ритуале) до его эпизодичности (в ассирио-вавилонском варианте). Эта трансформация выразила себя как в изменении образа главного инициатора ритуала – бога, так и, соответственно, в характеристиках идеального царя. В период формирования ритуала, когда, по словам В. В. Емельянова, «преимущество женского начала над мужским являлось характерным признаком шумерской культуры [4, с. 358]», в его центре был бог Думузи – бог растительности, плодородия (пассивность, подчинение женщине,

скотоводство, сельская жизнь). Позже образ Думузи отходит на второй план и его место занимает воин и земледелец Нингирсу – Нинурта (активность, доминирование над женщиной, город, ирригация и земледелие) [4, с. 381], то есть на смену фертильному типу правителя (пассивный реципиент атрибутов и символов власти с сыновней почтительностью и щедростью предкам) [4, с. 353] приходит маскулинный тип царя. На основании данного замечания следует сделать вывод о постепенном замещении материнского типа посвящения отцовским, что также было характерно для архаической инициации при переходе к патриархату. Ещё большая брутализация, выраженная в ритуале, происходила в условиях имперского ассиро-вавилонского правления. Именно тогда появится, с одной стороны, элемент ритуального унижения царя перед образами богов, а с другой – в титулатуре утвердится его «божественность» в маркировке посвященного, в имени «владыка МЕ» (утверждение сакрализации).

Вернемся к шумерскому варианту ритуала и отметим ещё одно важное условие легитимации правителя, которое наиболее представлено в интронизации Гудеа, шумерского правителя Лагаша. Речь идёт об участии царя в строительном ритуале – восстановлении городского храма, что было актуально в условиях постоянных затоплений в Междуречье, влекущих разрушение построек из непрочного глиняного сырцового кирпича. Кроме этого, важными элементами коронования также были «кормление богов» – жертвоприношения храмам животными и растениями во время царского «Священного пути» – водного путеше-

ствия по каналу, ритуальная инкубация царя, где он получал откровения богов в виде священных снов, его очищение и молитвы о получении МЕ, а также заключительное освящение храма [4, с. 280–284]. Обильное жертвоприношение царя объяснялось тем, что боги, отдавая царю МЕ, ослабляют свои ресурсы, поэтому их кормление в виде подношения им жертв перед получением МЕ является энергетической компенсацией за потерю их жизненной активности. К очистительным действиям ритуала относились сначала умащение освящённым маслом и омовление царя, а затем – после облачения в чистое льняное одеяние – избавление царя от демонов произнесением заклинательных формул (экзорцизм). Причём очищение царя происходило ночью в особых семи комнатах «Дома омовения». Образ воды в данном ритуале, ордалии, вероятно, был амбивалентным: и как сила разрушения и уничтожения (несущая смерть), и как источник мудрости, первоначальной чистоты, созидательная сила (возрождающая, восстанавливающая).

Третье название шумерского праздника – Зоган. Именно с ним связана открытая форма выражения одной из основных тем инициации – темы смерти, развивавшейся ещё в архаическом посвящении от реальной до символической формы. Зоганом был лжецарь, носивший этот титул пять дней, готовясь стать заменительной жертвой правителя. Согласно представлениям месопотамцев, если правителю предсказывали опасность, болезнь, преждевременную смерть, необходимо использовать средства магической защиты царя, а именно – произвести временное его отречение от власти, избрание нового преемника

и передачу ему всех царских регалий. По этой логике опасность должна обрушиться на того, кто занимает трон в данный момент, то есть на его преемника. Если такой момент долго не наступал, его приближали преждевременным убийством зогана, которого бичевали, распинали или вешали. Таким образом, он вместо царя смывал грехи народа своей кровью. После этого прежний царь возвращался на престол. Позже эту «профилактику царской власти» стали проводить ежегодно. Зогана играл преступник, осужденный на смерть, которому позволяли в последние пять дней жизни не только облачаться в царские одежды, но и пользоваться всеми привилегиями царя. «Ажецарь, магически наделённый всей полнотой власти и силой царя, вместе с ними воспринимал на себя и всю ответственность за грехи народа, а потому должен был в конце года падать кровавой искупительной жертвой в умиловительные демонов [1, с. 291]». В поздних вариантах праздника избирали двух зоганов, первого впоследствии предавали смерти, а второго отпускали на свободу, таким образом, одновременно выражалась не только тема смерти, но и тема воскрешения, другая основная тема инициации.

Рассмотрев развитие и содержание основных элементов раннего ритуала коронации, перейдём к его позднему варианту и проанализируем развитие общей структуры ритуального комплекса посвящения. Итак, в Вавилоне, а впоследствии и в Ассирии, произошло объединение представленных выше элементов различных обрядов и образов в единый ритуальный комплекс интронизации царя, поэтому праздник мог называться и Акиту, и Загмук, и Зоган. При этом

он уже прочно был связан с празднованием Нового года. В данном случае будет уместно напомнить о том, что М. Элиаде в своих работах подчёркивал особую значимость соответствия циклов биологической, астрально-хозяйственной и ритуальной жизни многих народов с древнейших времен. Он указывал, что Новый год, как переходное время между «концом света» на последних этапах старого года и «началом Творения» в начале нового года, является самым подходящим временным периодом для проведения инициационных обрядов: «... совпадение во времени ритуалов посвящения ... с днями, близкими к Новому году, объясняется в равной мере присутствием мёртвых (тайные союзы, осуществляющие инициацию, одновременно представляют предков), как и самой структурой этих обрядов, которые всегда предполагают “смерть” и “воскрешение”, “новое рождение” и “нового человека” [7, с. 67]». М. Элиаде указывает на множество примеров проведения инициаций именно в канун Нового года, когда «мёртвые посещают живых и проводят инициации [7, с. 68]». В данном аспекте учёный анализировал и вавилонский праздник Акиту [7, с. 57–60]. Растянувшийся на одиннадцать-двенадцать дней, он представлял собой периодическое обновление царственности в виде магической церемонии очищения царя от скверны, накопленной за истекший год. Естественно, с возвышением Вавилона Акиту стал главным праздником бога Мардука (Мардука-Бела), в образе которого сольются все функции шумерских богов [5, с. 122], а в период доминирования Ассирии – бога Ашшура (бога войны, главного божества ассирийцев). В конце же месопотамской исто-

рии праздник будет прославлять сына Мардука – бога Набу (бога мудрости и письма), так как интеллектуальная деятельность, как мы заметили выше, станет высоко цениться. В отличие от шумерского варианта, в содержании ассирио-вавилонского ритуала важное место будет занимать воспроизведение битвы Мардука с Тиамат (драконом, символизирующим Хаос, первичный Океан), победа бога и его космогонические деяния. Таким образом, к первоначальной мифологической основе посвящения (сказаниям об умирающих и воскресающих богах) добавляются героические и космогонические мотивы. Все испытания второго периода посвящения происходили в доме – акиту. Космогония, помимо театрализации, была представлена и рецитацией в главном храме мифа о сотворении мира («Энума Элиш» – «Когда вверху...»), в котором описывалась битва бога с чудовищем. Интересно, что одновременно с эзотерической частью ритуала в акиту, где воспроизводилось сражение бога-царя с демонами-статистами, в храме проводилась экзотерическая часть ритуала в виде публичной декламации жрецом мифа, который разыгрывался в акиту.

Таким образом, усиленная параллельной реактуализацией космогония служила, по словам М. Элиаде, «отменой истекшего времени, восстановлением первоначального Хаоса и повторением космогонического акта [7, с. 59]». В данном случае мы наблюдаем, как героический образ накладывается на космогонический, то есть герой наделяется функциями бога-демиурга, что отражает через ритуал укрепление позиций царственности, её сакрализацию.

Кроме участия в проигрывании героического сюжета, к испытаниям царя относилось ритуальное унижение и насилие над царем. Это служило ещё одной формой замены реальной жертвенной смерти правителя. Рассмотрим данный эпизод ритуала. На пятый день вавилонского Акиту царь, в сопровождении свиты, шёл к городскому храму Эсагиле и в наосе, центре храма, вставал на колени перед образом Мардука-Бела. Верховный жрец, не пускавший царя в храм, принимал у него инсигнии: корону, скипетр, меч, затем бил царя по щеке (по версии Б. А. Тураева – и стегал плетью [5, с. 136]), дергал за уши, принуждая его склониться перед Мардуком-Белом.

После царского покаяния и оправдания, когда царь провозглашал, что не совершал никаких несправедливых действий в старом году, жрец, возвращая ему царские регалии, снова бил его по щеке. Причём признаком благосклонности Мардука-Бела были царские слёзы, которые символизировали доверие бога царю и оставление правителя на троне [1, с. 263–264, 288].

Здесь необходимо обратить внимание на важное ритуальное действие, производимое царем, – «хватание за руку бога», так как «схватить бога за руку» символизировало получение права царя на власть. Вероятно, когда бог позволял прикоснуться к своей священной руке прослезившемуся царю, этим он выражал свою благосклонность подобострастному царю и давал согласие на его последующее правление [5, с. 136].

Можно предположить, что такое ритуальное действие, как «рукоположение», в инициациях более поздних историко-культурных периодов имеет связь с

представленным элементом вавилонской интронизации.

Считалось, что в испытательном периоде страдание принимал не только царь, но и сам бог Мардук претерпевал «страсти» в акиту (горе – Подземном мире), где его в качестве пленника били и допрашивали. Вероятно, это было главным моментом ритуала, когда бог, помиловавший царя, сам шёл на страдания для искупления всеобщих грехов. В это же время убивали зогана как заместительную жертву и выпускали из заточения бога. На восьмой день, когда боги (жрецы или статуи богов) удалятся из храма в акиту для определения судеб мира, рассматривая Таблицы судеб, которые со временем заменят МЕ, Мардук вступит в сражение с врагами и, одержав победу, подтвердит своё право председательствовать в совете богов. Боги награждают Мардука символами владыки мира, целуя землю перед ним, и наделяют его пятьюдесятью именами – эпитетами (эти титулы соответствуют получением Мардуком божественных МЕ). Таким образом, боги уступают и передают ему свою магическую силу. (Обратим внимание, на перемещение в ритуале элемента сражения бога: в шумерском варианте – он предварял праздник (победа царя как получение права на посвящение), в вавилонском – он был центральным эпизодом испытательного периода.) На одиннадцатый день следуют обряды включения – возвращение богов в городские храмы, священный брак Мардука с богиней Царпаниту и преподнесение даров. Как видим, иерогамия – уже не центральный акт ритуала, а один из обрядов включения. Кроме того, царь не сливается с образом бога, а предстоит перед Марду-

ком, что может свидетельствовать о постепенной десакрализации царя (то есть царь – не бог, а помазанник божий) и усилении религиозного акцента ритуала.

Интересная корреляция ритуала коронации происходит в ассирийской версии праздника. Так как бог Мардук-Бел будет оспаривать власть и корону у главного ассирийского бога Ашшура, он будет наказан заточением в акиту, подвергнется суду богов и водной ордалии, а после раскаяния – прощён и отпущен на волю. Униженный Мардук станет всё более напоминать прежний шумерский образ – Думузи и его посвящение. Позже его образ сольётся с образом бога войны, смерти – Нергалом, а акиту станет его Подземной обителью. Историки объясняют это нововведение военным поражением Вавилона и победой Ассирии, что отразилось на перемене в субординации богов в ритуале. Таким образом, можно наблюдать трансформацию посвящения в связи с изменением политической ситуации, то есть политизацию ритуала. С другой стороны, необходимо учитывать тот факт, что царское унижение выражало подчинение божеству, то есть, помимо политического акцента, важным становится и религиозный. Результатом этих трансформаций, как считает В. В. Емельянов, стала формализация ритуала [3, с. 140], а значит, его постепенное отмирание.

Как мы уже отмечали выше, в вавилонском царском ритуале изменится значение священного брака, который уже существует «как нормативный обряд ... он больше не относится к числу основных ценностей общества [3, с. 135]».

В. В. Емельянов приводит этому следующее обоснование: «Государь этого

времени не хочет зависеть от власти женщины, он больше не связывает добытую собственной кровью власть со своей сексуальной мощью, поскольку с некоторых пор выходит не мощь, а мудрость. Последнее же мужчины считают своей прерогативой [3, с. 134–135]». Данное представление будет ещё одним аргументом в пользу развития отцовского типа посвящения в последующие эпохи.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: особенности формирования и развития царского ритуала как инициации в цивилизации Древней Месопотамии в основных чертах соответствуют особенностям развития архаического посвящения. Социо- и политогенез отразился на царских ритуалах (так же как и на архаических посвящениях) функциональной трансформацией: от первоначальной социально-производительной направленности ритуала к его постепенной сакрализации и последующей политизации; а также колебанием между материнским типом посвящения (шумерский вариант) и отцовским типом (вавилонский вариант) и вновь частичным возвращением к материнскому типу с основным содержанием отцовского посвящения (ассирийский вариант). Для развития мифологической основы дан-

ного варианта инициации характерны следующие изменения: на ранних этапах – сказания об умирающих – воскресающих богах, а на поздних – вариации их наложений на героические сюжеты и космогонические мифы. Значительным отличием от возрастного или конфессионального архаического посвящения (которые совершаются единожды) является периодический характер царской инициации (один-два раза в год).

Необходимо отметить и постепенное усложнение схемы ритуала, испытательного периода, его драматизацию и увеличение длительности, а также насыщение театральными эффектами в экзотерической части ритуального действия, что способствовало превращению царского ритуала в общегородской праздник. Данная трансформация приведёт к формализации ритуала и к его последующему отмиранию. Тем не менее, по мнению Б. А. Тураева, представление о божественном происхождении царской власти, о «богочеловеке», о его близости к миру богов, сформировавшееся в древневосточной культуре, впоследствии имело значительное влияние на Рим и Византию [5, с. 11], что можно наблюдать на интронизации античных и византийских правителей.

Примечания

1. Ассирия. Вавилон : Древние царства Востока / [сост. и науч. ред. Г. И. Царева]. Москва : Изд-во Царева, 2002. 568 с.
2. Геннеп А. ван Обряды перехода : Систематическое изучение обрядов. Москва : Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
3. Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. Санкт-Петербург : Азбука-классика : Петерб. востоковедение, 2003. 317 с.
4. Емельянов В. В. Шумерский календарный ритуал (категория ME и весенние праздники) = Calendar ritual in sumerian religion and culture (ME'S and the Spring Festivals). Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2009. 432 с.
5. Тураев Б. А. История Древнего Востока. Том 1 / под ред. В. В. Струве и И. А. Снегирева.

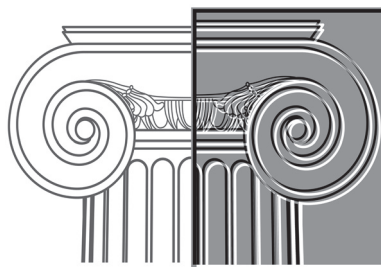

- Ленинград : ОГИЗ, Социально-экономическое изд-во Ленинградское отд., 1935. 337 с.
6. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь / пер. с англ. М. К. Рыклина. Москва : АСТ, 1998. 781 с.
7. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское : пер. с фр. Москва : Ладомир, 2000. 414 с.

References

1. Tsarev G. I., ed. *Assiriia. Vavilon: Drevnie tsarstva Vostoka [Assyria. Babylon: Ancient kingdoms of the East]*. Moscow, 2002. 568 p.
2. Gennep A. van [Gennep Arnold van] *Obriady perekhoda : Sistematischeskoe izuchenie obriadov [Transition ceremonies: Systematic studying of ceremonies]*. Moscow, Russian Academy of Sciences "Vostochnaya literatura" ("Oriental Literature") Publishers, 1999. 198 p.
3. Emelyanov V. V. *Ritual v drevnei Mesopotamii [Ritual in Ancient Mesopotamia]*. St. Petersburg, Publishing house "St. Petersburg oriental studies", "Azbooka" Publishing house, 2003. 317 p.
4. Emelyanov V. V. *Calendar ritual in sumerian religion and culture (ME'S and the Spring Festivals)*. St. Petersburg, Publishing house "St. Petersburg oriental studies", 2009. 432 p. (In Russian).
5. Turaev B. A. *Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient East]*. Leningrad, 1935. 337 p.
6. Frezer Dzh. Dzh. [Sir Frazer James George] *Zolotaya vetv' [The Golden Bough]*. Moscow, AST Publishing House, 1998. 781 p.
7. Eliade M. [Eliade Mircea] *Izbrannye sochineniia: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol'y; Sviashchennoe i mirskoe [Chosen works: The myth about eternal return; Images and symbols; Sacred and wordly]*. Moscow, Ladomir Publishing House, 2000. 414 p.

*

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 316.7

Н. М. Генова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

В статье анализируются современные процессы региональной культурной политики и проблемы гражданской идентичности. Определяется один из острых вопросов современной науки – проблема идентичности. Автор отмечает, что, не постигнув логику идентичности и специфику её трансформаций (в том числе трансформаций кризисных), невозможно понять современный мир, в частности – Россию с её поликультурным и многонациональным составом населения. В статье анализируются аспекты, связанные с тем, что российская идентичность не может трактоваться только по этнокультурному принципу. Указывается на тесную связь с государственностью, государственно-правовым принципом. При этом отмечается необходимость исследования инфраструктуры региональной культурной политики по регулированию культурной жизни региона, в которой человек воспринимает и оценивает действительность и вырабатывает собственную гражданскую позицию. Рассматриваются также вопросы, связанные с упрочением гражданской идентичности. Автор указывает, что стратегия культурной политики региона предполагает дальнейшее развитие и опору на локальные формы самоорганизации, самоуправления, на установление отношений с институтом общественных организаций и этнических групп с учётом брендообразующего фактора.

Ключевые слова: культурная политика, регион, идентичность, культура, глобализация, трансформация, брендово-формирующая деятельность, традиция, система ценностей.

N. M. Genova

Dostoevsky Omsk State University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Prospect Mira, 55-A, 644077, Omsk, Omsk Region, Russian Federation

DEVELOPMENT OF REGIONAL CULTURAL POLICY IN THE COLLECTION OF THE RUSSIAN ECONOMIC COMMISSION

The article analyzes modern processes of regional cultural policy and the problem of civil identity. One of the urgent questions of contemporary science is identified – the problem of identity.

ГЕНОВА НИНА МИХАЙЛОВНА – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства и актёрского мастерства факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

GENOVA NINA MIKHAILOVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theater Arts and Acting, Faculty Culture and Arts, Dostoevsky Omsk State University

e-mail: kafedra.tiam@mail.ru

© Генова Н. М., 2017

The author notes that, not having pushed the logic of identity and the specificity of its transcriptions (including the number of crises transcripts), it is impossible to understand the temporal world, and in parallel, with its multicultural and multinational state of the population. The article analyzes aspects related to the fact that Russian identity cannot be interpreted only on the basis of the ethno-cultural principle. It points out its close connection with statehood, the state-legal principle. At the same time, there is a need to study the infrastructure of the regional cultural policy to regulate the cultural life of the region, in which a person perceives and assesses reality and takes his own civic position. Issues related to the consolidation of civic identity are also being considered. The author points out that the strategy of the cultural policy of the region assumes further development and reliance on local forms of self-organization, self-government, establishment of relations with the institution of public organizations and ethnic groups, taking into account the brand-forming factor.

Keywords: cultural policy, region, identity, culture, globalization, transformation, brand-forming activity, tradition, value system.

Для цитирования: Генова Н. М. Развитие региональной культурной политики в контексте российской идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 50–59.

Культура является одним из важных ресурсов, влияющих на целостность социально-культурного развития региона. Потенциал культуры способствует формированию положительного имиджа региона, утверждая его роль и место во все-российском и отчасти международном культурном пространстве. Обновление региональной культурной политики опирается на реалии культурного разнообразия и межкультурного диалога. При этом разработка стратегий регионального планирования и прогнозирования предполагает включение культурного разнообразия как динамического процесса, формирующего культуру, идентичность и определяющего вовлечение представителей различных культурных сообществ в ходе реализации региональной культурной политики.

Современные процессы глобализации и трансформации общества коренным образом изменяют субъективные ощущения идентичности, сформированные в рамках прежних традиций. Сложная структура идентичности представляет

собой «три взаимосвязанных компонента: рефлексивный, эмоциональный и поведенческий, образующих устойчивую синхронную горизонталь [10]». Вследствие распада СССР произошёл разрыв в преемственности: потеря идентичности одного типа («советский человек») не компенсируется идентичностью другого типа («россиянин»). Нельзя не согласиться с И. В. Малыгиной в том, что существует кризис идентичности, проявившийся на фоне не только ослабления авторитета национального государства, но и краха такой супердержавы, каким был Советский Союз [10]. Отвечая на вызовы времени, можно говорить о *проблеме*, вызванной динамикой культурно-политических процессов в регионе, обуславливающей появление особой локальной формы идентичности. Возникает вопрос, как отражается российская идентичность на реализации региональной культурной политики? Поставленная проблема выражается в решении следующих *задач*: определение понятия региональной идентичности, исследование

процесса взаимодействия культурной идентификации и региональной культурной политики, анализ уровней и структуры региональной идентичности.

Таким образом, с нашей точки зрения, ключевую роль играет понятие идентичности (лат. *Identitas*, англ. *Identity*), которое трактуется как «свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств [6]». Особое значение при определении методологии и решении этой проблемы приобретает государственная культурная политика, которая призвана обеспечить развитие общества, в котором совместная жизнь ведёт к единению людей на основе свободной конкуренции форм идентичности. Это понятие может быть обосновано культурно-историческими предпосылками сосуществования различных форм идентичности при доминанте специфики локальных культурно-исторических процессов, обусловленных ментальной определённой, своеобразным культом места в пространстве культурно-цивилизационного ландшафта региона [13, с. 148–153], что в современных условиях особенно актуально. Здесь оптимальным является своеобразный *территориально-географический подход* к решению проблемы. Он заключается в понимании региональной идентичности как «совокупности особенных территориальных, природных, исто-

рических, ментальных, этнических и других признаков, позволяющих отличить его во множестве других территорий. Региональная идентичность в развитии экономического пространства в рамках данного подхода выступает и в качестве существенного фактора социально-экономического развития регионов и имеет гетерогенный характер [9]».

Исходя из сложившегося понимания идентичности, можно рассматривать *региональную идентичность* в качестве одного из ключевых элементов конструирования инфраструктуры культуры региона как специфического социально-политического пространства. Она может служить основой для особого восприятия общенациональных, политических проблем и складывается на основе общности территории, особенностей хозяйственной жизни, определённой системы ценностей, характеризующих самобытность региона.

Существует множество определений понятия «региональная идентичность». Так, по мнению М. В. Назукиной, под региональной идентичностью понимается «выработка и поддержание коллективных смыслов, системообразующих и регулирующих групповое взаимодействие, поддерживающих символическое единство регионального сообщества, которые формируют его границы, отделяют от других сообществ, приобретая политическую сущность, когда становятся значимыми в жизни регионального сообщества, используются в качестве символического средства, легитимирующего порядок внутри региона [11, с. 5]». Как считают А. Анисимова и О. Ечевская, «региональная идентичность – это объективное состояние, основывающееся на

чувстве личной самоидентичности, непрерывности во времени и пространстве [1, с. 3]». С точки зрения Д. С. Докучаева, «региональная идентичность человека отчётливо проявляется на двух уровнях: личностном (соотнесении “самости” человека с “genius loci” региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальном (осознании человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия) [3, с. 9]». Обобщая эти определения, можно выявить семантический, интеграционный и *интерактивный уровень региональной идентичности*, который стоит между двумя вышеназванными. Ему соответствует также и определение М. П. Крылова. Под региональной идентичностью понимается «совокупность пространственно выраженных *социокультурных отношений*, связанных с понятием “малая родина” [8, с. 213]». Кроме того, логически правильно иметь в виду и четвёртый – *локализирующий уровень* региональной идентичности. В связи с этим также представляется актуальным теоретический поиск путей формирования гражданской идентичности, который позволит достичь устойчивой неконфликтной интеграции разных сообществ в России.

Региональная идентичность – фактор территориально-географического, социально-экономического, этнокультурного бытия и элемент государственно-политического структурирования и управления. Вместе с тем она определяет *факторы общероссийского политического процесса*, дальнейшего формиро-

вания и укрепления гражданской идентичности. Среди уровней идентичности она занимает особое место и связана с конкретными территориями, которые определяют особые формы жизненных практик, картину мира, символические образы и стратегию региональной культурной политики. В этом контексте актуальной является точка зрения Н. Н. Ярошенко, который обращает внимание на опасность крайних форм идеологии национализма в формировании национальной идентичности [15, с. 70–78].

Исходя из множества определений культурной политики, обратимся к определению, данному В. С. Жидковым о том, что под культурной политикой понимается деятельность различных социальных субъектов, направленная на формирование субъекта творческой деятельности, определение границ и условий творчества, организацию отбора создаваемых культурных благ, их трансляцию и потребление для достижения поставленных данным субъектом целей, важнейшей из которых является воспроизводство существующей системы социально-политических отношений [4].

В связи с вышесказанным необходимо разделить *аспекты проблемы* локализации культурной идентичности в пространстве региональной культурной политики. Во-первых, это идентификация культуры и политики, во-вторых, установление оппозиции субъектов культурной политики, в-третьих, эволюция уровней и структуры идентичности.

Действительно, как считает В. Ю. Зорин, «культура в той мере, что и политика, выполняет регулятивную функцию по отношению к социальным процессам [5]». При этом методы *регуляции*

политической и культурной идентичности различаются между собой, однако цели воздействия, как правило, схожи. «Специфика реализации политической власти в обществе во многом определяется особенностями культуры этого общества. Культура часто используется как властью, так и оппозицией для оказания давления на общество, манипуляций общественным мнением, формирования социальных настроений и ориентаций [5]».

Учитывая, что региональная культурная политика вводится в рамки вполне определённой теории, можно заключить следующее: культурная жизнь предстаёт как поле *борьбы и противодействия различных субъектов культурной политики* – групп населения (носителей различных субкультур), создателей культурных ценностей, различных общественных институтов, занятых сохранением и распространением культуры.

Данный тезис подтверждается положением Т. А. Арташкиной о противостоянии «двух культур – традиционной и заимствуемой, наблюдаемом на протяжении всей истории становления русского государства [2]», которое детерминировало «появление *гибридной культурной идентичности* [2]».

Отсюда становится очевидным, что благодаря спиралеобразному движению в пространстве региональной идентичности срабатывает многополярность векторов и стратегий региональной культурной политики. Социокультурная динамика сопровождается эволюцией уровней идентичности, содержание которых не сводится к линейному движению от родовой формы идентичности (природной в своей основе) к этнической и на-

циональной (с постоянно нарастающей культурной опосредованностью), но представляет собой процесс интеграции идентификационных оснований.

Как результат, современная многоуровневая идентичность представляет собой напластование основных *уровней идентичности* и носит прецедентный характер.

В зависимости от конкретно-исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований или же возникнуть их комбинация. Структура идентичности динамична и меняется в зависимости от того, как возрастает или, наоборот, снижается вес тех или иных составляющих её элементов. По С. Хантингтону, значимость множественных идентичностей, возникающих в связи с дезинтеграционными процессами, меняется с ходом времени и от ситуации к ситуации. При этом развивающиеся формы идентичности в культурной среде региона дополняют друг друга или конфликтуют одна с другой [14].

Проблемой многоуровневой идентичности в современных условиях является всё то же – одна конфликтует с другой.

Проблема многоуровневой идентичности в современных условиях выглядит чрезвычайно сложной, включающей, наряду с традиционными уровнями идентичности, новые. Как показывает исторический и культурный опыт, полиэтничная Россия не может иметь «простую» идентичность. Её идентичность может быть только многоуровневой, что и отражается в регионах России.

Важно понять, что *региональная идентичность возникает в результате кризиса форм идентичности* и в значительной мере есть отражение истори-

чески возникших отношений от центра к периферии в рамках государств и макро-регионов. Региональная идентичность – это своего рода ключ к конструированию культурной политики региона как социально-политического и институционального пространства. В структуре социальной идентичности обычно выделяют два основных компонента: когнитивный – знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя её членом; аффективный – оценка качеств собственной группы, значимости членства в ней. В структуре региональной идентичности присутствуют те же два основных компонента – знания, представления об особенностях собственной «территориальной» группы (социокогнитивный элемент) и осознание себя её членом и оценка качеств собственной территории, значимости её в государственной, мировой и локальной системе координат (социорефлексивный элемент).

Признавая региональную идентичность реальностью, выделим ряд её стратегических особенностей, согласующихся со «Стратегией государственной национальной культурной политики России до 2025 года» [12]. Она иерархична, поскольку включает в себя несколько уровней, каждый из которых отражает принадлежность к разным территориям – от «малой родины», через политико-административное и экономико-географическое образование, к стране в целом. Далее, региональная идентичность отдельных лиц и групп отличается по степени интенсивности и по месту, которое она занимает в ряду других идентичностей. И, наконец, региональная идентичность представляется формой

осмысления и выражения региональных интересов, существование которых обусловлено территориальными особенностями жизнедеятельности людей, их образом жизни. А взаимодействие культур определяет характер региональной идентичности. Широкие возможности культурного выбора в региональной культурном пространстве формируют брендовые территории в культурном ландшафте региона.

Таким образом, *научная новизна основных научных результатов* исследования заключается в следующем:

1. Инновационное определение региональной идентичности как ведущего ключевого *механизма* региональной культурной политики, основанного на доминировании русскости и позволяющего конструировать инфраструктуру культуры региона.

2. Оригинальность построения структуры региональной культурной идентичности (поликультурная, гражданская, историко-культурная, духовная, этнокультурная, национальная).

3. Обоснование уровней сибирской региональной идентичности: семантический, интерактивный, интеграционный, локализирующий.

4. Новое обоснование брендообразующих факторов формирования культурных брендов региона: историко-культурные, полихудожественные, социально-культурные, ментальные, поли- и этнокультурные.

5. Инновационные, детерминированные региональной идентификацией механизмы региональной культурной политики: поликультурного сотрудничества, творческой демократизации культурной жизни, культурно-семантической и пер-

сонифицированной локализации субъектов культуры.

Наряду с этим определяются и новые производные *стратегии региональной культурной политики*. В частности, организация поликультурного взаимодействия, создание возможности культурного выбора в региональном культурном пространстве, создание брендовых территорий в культурном ландшафте региона.

Вышеизложенные позиции могут быть представлены как достижения прикладной культурологии, развивающие культурно-географический подход к проблеме.

Существующая практика фестивального движения в Омском регионе, деятельность Омского Дома дружбы, общественных объединений, творческих союзов, Дворцов искусств, культурно-досуговых центров региона, Домов народного творчества и учреждений культуры, которые используют данные механизмы и стратегии, подтверждают необходимость новых стратегий региональной культурной политики в брендово-формирующей деятельности. В связи с этим определяется направление в реализации региональной культурной политики: создание «культурного образа» городов и населённых пунктов, своеобразное социально-культурное имиджмейкерство. Оно строится на основе стабилизации культурных традиций, сопряжённых с базовыми идентификациями в отношении экономического, политического и социально-культурного развития региона и города Омска (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы, по отношению к культуре Омска можно иметь в виду, что образные характеристики города

определяют бренды, формирующиеся приоритеты в развитии культуры и региональную идентичность: «Третья столица» – это образ Омска как крупного административного центра; «территория пограничного братства» – идентифицирует город как центр международных культурных и экономических связей с Казахстаном; «город-театрал в содружестве искусств» – способствует пониманию Омска как центра развития искусств с преобладанием театрального; «Омская крепость» – символ истории сибирской провинции, и в это понятие вкладывается крепость духа и стабильность в сохранении культурно-исторического наследия; «Город воскресения веры» – Омск центр духовной культуры, возрождения православных культурных традиций, памятников христианства, поклонения святым; «Сокровищница культуры Сибири» – город, владеющий мощной сетью учреждений, театров, библиотек, музеев, в культурной копилке которого выдающиеся художники, литераторы, актёры, дизайнеры, другие представители культурной элиты; «Омск – город многонациональной культуры» – подразумевается поликультурное пространство национальных общественных объединений, движений, фестивалей, этноконфессиональных объединений, интегрированных в единое социокультурное сообщество.

Проведённый анализ показывает, что сущность многоуровневой культурной идентичности региона проявляется в специфике менталитета, в складывающихся внутривнутрипериферийных отношениях и локализации культурных традиций. Конечным результатом реализации культурной политики можно считать *развитие системы таких ценностей и*

Таблица 1

Связь образных характеристик города и региона с брендообразующими факторами

№	<i>Образные характеристики города и региона</i>	<i>Брендоформирующие факторы</i>
1.	Третья столица	Историко-культурные
2.	Город в содружестве искусств	Полихудожественные
3.	Омская крепость	Историко-культурные
4.	Омск – город воскресения веры	Ментальные
5.	Сокровищница культуры Сибири	Социально-культурные
6.	Омск - город многонациональный	Поли- и этнокультурные
7.	Территория пограничного братства	Поли- и этнокультурные

этических предпочтений, которые определяют повседневную жизнь человека, расширяют его возможности. Сама региональная культура обладает уникальными ресурсами, важнейший из них – творческий потенциал её создателей – требует поддержки и создания условий. Наряду с узкоцелевым подходом к развитию инфраструктуры культуры, сохранению и распространению культурных традиций, существует комплексный подход к реализации стратегий региональной идентичности в культурной политике региона, который предполагает своеобразные формы, средства и методы культурной деятельности. По отношению к культуре Омска можно иметь в виду следующие образы, дающие представле-

ние о приоритетах в развитии культуры и формировании идентичности: это образ Омска как крупного административного центра; региона как центра международных культурных и экономических связей; города как центра развития искусств с преобладанием театрального. Мемориализация истории сибирской провинции, духовной культуры, возрождение православных культурных традиций, памятников христианства, наконец, организация поликультурного пространства общественных объединений, движений, фестивалей, этноконфессиональных объединений – всё это интегрируется в единое социокультурное сообщество, культурное пространство жизнедеятельности человека.

Примечания

1. Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro et Contra. 2012. № 3 (55). С. 62–75.
2. Арташкина Т. А. Роль субъектов культурной политики в формировании субъектов культурной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11.

3. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Докучаев Денис Сергеевич ; Ивановский государственный ун-т. Иваново, 2011. 24 с.
4. Жидков В. С. Государственная культурная политика // Ориентиры культурной политики. 2003. № 6. С. 49–86.
5. Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Т. 236. Москва : ИЭА РАН, 2014.
6. Идентичность [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идентичность>
7. Институты гражданского общества в межнациональных отношениях / под ред. В. А. Тишкова. Москва : ИЭА РАН, 2014.
8. Крылов М. П. К теории региональной идентичности (по материалам Европейской России) // Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН ; [редкол.: И. С. Семенов (отв. ред.), А. А. Фадеева (отв. ред.) и др.]. Москва : ИМЭМО РАН, 2011. С. 213.
9. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446–453.
10. Малыгина И. В. Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 43–48.
11. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Назукина Мария Викторовна ; Пермский государственный ун-т. Пермь, 2009. 26 с.
12. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/17165>
13. Рыженко В. Г. Интеллектуальный потенциал региона в координатах культурно-цивилизационного ландшафта (XX век) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 148–153.
14. Хантингтон С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. Москва : АСТ, 2004. 640 с. (Philosophy).
15. Ярошенко Н. Н. Потенциал социально-культурной деятельности в процессе формирования национальной идентичности россиян // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 70–78.

References

1. Anisimova A., Echevskaia O. Sibirskaia identichnost' kak politicheskoe vyskazyvanie [Siberian identity as political statement]. *Pro et Contra*. 2012, no. 3 (55), pp. 62–75.
2. Artashkina T. A. Role of cultural policy's subjects in the process of Russian identity formation. *Theory and Practice of Social Development*. 2012, no. 11. (In Russian)
3. Dokuchaev D. S. *Regional'naia identichnost' rossiiskogo cheloveka v sovremennykh usloviakh: sotsial'no-filosofskii analiz. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk* [Regional identity of the Russian person in modern conditions: social and philosophical analysis. Synopsis dr. philos. sci. diss.]. Ivanovo, 2011. 24 p.
4. Zhidkov V. S. Gosudarstvennaia kul'turnaia politika [State cultural policy]. *Orientiry kul'turnoi politiki* [Reference points of cultural policy]. 2003, no. 6, pp. 49–86.

5. Zorin V. Yu., Astvatsaturova M. A. Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: formirovanie obshcherossiiskoi grazhdanskoj identichnosti i ukreplenie dukhovnoj obshchnosti rossiiskoi natsii [Strategy of the state national policy of the Russian Federation: formation of the all-Russian civil identity and strengthening of spiritual community of the Russian nation]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotloznoi etnologii. Tom 236 [Researches on applied and urgent ethnology. Vol. 236]*. Moscow, Publishing house of Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 2014.
6. *Identity*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Идентичность>
7. Tishkov V. A., ed. *Instituty grazhdanskogo obshchestva v mezbnatsional'nykh odnosheniakh [Institutes of civil society in the international relations]*. Moscow, Publishing house of Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 2014.
8. Krylov M. P. K teorii regional'noi identichnosti (po materialam Evropeiskoi Rossii) [To the theory of regional identity (on materials of the European Russia)]. In: Semenenko I. S., Fadeeva L. A., eds. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza : sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii (IMEMO RAN, 21–22 oktiabria 2010 g.) [Identity as subject of the political analysis: the collection of articles following the results of the All-Russian scientific-theoretical conference (the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, on October 21–22, 2010)]*. Moscow, Publishing house of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, 2011. P. 213.
9. Levochkina N. A. Regional identity: the concept and essence. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016, no. 1-3, pp. 446–453. (In Russian)
10. Malygina I. V. Kul'turnaia identichnost' v sovremennoi Rossii: poisk novykh modelei [Cultural identity in modern Russia: search of new models]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2011, no 3, pp. 43–48.
11. Nazukina M. V. *Regional'naiia identichnost' v sovremennoi Rossii: tipologicheskii analiz. Avtoreferat diss. cand. pol. nauk [Regional identity in modern Russia: typological analysis. Synopsis cand. pol. sci. diss.]*. Perm, 2009. 26 p.
12. O Ctrategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rocciickoi Federatsii na period do 2025 goda: ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabria 2012 g. № 1666 [O Strategies of the National Civil Policy of the Russian Federation until 2025: the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666]. Available at: <http://президент.рф/news/17165>
13. Ryzhenko V. G. Intellektual'nyi potentsial regiona v koordinatakh kul'turno-tsivilizatsionnogo landshafta (XX vek) [Intellectual potential of the region in coordinates of a cultural and civilization landscape (the 20th century)]. *Kul'tura i intelligentsiia sibirskoi provintsii v XX veke. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii [Culture and the intellectuals of the Siberian province in the 20th century. Materials of a regional scientific conference]*. Novosibirsk, 2000. Pp. 148–153.
14. Khantington S. [Huntington Samuel Phillips] *Kto my? : Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti [Who are we?: Calls of the American national identity]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2004. 640 p.
15. Yaroshenko N. N. Potential of welfare activity in the course of formation of national identity of Russians. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no 4 (60), pp. 70–78. (In Russian)

*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА И ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

УДК 316.7

С. Н. Гавров¹, М. П. Крыжановская²

¹Санкт-Петербургский государственный институт культуры

²Московский государственный институт культуры

Анализируется, как социокультурные и демографические трансформации в европейском регионе влияют на тенденции государственной культурной политики. Рассматривается соотношение элитарной и массовой культуры, активность общества массового потребления в сфере культуры. Дается сравнение общего и отличного в государственной культурной политике России и стран Европы. Акцентируются характеристики актуальной государственной культурной политики в европейском регионе, её индивидуализация, вариативность, отход от массовидности, милитаристских и идеологических интенций. Акцентируется внимание на необходимости активизации регионального трансграничного культурного сотрудничества в сфере сохранения природного и культурного наследия в Балтийском и Северо-Западном регионах России.

Ключевые слова: государственная культурная политика, культура, региональный, трансграничное сотрудничество, социокультурный, демография, постиндустриальный, идеология, Конституция, Санкт-Петербург, Калининград, Выборг, Карелия.

S. N. Gavrov¹, M. P. Kryzhanovskaya²

¹St. Petersburg State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulture), Dvortsovaya naberezhnaya, 2, 91186, St. Petersburg, Russian Federation

²Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulture), Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

STATE CULTURAL POLICY THROUGH THE PRISM OF EUROPEAN EXPERIENCE AND CROSS-BORDER REGIONAL COOPERATION

It is analyzed how social and cultural and demographic transformations in the European region influence the tendencies of the state cultural policy. The correlation of elitist and mass culture, activity of the mass consumption society in the sphere of culture is considered. Comparison of gen-

ГАВРОВ СЕРГЕЙ НАЗИПОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры

GAVROV SERGEY NAZIPOVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of socio-cultural activities, St. Petersburg State Institute of Culture

КРЫЖАНОВСКАЯ МАРИНА ПЕТРОВНА – кандидат культурологии, редактор Редакционно-издательского отдела Московского государственного института культуры

KRYZHANOVSKAYA MARINA PETROVNA – Ph.D. (Cultural Studies), editor of the Editorial Department, Moscow State Institute of Culture

eral and excellent in the state cultural policy of Russia and European countries is given. The characteristics of the current state cultural policy in the European region, its individualization, variability and departure from mass ideology, militaristic and ideological intentions are emphasized. Attention is focused on the need to intensify regional cross-border cultural cooperation in the field of preserving natural and cultural heritage in the Baltic and northwestern regions of Russia.

Keywords: state cultural policy, culture, regional, cross-border cooperation, social and cultural, demographics, post-industrial, ideology, Constitution, St. Petersburg, Kaliningrad, Vyborg, Karelia.

Для цитирования: Гавров С. Н., Крыжановская М. П. Государственная культурная политика сквозь призму европейского опыта и трансграничного регионального сотрудничества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 60–66.

Государственная культурная политика, как часть политики, меняется вместе с ней в различные периоды. Изменения эти носят страновой, региональный и глобальный характер, условную временную рамку им задаёт деление на аграрное, индустриальное и постиндустриальное (информационное) общество. Понятно, что это достаточно условная классификация, что различные страны неравномерно продвигаются по пути модернизации, что модернизационные социокультурные взлёты, как, например, в Иране в 1960-е годы, сменяются последующими глубокими падениями. Это многообразие страновых и региональных политических процессов создаёт пёструю политическую карту мира, с исторически значимой тенденцией перехода к демократии. Несмотря на все политические зигзаги, демократия стала наиболее распространённой формой политических режимов, порождающая её демократизация сопряжена с актуализацией модернизационных потенциалов культуры [11, с. 38–54] и проведением соответствующей им государственной культурной политики.

Что же происходит с культурой в рамках наиболее модернизированных западных обществ? Насколько важна

культура в жизни общества, в его историческом воспроизводстве и актуализации различных элементов культурного наследия?

В эгалитарных обществах модерна XIX и первой половины XX века культурные отличия были важны, они служили своеобразным маркером социальной иерархии, её подтверждением на уровне габитуса. Определение этих отличий как отличий габитуса, по которым мы относим человека к «своим» или «чужим», позволяет, например, отличать тех, кто находится вверху социальной пирамиды, от тех, кто составляет массу в её основании.

Безусловно, нужно сделать поправку на сегодняшнюю масштабную горизонтальную и менее масштабную вертикальную мобильность, новые технологии, Интернет и криптовалюты, размывающих традиционную структуру общества, делающих её более неопределённой и потому более свободной. Но эта свобода относительна. Так, Р. Норт в книге «Институты, институциональные перемены и экономическая деятельность [10]» описывает «неформальные преграды», мешающие институциональной эволюции и исходящие от «социально передаваем-

мой информации, представляющей собой часть наследия, которое мы называем культурой ... Это укоренённая в языке концептуальная основа, позволяющая интерпретировать информацию, получаемую мозгом от органов чувств [10, с. 30]».

Антиподом массовой культуры выступает элитарная, или высокая, культура, на которой основывается габитус элиты в странах с укоренённой культурной и демократической традицией, например в Великобритании. Высокая культура служит важнейшим механизмом институционализации, за счёт которой «формирует габитус актора. Это и есть та самая диспозиция, которая повторяется на практике и закрепляется существующим стилем жизни... [8, с. 39]». Стил жизни, в свою очередь, проявляется в особенностях картины мира, потребления и творчества во всех сферах, в том числе в сфере культуры. Так, произведения классической музыки, И.-С. Баха или П. И. Чайковского, например, не получают массового распространения не потому, что они недоступны или дороги, но потому, что потребность обращаться к ним является прерогативой наследственной западной элиты и интеллигенции в её российском понимании, их «знаком отличия», их габитусом.

Вопрос тенденций в демографической ситуации, об экономических и социально-культурных причинах, её обусловивших, имеет самое непосредственное отношение к политике вообще и государственной культурной политике в частности. Пример в этом отношении даёт нам послевоенная Западная Европа, построившая общество потребления, реализовавшая для массы своих граждан «европейскую потребительскую мечту».

Мечта европейцев о хорошей жизни не ограничивалась лишь потреблением благ материальной культуры, распространяя потребление и на блага культуры духовной. Во многом это желание идёт от соотношения со вкусами буржуазии, элиты, сохраняющей генетическую связь с дворянской культурой.

Соотнесение это может состоять в принятии или бунте против элитарных культурных представлений и вкусов в рамках ревизии ценностей, проводимой каждым новым поколением европейцев. Механизмом такой трансляции и ревизии служат СМИ, информационные сети в рамках Интернета, рекламные и PR-кампании элитарных брендов. Эта полифония информационного воздействия способствует широкой общественной диффузии элементов высокой, сегодня преимущественно буржуазной, культуры и многовариантных проявлений контркультуры. В области пересечения этих культурных трансляций выстраивается новая усреднённая культурная нормативность, разделяемая массой, – массовая культура, хорошо монетизируемая и легкоусвояемая в массовом масштабе.

Хорошо здесь уже то, что культурный продукт среднего сегмента (масс-маркет в культуре) получает массовый потребительский спрос, порождая желание соотносить своё потребительское поведение и быт с задаваемыми культурными стандартами. Это меняет человека масс, делает его успешным потребителем, который всё менее думает о любых социальных общностях, начиная с семьи и заканчивая государством и нацией.

В XX веке ускоряется изменение существующего стиля жизни, модели демографического воспроизводства населе-

ния в Европе, новой социально-демографической нормой становится нуклеарная семья с одним ребенком, позднее вступление в брак, массовое безбрачие [1, с. 352]. Иными словами, здесь, как и в экономике, происходит радикальный переход от количества к качеству, от экстенсивности к интенсивности.

В этом переходе наблюдается проявление закономерности, связывающей господствующую модель воспроизводства населения и актуальную государственную культурную политику. Так, изменение этой модели в XX веке в Европе привело к существенному росту уровня образования и доходов европейцев. Нормативной для западных европейцев стала семья с одним ребёнком с хорошим, часто очень хорошим, образованием. И это не только профессиональная подготовка, связанная с инвестициями, финансовой сферой и её юридическим сопровождением. В своём максимальном воплощении эта тенденция выражается в получении элитарного образования, когда многие молодые европейцы стали получать профессии гуманитарной сферы, включая массовую, сверх потребностей рынка, подготовку искусствоведов и историков искусства, тем самым развивая себя и улучшая качество общества [11, с. 129–148].

Конечно, эти изменения европейской жизни не стоит списывать исключительно на изменения в демографическом поведении европейцев, но всё же они удивительно точно совпали с переходом к постиндустриальной экономике, с локализацией трудоёмких процессов и постепенным исчезновением огромных промышленных предприятий. В Европе с Запада на Восток прошла массовая де-

индустриализация, предприятия мигрировали в страны с более дешевой рабочей силой, благодаря автоматизации оставшиеся смогли выпускать сопоставимые объёмы продукции при помощи несравнимо меньшего числа работников. Эта историческая макротенденция задаёт рамки актуальной государственной культурной политики, делает её более индивидуальной, вариативной, менее массовой, милитаристской и идеологизированной. Одно дело, когда государство нацеливает культурную политику на «человека масс» индустриальной эпохи с регулированностью, иерархиями, лёгкой заменимостью работников, по-другому происходит с более плюралистичным и индивидуалистичным, нацеленным на индивидуальный успех обществом постиндустриальной эпохи. В русле этих общих макросоциальных и социокультурных изменений постепенно менялась и государственная культурная политика.

В 1970-е годы многие страны Европы начинают поиск новой культурной политики, основанной на идее удовлетворения потребностей не среднестатистического человека масс, а конкретного человека, живущего в собственном географическом, историческом и социокультурном контексте. Лозунг «культура для всех» трансформируется в утверждение «культура для каждого». В Мехико в 1982 году прошла представительная международная конференция по культурной политике, резюмировавшая обсуждение фразой: «Культура является основополагающим элементом жизни каждого человека и каждого общества». Пересмотр массовой культурной политики индустриальной эпохи вышел на уровень транснациональных институтов, ООН приняла

решение о проведении в 1988–1997 годах «Десятилетия всемирного развития культуры». Регионализация, обращение к конкретному человеку, поддержка культур этнических меньшинств, частные и государственные инвестиции в культурные проекты стали частью культурной политики постиндустриальных обществ, способствуя общественному развитию и экономическому росту.

Повторимся, что речь идёт об изначально европейских, а затем и мировых тенденциях, с тем или иным опозданием распространяющихся в России – неотъемлемой части Европы и европейской культуры. В постсоветский период Россия осознанно пошла по пути восстановления собственной европейскости, практического применения опыта европейских социокультурных проектов. В области культуры это движение характеризовалось запретом цензуры на конституционном уровне, многочисленными социокультурными проектами, расширением международного культурного сотрудничества, прежде всего со странами Европейского Союза.

В своё время А. Е. Востряков, эксперт в области государственной культурной политики, в разных формах задавал вопрос о том, «каким путём следует идти России уже в ближайшем будущем, исходя из понимания того, что общего и специфического есть в культурной политике России и стран Европы», полагая, что он может быть решён путём «сравнительного анализа концептуальных основ государственной культурной политики и мер по её практической реализации, как это видят сами субъекты культурной политики [5, с. 143; 3, с. 166–178; 4, с. 140–155].

В качестве примера такого плодотворного соотнесения российского и европейского опыта в сфере проведения актуальной культурной политики можно выделить социокультурную часть проекта «Северное измерение», включающую «Партнёрство для модернизации Россия – ЕС» и приграничное сотрудничество Россия – ЕС [9]. Это позитивный пример европейского регионального сотрудничества, посредством которого происходит неформальная интеграция России в европейское культурное, природоохранное, образовательное пространство. Регионами, наиболее вовлечёнными в этот процесс, стали Западный и Северо-Западный регионы страны, Санкт-Петербург, Калининград, Архангельск, Петрозаводск, регионализация культурного взаимодействия соответствует современным тенденциям в европейской культурной политике.

На федеральном уровне принятия законодательных решений мы также видим последовательную концептуализацию [7] и законотворческое оформление государственной культурной политики. В 2014 году в России принимаются «Основы государственной культурной политики», в 2016 году – «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года». Принятые в этих документах основы государственной культурной политики определяют культуру как один из национальных приоритетов, указывая на её важность для социально-экономического развития Российской Федерации, улучшения качества жизни и гармонизации общественных отношений, рассматривая её как важнейший фактор сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны.

Примечания

1. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи : Макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ : монография. Москва : Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352 с.
2. Бегенхолд Д. Социальное неравенство и социология стиля жизни. Материальные и культурные аспекты социальной стратификации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. 2002. № 3. С. 37–40.
3. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: Когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 2. С. 166–178.
4. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: От патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 140–155.
5. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: Понятия и модели : монография. Санкт-Петербург : СЗИ РАХНиГС, 2011. 343 с.
6. Гавров С. Н., Никандров Н. Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник университета Российской академии образования. 2008. № 5 (43). С. 21–30.
7. Ивлиев Г. П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: статьи и выступления. Москва : Норма ; Инфра-М, 2012. 207 с.
8. Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение : Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона ; [пер. с англ. А. Захарова]. Москва : Московская школа политических исследований, 2002. С. 38–54.
9. Совместное заявление третьей министерской встречи обновленного «Северного измерения», Брюссель, 18 февраля 2013 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 19.02.13. URL: http://www.mid.ru/severnoe-izmerenie/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/122042 (дата обращения: 16.12.2017)
10. Харрисон Л. В чем значение культуры? // Культура имеет значение : Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона ; [пер. с англ. А. Захарова]. Москва : Московская школа политических исследований, 2002. С. 15–37.
11. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение : Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона ; [пер. с англ. А. Захарова]. Москва : Московская школа политических исследований, 2002. С. 129–148.

References

1. Bim-Bad B. M., Gavrov S. N. *Modernizatsiia instituta sem'i: Makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz* [Modernization of the Institute of the Family: Macrosociological, economic and anthropological and pedagogical analysis]. Moscow, Intellectual book – New chronograph, 2010. 352 p.
2. Bogenhold D. Social inequality and the sociology of life style. Material and cultural aspects of social stratification. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 11: Sotsiologiiia. Referativnyi zhurnal* [Social and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Abstract magazine]. 2002, no. 3, pp. 37–40.
3. Vostryakov L. E. Gosudarstvennaia kul'turnaia politika: Kognitivnye modeli i stranovye razlichiiia [State Cultural Policy: Cognitive Models and Country Differences]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* [Scientific Works of the North-West Academy

- of *Public Administration*]. 2011, vol. 2, issue 2, pp. 166–178.
4. Vostryakov L. E. Gosudarstvennaia kul'turnaia politika: Ot paternalistskoi k partnerskoi modeli? [State Cultural Policy: From the paternalistic to the partner model?]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*. 2011, no. 4, pp. 140–155.
5. Vostryakov L. E. *Gosudarstvennaia kul'turnaia politika: Ponyatiia i modeli [State Cultural Policy: Concepts and Models]*. St. Petersburg, 2011. 343 p.
6. Gavrov S. N., Nikandrov N. D. Obrazovanie v protsesse sotsializatsii lichnosti [Education in the process of socialization of personality]. *Vestnik universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]*. 2008, no. 5 (43), pp. 21–30.
7. Ivliev G. P. *Kul'turnaia politika i razvitie zakonodatel'stva o kul'ture v Rossiiskoi Federatsii: stat'i i vystupleniia [Cultural policy and development of the legislation on culture in the Russian Federation: articles and performances]*. Moscow, Norma Publishing House, Publishing house "Infra-M", 2012. 207 p.
8. Landes D. Kul'tura ob"iasniaet pochni vse [Culture explains almost everything]. In: Harrison Lawrence, Huntington Samuel, eds. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. Moscow, Published by Moscow School of Political Studies, 2002. Pp. 38–54.
9. *Joint statement of the third ministerial meeting of the renewed northern dimension Brussels, 18 February 2013*. Available at: http://www.mid.ru/severnoe-izmerenie/-/asset_publisher/0vP3h-QoCPRg5/content/id/122042 (accessed: 16.12.2017)
10. Harrison L. V chem znachenie kul'tury? [What is the significance of culture?]. In: Harrison Lawrence, Huntington Samuel, eds. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. Moscow, Published by Moscow School of Political Studies, 2002. Pp. 15–37.
11. Fukuyama F. [Fukuyama Yoshihiro Francis] Sotsial'nyi capital [Social Capital]. In: Harrison Lawrence, Huntington Samuel, eds. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. Moscow, Published by Moscow School of Political Studies, 2002. Pp. 129–148.

*

К

УЛЬТУРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ

УДК 008(091): 159.947.23

Ю. В. Китов, С. А. Гертнер

Московский государственный институт культуры

Ответственность как явление общественной жизни и характеристика человека исследуется различными науками, но более всего она подверглась изучению в рамках правове­дения. Правоведческое понимание ответственности, несмотря на то, что отражает её функционирование не только в области права, но и морали, оказывается недостаточным для его применения к анализу функционирования ответственности в области культуры, а значит, и его адаптации в культурологию. Так, при обращении к морали, которая, безусловно, является характеристикой человеческой культуры, правове­дение, представляя мораль как базис права, прибегает лишь к описанию исторических форм развития ответственности, не выделяя её из права. Даже когда ответственность позиционируется в качестве института, то он также рассматривается как механизм наказания за причинённый вред, где единственным отличием, если так можно выразиться, «нравственной ответственности» от её правового варианта является то, что первый осуществляется без надлежащей проверки проступка. Нравственной форме ответственности противопоставляется правовая ответственность как объективное рассмотрение всех тонкостей ситуации в виде обвинительных и оправдательных обстоятельств, с последующим вынесением справедливого приговора.

Социологическое понимание ответственности, возникающее из применения социологического метода к анализу ответственности, порождаемой обыденным сознанием, например – вплетённой в обычаи, казалось бы, наиболее близко подходит к культурологическому её истолкованию. Это связано с тем, что обычаи выступают предметом изучения в культурологии. Однако социологи выводят происхождение ответственности, например, из кровной мести. Предлагаемое в данной статье определение культурной ответственности строится путём определения человеческого содержания поступка и вбирает в себя диалектику позитивной и негативной ответственности.

Ключевые слова: правовая ответственность, социальная ответственность, культурная ответственность.

¹КИТОВ ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

KITOV YURI VALENTINOVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

²ГЕРТНЕР СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат культурологии, доктор философских наук, профессор кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

GERTNER SVETLANA LEONIDOVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: ykitov@gmail.com¹, gertnerlana@gmail.com²

© Китов Ю. В., Гертнер С. А., 2017

Yu. V. Kitov, S. L. Gertner

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURAL RESPONSIBILITY: TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT

Responsibility as a phenomenon of social life and characterization of a person is studied by various sciences, but most of all it has been studied in the framework of jurisprudence. The legal understanding of responsibility, despite the fact that it reflects its functioning not only in the field of law, but also morality, is insufficient for its application to the analysis of the functioning of responsibility in the field of culture, and hence its adaptation to cultural studies. So, when you turn to morality, which is certainly a characteristic of human culture, jurisprudence, representing morality as the basis of law, resorts only to describing the historical forms of development of responsibility, without distinguishing it from the law. Even when responsibility is positioned as an institution, it is also seen as a mechanism for punishing for harm, where the only difference, if it is possible to express “moral responsibility”, from its legal version is that the first is carried out without proper verification of the misconduct. Moral liability is opposed to legal responsibility as an objective examination of all the subtleties of the situation in the form of accusatory and acquittal circumstances, with the subsequent passing of a fair verdict. The sociological understanding of responsibility, arising from the application of the sociological method to the analysis of the responsibility generated by ordinary consciousness, for example, woven into customs, would seem to be closest to the cultural interpretation of it. This is due to the fact that customs are the subject of study in cultural studies. However, sociologists deduce the origin of responsibility, for example, from blood feud. The definition of cultural responsibility proposed in this article is constructed by defining the human content of an act and incorporating the dialectic of positive and negative responsibility.

Keywords: legal responsibility, social responsibility, cultural responsibility

Для цитирования: Китов Ю. В., Гертнер С. Л. Культурная ответственность: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 67–74.

Проблема ответственности составляет в основном предмет интереса правоведов, а потому получила своё наиболее полное рассмотрение в юридической литературе. Обращение к ответственности при изучении вопросов, посвящённых политике, экономике, социальной сфере и т.д., требует именно юридического понимания ответственности, что не способствует прояснению её культурологического содержания. Наиболее близкое к культурологии понимание ответственности предлагается самими правоведами, когда они обращаются к размежеванию областей

общественной практики, покрываемых категориями морали и права. Однако их понимание морали как области функционирования ответственности, как правило, ограничивается описанием исторического становления ответственности как правовой категории, либо указывается на нравственность как на область её формирования, которая, однако, не даёт оснований для чёткого определения ответственности. Вот типичный пример дискуссии об ответственности, содержащийся в работе, посвящённой изучению её социальной и правовой разно-

видности. Автор говорит об отличных от правовой ответственности других её формах в сослагательном наклонении и подвергает критике до- и внеправовые формы ответственности: «Начало этого института (института ответственности. – Ю. К., С. Г.), вероятно, было связано с наказанием одного человека другим или группой лиц за причинённый вред, причём без какого-либо расследования (если вообще данный термин здесь допустим) или должной проверки происходящего. Внешне данный способ наказания также выглядел ответственностью, истоки которого, как правило, шли от известного обычая “око за око, зуб за зуб”, когда инициатива наказания в основном исходила от пострадавшего или узкой группы его представителей (рода). Однако такой вид “ответственности” не имел и не мог иметь ничего общего с правовыми механизмами объективного рассмотрения вины человека за причинённый вред и воздаяния при этом ему заслуженной кары в условиях равного рассмотрения обвинительных и оправдательных обстоятельств и с наложением заслуживаемого наказания [1, с. 27]». Когда речь заходит о социальной разновидности ответственности, то авторы, справедливо считая её атрибутом правовой разновидности, тем не менее занижают её регулируемую общественные отношения значимость, подчёркивая её несовершенство на фоне права. Это проявляется в том, что природа социальной ответственности выводится из кровной мести, и именно содержащаяся в кровной мести коллективность рассматривается как предтеча природы социальной ответственности. Положительным моментом здесь выступает лишь то обстоятельство,

что сущностью кровной мести выступает не желание крови, а кровь как объединительная характеристика этнической группы, то есть родственные отношения. Естественно, следует обратить внимание на то, что такая характеристика этничности свойственна примордиализму, который, в отличие, например, от конструктивизма или инструментализма, базируется на понимании этничности как «крови и почвы». Именно в этом ключе разворачивается рассуждение о связи социальной разновидности ответственности с кровной мстью в работе Г. В. Мальцева. Учёный считает, что кровная месть развивалась как древнейший правовой институт [4, с. 217].

Другой стороной ответственности, подчёркиваемой учёными-некультурологами, является её санкционная функция. То есть основной функцией ответственности в обществе считается санкция как ответ на неверно совершенное действие. Для понимания того, как ответственность функционирует в праве, опора на санкцию не деформирует её сущность. Однако в случае попыток понимания того, как ответственность действует в культуре, например – в культуре нравственной, санкция выглядит однобокой, вносит элемент частичности, лишает ответственность такой характеристики, как целостность. Культурологическое объяснение явления предполагает не просто фиксацию отдельного его проявления в культуре, но рассмотрение его как культурного явления. Поэтому, наряду с существованием ответственности в виде санкции, нельзя отказывать ей, например, в существовании в виде «угрызений совести», не говоря уже о более сложных психологических состояниях человека,

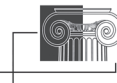

определяемых его принадлежностью к той или иной культуре.

Так, для культурологии совершенно неприемлемым является обстоятельство, когда функционирование ответственности в виде санкции абсолютизируется и используется для понимания природы и механизма функционирования моральной ответственности. Ведь моральная ответственность выходит за пределы действия права, характеризует нравственную культуру человека, а значит, может быть рассмотрена как предмет культурологии. Санкция, безусловно, действует и в нравственной сфере, что позволяет её характеризовать как функцию ответственности, однако её природа уже иная. Санкция уже не выступает в виде, например, статьи уголовного кодекса, а как одобрение или осуждение поступка человека: «Понять суть нравственной ответственности невозможно без выявления нравственных санкций – одобрения или осуждения поступков людей [2]».

Важным для культурологического понимания ответственности является её связь с человеком, с его сознанием, то есть с субъектом ответственности. Требование связи человека с ответственностью для её культурологической интерпретации проистекает из понимания культуры как продукта человеческой деятельности, а человека не просто как объекта культурного воздействия, но как субъекта культуры. Внекультурологические концепции ответственности, насколько бы продуктивными ни были их механизмы её регулирования, не только не озабочены постоянной связью ответственности с человеком как её субъектом, но, в силу своих оснований, стремятся вывести человека за пределы

принятия решения об ответственности, максимально освобождая её от влияния со стороны субъекта. Более того – объективируя её. Так, стремление к объективности в юридических науках венцом развития ответственности считает делегирование её от человека государству: «И лишь с рождением государства, а вместе с ним и различных судебных органов, хотя бы в лице главы государства (поселения, города), понятие ответственности стало переходить на общественный и государственный уровень. Люди передали часть своих прав, свобод и обязанностей государству, а следовательно, и доверили назначение ответственности должностным лицам, выступающим от их имени при наличии причинения какого-либо вреда [6, с. 27]». Государство рассматривается не только как самый лучший субъект ответственности, но как её единственный субъект, деятельность которого в связи с ответственностью позиционируется как благо для человека: «Одновременно такой общественный договор по передаче функций привлечения к ответственности за причиненный вред государственным органам позволял самим гражданам быть более защищаемыми от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество от имени того же государства [6, с. 27]». Окончательное определение социальной ответственности оказывается следующим: «В современном понимании социальная ответственность – это выбираемый обществом или государством процесс принуждения в виде избрания вида и размера применяемых карательных санкций к конкретному лицу за нарушение им общественных и нормативных правил поведения [6, с. 28]».

Проблема не в том, что юридическое понимание ответственности имеет свою специфику, а в том, что внутри правоведения осуществляются попытки определения социальной ответственности через юридическую, а значит, появляется возможность детерминации правом содержания культурной ответственности в областях существования культурной, не покрываемой правом сферы: «... Развитие категории социальной ответственности с переходом на уровень правовой ответственности имело долгий путь развития, когда право на наказание было передано с индивидуально-коллективного уровня на общественно-государственный [6, с. 28]».

Не менее проблематичным для культурологии является понимание ответственности, выдвигаемое экономистами. Объективный, автоматический характер ответственности за несоблюдение правил в бизнесе составляет её идеальную форму в экономике, так как является важной формой сохранения или отчуждения капитала. Вместе с тем для культурологии само понимание капитала оказывается невозможным без его субъекта, который связан с капиталом абсолютно, именно поэтому спецификой культурного капитала является не только невозможность его накопления кем-то другим, но и принципиальная невозможность его отчуждения от субъекта. Этот феномен обстоятельно изучен в концепции культурного капитала П. Бурдье [1].

В то же время в каждой из некультурологических наук, изучающих ответственность как характеристику культуры, содержится знание, содержание которого пересекается с содержанием ответственности, постулируемым куль-

турологией. Такое знание порождается в случаях, когда предметом характеристики ответственности является культура или культурная деятельность, либо когда представитель некультурологической науки анализирует природу ответственности как таковой, в самых общих её характеристиках, то есть в случаях, когда, скажем, юрист становится философом. Философия, как известно, является не наукой над наукой, а наукой в науке и всякий раз проявляет свою значимость при изучении общих вопросов. Один из известных философов утверждал, что в принципе нельзя решить частные вопросы, не решив общих. Поэтому, когда при формулировании юридической ответственности учёные обращаются к общим основаниям права, они в состоянии прояснить и то, как правовая ответственность в состоянии пересечься с культурной ответственностью. Хорошую возможность для понимания вышесказанного даёт обращение к пониманию права И. Кантом, который утверждал, что принцип права требует поступать внешне так, чтобы свобода произволения каждого была совместима со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом [3, с. 254]. Культурологическая важность такого утверждения для понимания ответственности состоит в том, что в понятие всеобщего закона вполне входит и деятельность человека в области культуры, а следовательно, и его культурное сознание. Всеобщность закона по определению включает его действие в культуре. Она, безусловно, касается регулирования культурных отношений, реальных и воображаемых, как и всего многообразия субъектов, которые в такие отношения вступают. Несомненно, что в отношении

по созданию, сохранению и распространению культурных ценностей вступает государство. Его регулирующая и определяющая роль непременно важна. Но насколько бы совершенной ни была государственная деятельность, она не охватывает всё общество в его многообразии, в его всеобщности, как и не в состоянии проконтролировать мысли человека, которые дают импульс той или иной его деятельности. В праве нельзя наказать за намерения, до совершения поступка, право не в состоянии задать человеку «муки совести», которые приводят его в конечном счёте к самонаказанию, в ситуации, когда его действия оказываются неподконтрольными праву. Классической иллюстрацией сказанному является поведение Раскольникова, признающего вину, когда такое признание оказывается недоступным путём использования правовых средств, а только средств совести. Такое действие проистекает под влиянием более действенных механизмов, нежели слежка, наблюдение, прослушивание и т.д., используемых для установления противоправного действия, так как является элементом нравственного сознания, сообщающего человеку чувство ответственности за свои поступки, особенно в ситуации, когда они оказываются невидимыми другим, а потому избегающими правовой оценки. Именно этим качеством обладает культура, а вместе с ней и культурная ответственность – она действует даже тогда, когда все известные «объективные» формы и разновидности ответственности не действуют. Если культура есть сущностная характеристика человека, отличающая его от всех других живых существ, а сегодня и умных машин и роботов, то культурная

ответственность затрагивает не просто одну из сторон человеческой жизни, а её сущность. Таким образом, культурная ответственность есть абсолютная форма ответственности человека перед всеми людьми и перед самим собой. *Поэтому, когда предметом ответственности является человечество, человеческое содержание поступка, реальное и воображаемое, – перед нами культурная ответственность.* Культурная ответственность отличается от юридической не только содержанием, но и формой, которая вбирает в себя диалектику негативной и позитивной ответственности. Вот как определяется позитивная ответственность в праве: «*Позитивная ответственность* понимается как обязанность индивида действовать в соответствии с требованиями социальных и правовых норм, или, иными словами, позитивная ответственность направлена на будущее, на потенциальное применение норм ответственности за возможность совершенного нарушения, то есть знания человека о предстоящей ответственности, чувство возможного наказания, по мнению сторонников данной позиции, удерживают его от совершения правонарушений [6, с. 29]».

Позитивная ответственность является формой культурной ответственности на правах понимания культуры как идеи. Такое понимание, развитое В. Межуевым на основе адаптации в науку о культуре философского учения В. Копнина о заключенном в идее образе желаемого будущего, и является объяснительным принципом позитивной ответственности как формы культурной ответственности. Культурфилософская суть подхода В. Межуева состоит в том,

что культура человека является ему не только в практике, но и в идее, то есть в том, чего нет в материальной реальности, но что является возможным. «По словам П. В. Копнина, – пишет В. Межуев, – в идее предмет отражается в аспекте идеала, то есть не только таким, как “он есть”, но и каким “должен быть”. Идея направляет практическую деятельность, образуя идеальную форму будущей вещи или процесса [5, с. 16]».

Транслируемое в область ответственности такое понимание культуры отвечает требованию большой «внутренней» работы человека, приводящей его к культурно значимым выводам. Иными словами, ответственность в её культурной форме, то есть как позитивная ответственность, возникает априори и оказывается результатом психической деятельности человека. Неудивительно, что культурологическое понимание ответственности, по определению включающее образ желаемого будущего, не вкладывается в правонарушительный подход, а потому и не устраивает правоведов: «Однако понимание так называемой позитивной ответственности говорит фактически об ответственности без совершаемого социального нарушения или правонарушения. Но возможно ли такое допущение меры ответственности в позитивном определении, которое происходит через психологическое отношение людей к праву с неким прогнозированием своего поведения? [6, с. 29]». Учёные-правоведы не видят такой возможности: «... поскольку речь идёт о внутренней психической картине, где нет действия самого права в виде каких-либо механизмов или реального применения его категориального аппарата [6, с. 29]».

Действительно, реальное применение категориального аппарата ответственности по отношению к внутренней психической картине, создаваемой человеком под влиянием его культуры, оказывается за пределами права, а поэтому и не может быть описано ни в правовой, ни в юридической, ни в какой-либо иной терминологии, но только в терминологии науки о культуре. Естественно, данная терминология не может быть проверена математически или с применением методов точных наук. Более того, даже внутри культурологического знания понятие «культурная ответственность» является только становящимся и подлежащим практической верификации. В этих целях могут быть использованы разнообразные практики различных субъектов. Мы использовали данное понятие при изучении культуры региональной элиты. Наше обращение к изучению ответственности региональной элиты было обусловлено тем, что в своей деятельности она принимает решения, затрагивающие судьбы других людей. Поэтому, когда деятельность элиты не столько контролируется правоприменительными практиками, сколько образом желаемого будущего, в центре которого находится благополучие управляемого ею регионального сообщества, то наличие культурной ответственности может быть установлено в деятельности региональной элиты. Элита избрана предметом анализа культурной ответственности ещё и потому, что она принимает решения в области комплекса областей деятельности, среди которых, безусловно, находится и культура. В качестве средства проникновения в область ответственности элиты были использованы её культурные интересы.

Примечания

1. Бурдьё П. Формы капитала (перевод М. С. Добряковой) // Экономическая социология. 2002. Том 3, № 5. С. 60–75.
Burd'e P. [Bourdieu Pierre] Formy kapitala [Forms of Capital] (translation by M. S. Dobryakova). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002, Vol. 3, no. 5, pp. 60–75.
2. Иванников А. И. Моральная и юридическая ответственность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 49–54. DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-49-54
Ivannikov A. I. The moral and legal responsibility. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2017, no. 3, pp. 49–54. DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-49-54 (In Russian)
3. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги. Москва : Чоро, 1994. Том 6.
Kant I. *Metafizika npravov* [Metaphysics of morals]. *Sobranie sochinenii, v 8 tomakh. Tom 6* [Collected works, in 8 volumes. Vol. 6]. Moscow, Publishing House «Choro», 1994.
4. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. Москва : Норма : Инфра-М, 2012. 735 с.
Maltsev G. V. *Mest' i vozmezdие v drevnem prave* [Revenge and punishment in the ancient right]. Moscow, Norma Publishing House, Publishing house “Infra-M”, 2012. 735 p.
5. Межуев В. М. Идея культуры : очерки по философии культуры. Москва : Университетская книга : Прогресс-Традиция, 2012. 405 с.
Mezhuev V. M. *Ideia kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury* [Idea of culture: sketches on culture philosophy]. Moscow, University Book Publishing House, Publishing house “Progress-Tradition”, 2012. 405 p.
6. Халиков А. Н. Социальная и правовая ответственность человека // Lex Russica. 2015. № 8. С. 26–35.
Halikov A. N. Social and legal responsibility of an individual. *Lex Russica*. 2015, no. 8, pp. 26–35. (In Russian)

References

1. Burd'e P. [Bourdieu Pierre] Formy kapitala [Forms of Capital] (translation by M. S. Dobryakova). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002, Vol. 3, no. 5, pp. 60–75.
2. Ivannikov A. I. The moral and legal responsibility. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2017, no. 3, pp. 49–54. DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-49-54 (In Russian)
3. Kant I. *Metafizika npravov* [Metaphysics of morals]. *Sobranie sochinenii, v 8 tomakh. Tom 6* [Collected works, in 8 volumes. Vol. 6]. Moscow, Publishing House «Choro», 1994.
4. Maltsev G. V. *Mest' i vozmezdие v drevnem prave* [Revenge and punishment in the ancient right]. Moscow, Norma Publishing House, Publishing house “Infra-M”, 2012. 735 p.
5. Mezhuev V. M. *Ideia kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury* [Idea of culture: sketches on culture philosophy]. Moscow, University Book Publishing House, Publishing house “Progress-Tradition”, 2012. 405 p.
6. Halikov A. N. Social and legal responsibility of an individual. *Lex Russica*. 2015, no. 8, pp. 26–35. (In Russian)

*

ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

УДК 101.8

В. А. Ремизов¹, Н. А. Янкова²

¹Московский государственный институт культуры

²Международный юридический институт

Статья посвящена лингвосоциокультурной безопасности общества, которая связана с состоянием его лингвосоциокультурных ценностей, влияющих на осуществление как духовной, так и организационно-управленческой деятельности и определяющих особенности социокультурных отношений. В статье устанавливается двойственная природа таких ценностей, которые, с одной стороны, закрепляют в общественном сознании посредством языка этнокультурные стереотипы поведения и мышления, а с другой стороны, участвуют в установлении через ресурсы языка организационно-управленческих механизмов. Исходя из этого в статье обосновывается мысль о том, что лингвосоциокультурную безопасность необходимо изучать в двух аспектах: антропологическом и институциональном, что позволяет выработать методологический инструментарий для установления в конкретном обществе угроз лингвосоциокультурного характера и их источников.

Ключевые слова: лингвосоциокультурная безопасность, лингвосоциокультурная ценность, лингвосоциокультурная угроза, социальный институт, этнический язык.

V. A. Remizov¹, N. A. Yankova²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²International Law Institute, Kashenkin Meadow str., 4, 127427, Moscow, Russian Federation

LINGVOSOTSIOKULTURAL SECURITY IN ANTHROPOLOGICAL AND INSTITUTIONAL DIMENSIONS

The article is devoted to the lingvosotsiokultural security of the society, which is connected with the state of its lingvosotsiokultural values that affect the implementation of both spiritual and

¹РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы России

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher education of the Russian Federation

²ЯНКОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин юридического факультета Международного юридического института, г. Москва

YANKOVA NATALIYA ALEKSEEVNA – Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of humanities and natural science disciplines, Faculty of Law, International Law Institute

e-mail: shupik49@mail.ru¹, natachayankova@yandex.ru²

© Ремизов В. А., Янкова Н. А., 2017

organizational and managerial activities and defining the characteristics of socio-cultural relations. The article establishes the dual nature of such values, which, on the one hand, are fixed in the public consciousness through the language of ethnocultural stereotypes of behavior and thinking, and on the other hand, they participate in the establishment of organizational and managerial mechanisms through the resources of language. Proceeding from this, the article substantiates the idea that lingvosociocultural security needs to be studied in two aspects: anthropological and institutional, which allows us to develop a methodological tool for establishing in a particular society threats of a linguistic and socio-cultural nature and their sources.

Keywords: lingvosotsiokultural security, lingvosotsiokultural value, lingvosotsiokultural threat, spiritual activity, social institution, ethnic language.

Для цитирования: Ремизов В. А., Янкова Н. А. Лингвосоциокультурная безопасность в антропологическом и институциональном измерениях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 75–84.

Лингвосоциокультурная безопасность, являясь важнейшим атрибутом организационной формы существования и воспроизводства социальности, представляет собой свойство социальной системы, которое связано с состоянием лингвосоциокультурных ценностей, фундирующих социокультурные отношения в обществе посредством определения культурной значимости и развития функциональных возможностей языка (прежде всего, этнического языка и государственного языка), выполняющего функцию символизации и кодификации смысловых установок.

Экспликация лингвосоциокультурных ценностей, выступающих в качестве объекта обеспечения данного вида безопасности, не носит произвольный характер, а задается, с одной стороны, потребностями и интересами субъектов социального процесса, а с другой – закономерностями социальной реальности, устанавливающими участие языка в конструировании социальной реальности.

Исходя из этого онтологическая сущность лингвосоциокультурных ценностей, а следовательно, и лингвосоциокультурной безопасности раскрывается

в двух аспектах: антропологическом и институциональном.

В целом антропологическое измерение социальности выражается в её экзистенциально-онтологической соотнесённости с ценностными основаниями жизнедеятельности людей, осуществляющих духовную деятельность и тем самым формирующих духовные значения. Антропологический аспект связан с поведением людей, принадлежащих к конкретному обществу, которое обусловлено кодами культуры, обеспечивающими культурную самобытность этого общества, выражающуюся в ментальных установках, идентификационных категориях, языковой картине мира и т.д. Изучение социальных процессов и явлений в антропологическом аспекте тесно связано с языком, поскольку тот участвует в концептуализации реальности и репрезентирует в общественном сознании коллективные представления о природно-географических, территориальных, политических, социокультурных и других объектах, имеющих культурно-историческую заданность.

Институциональное измерение социальной реальности определяется исто-

рически сложившимися в процессе коллективной деятельности людей устойчивыми надындивидуальными социальными институтами, репрезентирующими организационно-управленческие механизмы общества и детерминирующими социальное взаимодействие, в частности индивидуальное поведение людей через систему статусно-ролевых позиций, обеспечивающих совместную скоординированную деятельность, направленную на достижение общих целей и реализацию общих интересов, которые становятся таковыми в процессе совместной деятельности.

Нужно отметить, что многие исследования, посвященные изучению безопасности как социально-философской проблемы, в основном имеют социоцентрическую направленность, растворяя человека в интериоризированных общественных отношениях, создающих основу для системы обеспечения конкретного вида безопасности. Однако в социально-философских исследованиях видов безопасности необходимо исходить из онтологической неотделимости человека от общества, а следовательно, обеспечение безопасности соотносить как с человеком, имеющим надындивидуальную сущность, независимую от конкретных условий её воспроизводства, так и с обществом, обладающим надындивидуальной сущностью [5]. Иными словами, необходимо изучать проблему безопасности в двух аспектах: антропологическом и институциональном.

Цель статьи – установить сущностные характеристики лингвосоциокультурной безопасности в фокусе указанных аспектов, что позволит методологически обоснованно выявлять предметно-проблемную область исследования данного

вида безопасности. Целесообразность изучения лингвосоциокультурной безопасности в этих двух аспектах определяется также онтологической природой языка, который имеет концептуальную заданность и институциональную направленность, поскольку он является основой функционирования духовной сферы общества, имея символическую природу, а также – организационно-управленческой сферы общества, обладая определённым статусом и участвуя в интегрирующе-деинтегрирующих процессах.

Итак, рассмотрение лингвосоциокультурной безопасности в антропологическом аспекте предполагает выделение национально-специфических черт, отличающих, например, русских от китайцев или американцев и определяющих духовные основания социокультурных отношений, на сохранение которых и направлено обеспечение данного вида безопасности. Институциональный аспект лингвосоциокультурной безопасности вскрывает участие языкового фактора в организационно-управленческих механизмах общества.

Рассматривая лингвосоциокультурную безопасность в антропологическом аспекте, мы исходим из представления, согласно которому надындивидуальная сущность человека определяется тем, что человек входит в человечество не как отвлечённый человек, но только как человек этнический, причём главным становится его самоопределение в ценностях, образах и символах этнической культуры, то, что определяется понятием этнической идентичности, представленной рефлексивным компонентом (осознание индивидом принадлежности

к этнической общности на основе разделяемой культуры, формируемое через единый язык); эмоциональным компонентом (эмоциональное переживание этой принадлежности, выражающееся в менталитете); поведенческим компонентом (культурные практики манифестации этой принадлежности) [4].

За проявлением этих компонентов усматривается состояние лингвосоциокультурной безопасности человека как представителя определённой этнической общности, его способность усваивать ключевые концепты культуры, стереотипы поведения и мышления, модели общения, все стороны социального бытия: историческую, территориальную, хронологическую, социально-экономическую, политическую, социально-психологическую, социокультурную.

Любая социальная общность, в том числе этнос и нация, формируется не только и не столько на институциональной основе, но, прежде всего, исходя из представлений об этой основе, скреплённых символическими, лингвосоциокультурными средствами, порождённых опытом совместного проживания на определённых территориях, исходя из выработанных ментальных категорий. Физическое пространство, в котором складываются социокультурные отношения, наполняясь смыслами и закрепляясь в сознании субъектов посредством языка, становится пространством социальным, в чём и проявляется значение языкового фактора в конструировании социальной реальности. Язык создаёт систему надындивидуальных смыслов, задающих программу поведения субъектов. Язык структурирует для его носителей окружающий мир, на бессознательном уровне

закрепляет стереотипы мышления и тем самым определяет национально-специфический способ презентации знаний о мире, системы ценностей и моделей поведения. Язык сохраняет и воспроизводит ценности, которые организуют деятельность его носителей, транслирует эти ценности, сохраняя преемственность поколений.

За каждым словом скрывается историческая обусловленность, ценностные ориентиры народа, а значит, язык является смысловой и ценностной основой. Потребность в выработке общего поля общения внутри социальных общностей и идентификационных механизмов ставит перед данной общностью проблему выработки единого языка и его кодификации. По большому счёту социальные общности (этнос, религиозные общности, профессиональные общности и т.п.) складываются как языковые общности (носители этнического языка; люди, использующие определённый сакральный язык; носители профессионального языка и т.п.).

Лингвосоциокультурная безопасность в антропологическом аспекте определяется состоянием уровней языкового менталитета как специфического феномена духовной деятельности людей: вербально-семантического уровня, отражающего знание единиц языка и правил их сочетаемости; лингвокогнитивного уровня, который реализован в упорядоченной совокупности концептов, выраженных ключевыми словами, символами, словесными клише, объединяющими всех носителей этих знаний и представлений в этническую общность, которая и называется теми или иными этнонимами (русский, татарин, немец, китаец и т.п.);

мотивационно-прагматического уровня, связанного с ценностными установками, мотивацией, целями языковой деятельности личности и подчиняющего себе такую деятельность [2, с. 37–58].

В процессе концептуализации и языковой идентификации человек всегда ориентирован на этноспецифические компоненты языка, которые формируются при определяющей роли совокупности факторов, прежде всего – среды бытования этноса на раннем этапе его существования, когда под воздействием природно-климатических условий складываются типичные этнические черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь социально наследуемыми. Манифестация указанных уровней осуществляется посредством конкретных языковых единиц (лексических и грамматических), которые несут ключевые смыслы этнической культуры. Так, например, особенно значимыми для русской культуры и русского сознания будут такие слова, как *судьба, душа, жалость*, некоторые лексические пары (*правда и истина, долг и обязанность, свобода и воля* и другие), национально-специфические единицы (*тоска, удаль, соборность, совесть, подвиг*) [2]. Подобные единицы иначе называются культурными концептами, «опорными точками» народного самосознания, имеющими знаковое воплощение в формах этнического языка [3]. Эти концепты обеспечивают временную непрерывность существования этноса, «схватывают» в значениях этих слов и передают последующим поколениям наиболее ценные элементы опыта предшествующих поколений.

Угрозы лингвосоциокультурной безопасности в антропологическом аспекте

связаны с разрушением этих уровней через варваризацию языка, насаждение чуждых концептов, приводящих к трансформации языкового менталитета личности, что часто сопровождается лингвистическим редукционизмом и утилитаризмом.

По справедливой оценке Н. В. Юдиной, «в современном культурно-цивилизационном контексте начинают деформироваться ценностно-духовные функции языка, снижаются его личностно-образующие возможности, и всё чаще язык начинает утрачивать свою функцию системообразующего начала духовной жизни народа ... Изначальная сопряженность языковых норм и фактов языка с ценностно-онтологическим строем миропорядка, восходящим к сфере абсолютных сакральных ориентиров, перестаёт быть безусловной [8, с. 10]».

Итак, рассмотрение лингвосоциокультурной безопасности в антропологическом аспекте тесно связано с изучением состояния этнического языка как лингвосоциокультурной ценности, которая имеет духовное значение для общества, вырабатывающееся в результате участия языка в идентификационных процессах, в формировании и отражении языковой ментальности.

Однако этнический язык, обладая духовным значением, может участвовать в формировании тех механизмов, которые закладывают основу для социокультурных трансформаций, в чём и проявляется институциональный аспект лингвосоциокультурной ценности, а обеспечение лингвосоциокультурной безопасности в национально-государственном измерении направлено на укрепление институциональных возможностей

конкретного языка. При этом проявление институциональной составляющей лингвосоциокультурной ценности зависит от конкретно-исторических условий их существования: уровня этнического развития их носителей (племя, этнос, нация) и их численности, социально-экономического уровня этноса и наличия или отсутствия у него государственности, компактности его расселения и характера социально-экономических и культурных связей с другими народами, наличия и давности литературной письменной традиции и другими.

В таком случае этнолингвистические различия становятся основой социальной дифференциации, а язык используется как инструмент поддержания такой дифференциации и управления общественными отношениями в интересах конкретного субъекта. Ключевая особенность реализации институционального аспекта лингвосоциокультурной ценности заключается в том, что язык из духовной ценности превращается в организационно-управленческую ценность, что особенно активизируется при переходе конкретного общества на техногенный путь развития, когда укрепляются позиции государства как социального института и формируется национальное культурное пространство.

В таких условиях инструментальный аспект языка выражается в процессах институционализации языка, направленных на формирование лингвистической однородности, упрощающей социальное взаимодействие (государственный язык, язык межэтнического общения), и в процессах активизации манипулятивных практик, направленных на социально-идеологические или социально-психологические

воздействия на общество через ресурсы языка.

Насколько далеки последствия эксплуатации институционального отношения к языку иллюстрирует ситуация, при которой установление политических границ выражается в определении границ между этническими общностями, когда языковые феномены рассматриваются как формы одного языка или как разные языки. Отнесение близких диалектов не к формам одного языка, а к разным языкам (например, южнорусский диалект русского языка и украинский язык) проводит границы, порой искусственно, между этническими общностями, определяет территориальные границы их существования, что в последующем может обернуться серьёзными этнолингвистическими противоречиями [9].

Проблема институционализации этнического языка, а следовательно, институциональный аспект лингвосоциокультурной безопасности заявляют о себе последовательно и планомерно в условиях индустриализации и перехода к обществу модерна. Нельзя сказать, что до этого язык не участвовал в организационно-управленческой деятельности, наоборот, благодаря языковому фактору складывались культурно-цивилизационные системы и проводились между ними ценностно-смысловые границы (христианская цивилизация, исламская цивилизация, конфуцианская цивилизация и другие), а институционализация языка была связана с его сакрализацией. Однако именно социокультурные трансформации социальной организации, связанные с переходом к обществу модерна, поставили интеграционные процессы конкретного общества в зависимость от особен-

ностей сложившейся здесь языковой ситуации. Такие процессы были направлены на укоренение монолингвизма и установление субординационных отношений между языками. Пожалуй, именно в это время формируется проблемное поле лингвосоциокультурной безопасности общества, которое в философской литературе выражается в противостоянии двух подходов к языку: инструменталистского и трансцендентально-герменевтического. Идеология монолингвизма обосновывается инструменталистской линией в философии языка.

С развитием индустриализации возникла социальная потребность во включении этнически разнородного населения в политико-административные границы государства, в едином стандарте общения, образовании общих для данной социальной системы смыслов и символов. Государство как важнейший социальный институт эпохи модерна начинает формировать и распространять дисциплину общения, характеризующуюся унификацией и стандартизацией.

На фоне этого происходит процесс кодификации этнических языков, которые постепенно приобретают, с одной стороны, литературную форму, исключая диалекты, а с другой – новый статус языка высокой культуры, вытесняя латынь. Этнические языки государствообразующего этноса в условиях формирования национального государства получают статус государственного языка. Развитие книгопечатания лишь усилило эту тенденцию, что в целом сделало возможным создание новой формы воспроизведения культуры, основанной на этническом языке, ставшем в социальных условиях монолингвизма при фор-

мировании национального государства национальным языком, очерчивающим границы национального культурного пространства. Сложившиеся исторически формы этнической самоорганизации были заменены национальными институтами, ставшими инструментами административно-бюрократического управления гетерогенным обществом. При этом отчётливо прослеживается стремление гомогенизировать это гетерогенное общество, поскольку полиэтничность всегда была организационно-управленческой проблемой для национального государства.

По мере европеизации незападных обществ и переустройства их институциональной системы по западному образцу происходит усвоение ими новой модели воспроизводства культуры, в которой монолингвизм, унифицированная система образования и управления, светские механизмы легитимации власти становятся её атрибутивными признаками. Так, в России реформы Петра I по европеизации государственных институтов сопровождались унификацией языковой системы, выражающейся в переустройстве русского алфавита (изъятие букв, которые утратили своё звучание); в изменении системы письма (переход на гражданицу, сближающую кириллическую традицию с латинической); в сужении функциональных возможностей церковнославянского языка, употребление которого стало ограничиваться религиозной сферой, и в формировании на русской языковой основе литературной формы. В целом политика монолингвизма вытеснила из организационно-управленческой деятельности языки этнических меньшинств, либо значительно ограни-

чила их функциональные возможности, что спровоцировало их маргинализацию и создало условия для умирания.

Институциональное измерение лингвосоциокультурной безопасности определяется способностью языка быть инструментом управления как на национальном, так и на наднациональном уровнях. В условиях глобализации институциональный аспект обеспечения лингвосоциокультурной безопасности России, связанный с насаждением английского языка как глобального, выражается в противостоянии таким процессам и явлениям, как западнизация, лингвосоциокультурная экспансия, лингвистический империализм.

Таким образом, рассмотрение лингвосоциокультурной безопасности в антропологическом и институциональном аспектах позволяет говорить о двойственной природе данного вида безопасности. С одной стороны, она является атрибутом социальной общности, выражающимся в способности такой общности сохранять язык, который является духовным основанием социальных связей и отношений. С другой стороны, осмысление в обществе концептуального содержания данного вида безопасности и использование его в качестве организационно-управленческого инструмента превращают лингвосоциокультурную безопасность в фактор социокультурной динамики.

Рассмотрение лингвосоциокультурной безопасности в фокусе указанных аспектов имеет и большое методологическое значение, поскольку позволяет выявить источники угроз лингвосоциокультурного характера, которые актуализируются в таких социальных условиях,

когда антропологический аспект функционирования языка нивелируется институциональным аспектом, что связано с социально-идеологическим или социально-психологическим воздействием через ресурсы языка в целях управления и выражается в процессах институционализации языка, направленных на формирование лингвистической однородности, упрощающей социальное взаимодействие (язык государства, язык науки, глобальный язык, язык Церкви и т.п.), а также – в манипулятивных практиках. Указанная тенденция выражает социальную закономерность, согласно которой по мере усложнения социальной системы социальные институты, обретая доминирующее место, начинают видеть в качестве цели собственное воспроизводство, подчиняя организационной деятельности духовную деятельность и превращая знаково-символические формы в средство для её достижения. В таком случае язык используется как инструмент управления в интересах конкретного субъекта, а технологии языковой политики лишь формализовали институциональный подход к лингвосоциокультурным ценностям. Например, вопрос о квалификации языковых форм в современном обществе приобретает исключительно институциональное измерение, так как установление языковых границ (границ между ареалами распространения языков) накладывается на установление административных и государственных границ, что создаёт условия для продуцирования этнолингвистических конфликтов, сопровождающихся языковым национализмом и сепаратизмом, поскольку происходит девальвация духовного значения таких языковых форм.

За доминированием институционального измерения лингвосоциокультурных ценностей общества и пониманием лингвосоциокультурной безопасности преимущественно в институциональном аспекте скрывается более серьёзная проблема – девальвации ценности этнического языка и демонтажа народа как носителя этого языка, что связано с утратой духовных значений, передающихся через язык. Эта утрата происходит вследствие вторжения чужеродных ментальных категорий и приводит в конечном счёте к разрыву трансгенерационных связей. Исходя из этого, смерть языка, как деструктивное явление лингвосоциокультурного характера, обусловлена, в первую очередь, потерей духовного значения такого языка для его носителей, а потом уже сужением функциональных возможностей умирающего языка. В этом отношении является показательным состояние калмыцкого языка, который, будучи государственным языком Республики Калмыкия как субъекта Российской Федерации, постепенно теряет свои позиции, поскольку утрачивается его значение в духовной деятельности [6]. Такие опасные явления, как языковой нигилизм, есть проявление смещения ценностных приоритетов в обществе, где норма вообще и языковая норма в част-

ности более не является ценностным ориентиром.

Таким образом, антропологический и институциональный аспекты лингвосоциокультурной безопасности конкретного общества определяют степень участия языка в конструировании социальной реальности, что проявляется в его способности участвовать в выстраивании социокультурных отношений как инструмента идеологического и социально-психологического воздействия, и в то же время описывают и объясняют эти отношения, концептуализируя реальность и выступая действенной силой по её преобразованию. Угрозы лингвосоциокультурного характера для современного общества убедительно показывают, что актуальной становится скоординированность этих двух аспектов, поскольку лингвосоциокультурная безопасность является, с одной стороны, фактором эффективного функционирования организационно-управленческой сферы общества, а следовательно, объектом управленческих манипуляций, а с другой стороны, фактором закрепления и трансляции духовных значений и эффективного функционирования духовной сферы общества как в рамках национального культурного пространства, так и в цивилизационном масштабе.

Примечания

1. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 260 с.
3. *Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова... Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. 256 с.
4. *Малыгина И. В.* Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика // Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире : коллективная монография / под науч. ред. И. В. Малыгиной. Москва : МГИК, 2016. С. 8–21.

5. Момджян К. Х. Российское общество: инвариант или самобытность? // Концептуализация общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии : монография / под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. Москва : ИНФРА-М, 2017. С. 102–114.
6. Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве : коллективная монография / под редакцией: Е. Г. Лапиной-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.
8. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? Эволюция? Прогресс? : монография. Москва : Гнозис, 2010. 293 с.
9. Янкова Н. А. Лингвосоциокультурные угрозы современному обществу в контексте актуальных социальных процессов // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. № 3. С. 117–120.

References

1. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira [Keyideas of the Russian language picture of the world]*. Moscow, LRC Publishing House, 2005. 544 p.
2. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1987. 267 p.
3. Kolesov V. V. *Zbign' proiskhodit ot slova... [Life comes from the word]*. St. Petersburg, Publishing house "Zlatoust", 1999. 256 p.
4. Malygina I. V. Dinamika ehtnokul'turnoi identichnosti: mirovye trendy i rossiiskaya spetsifika [Dynamics of ethnic and cultural identity: global trends and Russian specifics]. In: Malygina I. V., ed. *Stolknovenie identichnostei i printsipy mezhkul'turnykh kommunikatsii v sovremennom mire [A clash of identities and the principles of intercultural communications in the modern world]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2016. Pp. 8–21.
5. Momdzhyan K. Kh. Rossiiskoe obshchestvo: invariant ili samobytnost'? [Russian society: the invariant or identity?] In: Momdzhyan K. Kh., ed. *Kontseptualizatsiya obshchestva v sotsial'no-filosofskoi i filosofsko-istoricheskoi refleksii [Conceptualization of society in socio-philosophical and philosophical-historical reflection]*. Moscow, Publishing house "Infra-M", 2017. Pp. 102–114.
6. Lapina-Kratasyuk E. G., Moroz O. V., Nim E. G., ed. *Nastroika yazyka: upravlenie kommunikatsiyami na postsovetском prostranstve [Language setting: managing communications in the former Soviet Union]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2016. 448 p.
7. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Person. Civilization. Society]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1992. 543 p.
8. Yudina N. V. *Russkii yazyk v XXI veke: krizis? Evolyutsiya? Progress? [Russian language in the XXI century: the crisis? Evolution? Progress?]*. Moscow, Publishing house "Gnosis", 2010. 293 p.
9. Yankova N. A. Lingvosotsiokul'turnye ugrozy sovremennomu obshchestvu v kontekste aktual'nykh sotsial'nykh protsessov [Lingvosotsiokultural threats to the modern community in the context of urgent social processes]. *Alma mater*. 2017, no 3, pp. 117–120.

*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОЛЕ

УДК 008:001.1

Н. П. Безуглова

Всероссийская академия внешней торговли

Статья посвящена рассмотрению междисциплинарности межкультурной коммуникации, которая является преимуществом и проблемой этой дисциплины; анализируются цели межкультурной коммуникации; определяются дисциплины, являющиеся для неё родственными, а также их теории и методы, используемые для анализа межкультурных взаимодействий; рассматриваются контексты межкультурных взаимодействий – микроуровень, средний уровень, макроуровень.

Ключевые слова: контекст, культура, культурология, межкультурная коммуникация, межкультурный менеджмент, этнология.

N. P. Bezuglova

Russian Foreign Trade Academy, The Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Pudovkina str., 4A, 119285, Moscow, Russian Federation

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE INTERDISCIPLINARY FIELD

The article is devoted to the interdisciplinary character of intercultural communication, which is an advantage and a challenge to the discipline, analyzes the goals of intercultural communication, discusses the nature of the contexts of communication and establishes such types of contexts as micro context, average context, macro context.

Keywords: context, culture, cultural studies, intercultural communication, cross-cultural management, ethnology.

Для цитирования: Безуглова Н. П. Межкультурная коммуникация в междисциплинарном поле // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 85–92.

Межкультурная коммуникация по своему происхождению, а также с точки зрения теории и методов исследования – межотраслевая академическая дисциплина. Ею занимаются культурологи,

этнологи, психологи, учёные, работающие в области коммуникации, дидактики иностранных языков, прагматической лингвистики, а также педагогики, социальной психологии, межкультурного

БЕЗУГЛОВА НАДЕЖДА ПАВЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли

BEZUGLOVA NADEZHDA PAVLOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences, the Russian Foreign Trade Academy

e-mail: besuglova@mail.ru

© Безуглова Н. П., 2017

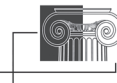
менеджмента и других дисциплин. Комбинация различных дисциплин, оказавших влияние на появление межкультурных теорий, зависит от национальных традиций, которых придерживаются исследователи. Так, в России существенную роль сыграли лингвисты, во Франции – социологи и представители интеракционизма, в то время как в Германии были сильны этнологи и психологи. Междисциплинарность данного предмета является преимуществом, так как межкультурная коммуникация может извлечь выгоду из теоретических конструкций и методов исследования смежных дисциплин. В то же время междисциплинарность – это и вызов, так как присутствие межкультурных вопросов в проблемных полях смежных наук осложняет осознание её истинного ядра и предметов исследования, а также создаёт трудности для признания данного направления в качестве академической дисциплины. Так, например, исследования, которые лингвисты относят к межкультурной коммуникации, частично совпадают с исследованиями психологии, педагогики и этнологии. Чем занимаются исследования межкультурной коммуникации и что составляет её объект? Какие дисциплины являются родственными для межкультурной коммуникации, её теорий и методов, и какой вклад они могут, соответственно, внести в развитие интеркультуралистики?

Ядро дисциплины формируется на пересечении исследований, существенно повлиявших на развитие межкультурной коммуникации в 1970–1980-е годы в США и западноевропейских странах. Ими занимались учёные, представлявшие психологию, речевую коммуникацию (Speech Communication), прагматическую линг-

вистику и дидактику иностранных языков. Межкультурная коммуникация как исследовательская область и академическая дисциплина, а также её существенные понятийные и теоретические основы зародились в 1950-е годы, когда американский учёный Эдвард Т. Холл опубликовал труды, содержащие многие идеи этой науки. По ряду причин культурные антропологи отошли в 1970–1980-е годы от исследований межкультурной коммуникации, возврат интереса к которой произошёл в Европе только в 1990-е годы.

Длительное время в исследованиях межкультурной коммуникации преобладали психологические, педагогические и лингвистические исследования. Такое преобладание, с одной стороны, вылилось в ограничение предмета исследования, поскольку взгляд учёных был направлен, как правило, на взаимодействия, происходящие в текущий момент, а с другой стороны, серьёзное распространение получили прикладные исследования, что хорошо показано в работе «Межкультурная коммуникация = Interkulturelle kommunikation: теория и тренинг», написанной Ю. Рот, Г. Коптельцевой [4, с. 18–20]. Такой ход развития привёл к значительным последствиям, так как оттеснил из центра внимания исследователей некоторые важные с культурологической точки зрения аспекты, необходимые для полного понимания межкультурного взаимодействия.

Выделим следующие существенные аспекты. В межкультурной коммуникации с точки зрения центрального понятия «культура» всё ещё преобладают редуционистские культурно-антропологические теории, частично принятые в предыдущие десятилетия, отталкиваю-

щиеся от устаревшего понятия культуры. В этнологии такому подходу противостоит взгляд на культуру, который весьма широк и иногда так дифференцирован, что кажется, что в изобилии культурных деталей пропадают существенные в межкультурном контексте феномены. Следует уточнить это общее высказывание следующими важными подробностями.

В межкультурной коммуникации культура имплицитно понимается как система большой гомогенности, причём, как правило, она тождественна национальным государствам, имеющим чёткие границы. В этнологии присутствует представление о культуре как о системе, демонстрирующей определённую однородность, покоящуюся на общих составных частях чего-то целого, которая в то же время отличается существенными внутренними дифференциациями, отклонениями, противоречивыми наслоениями. Культура предстаёт в виде комплексной системы, составленной из частично разнонаправленных слоёв, создающих большой вариативный спектр, что проявляется в единстве и часто «борьбе» культур (региональных, профессиональных и т.д.), в широком спектре вариантов дифференциаций между высокой и народной культурами или же субкультурами.

Этнологи иногда упускают из виду общие черты культуры, бросающиеся в глаза постороннему наблюдателю, из-за интереса к внутренним культурным дифференциациям. Фиксация межличностного взаимодействия на событиях, происходящих в текущий момент, имеет отрицательные последствия для межкультурной коммуникации. С одной стороны, такой подход ведёт к тому, что

культура понимается как система относительно большой стабильности, и поэтому культурная переменная предметно обсуждается только при случае, с другой стороны, данный алгоритм обуславливает почти исключительно синхронный способ рассмотрения, который склонен исключать исторический подход.

Этнология и особенно историческая антропология изучают стабильные элементы, обладающие устойчивостью и приверженностью к традициям. Этнология принципиально понимает культуру не как статичную, а как динамичную систему, находящуюся в постоянном процессе изменения, поэтому её традиционной составляющей является культурная переменная. Частичное усиление внимания к нестабильным элементам за счёт стабильных элементов культуры, а также боязнь обвинений в эссенциализме и культурализме почти заставили учёных отказаться от понятия культуры в этнологии. Данная тенденция в течение последних лет постепенно смягчается, и сегодня в этнологии синхронный способ рассмотрения также важен. Тот факт, что культуры – исторические феномены и подвержены изменениям, влияет на необходимость диахронного рассмотрения культур, а также включения в их анализ исторической перспективы, то есть «контекста-как-истории» [2, с. 185].

Если в межкультурной коммуникации преобладает подход к рассмотрению культуры в качестве закрытых, изолированных систем, то сегодня этнология усматривает в этом феномене прежде всего открытую систему, которая в значительной мере формируется на основе взаимодействий и взаимообменов с окружающим миром [4, с. 35]. Взаимные влия-

ния между народами и их культурными сферами так же обычны, как и смешение различных культурных элементов. Такие процессы, как креолизация, гибридизация, адаптирующее присвоение новых, а также чужих культурных элементов, являются универсальной двигающей силой социальных и культурных изменений. Об этом говорит В. М. Розин, подчёркивая ценность анализа культуры не как «... системы ценностей, картин мира, властных отношений. А культуры как динамического процесса, посланий месседжей, как столкновение интересов, перерастающих в конфликты, как неустойчивое временное отношение [5, с. 94]».

В межкультурных коммуникациях существует тенденция ограничивать исследование теми областями общей культурной системы, которые учёные считают существенными для истолкования межкультурного действия. Это, как правило, вербальное и невербальное поведение, а также ожидаемые ценностные предпочтения, восприятие и переживание чужого. В противоположность такому подходу культурологи рассматривают культурную систему принципиально холистически, пытаясь исследовать её со всеми элементами в многообразии их отношений друг к другу. Угол культурологического зрения очень широк, охватывает все сферы культуры повседневности, прежде всего её исторические аспекты, а также области, существенные для межкультурного взаимодействия.

Исследователи межкультурной коммуникации концентрируют внимание на ситуации, происходящей в текущий момент, и фиксируют свой взгляд в первую очередь на тексте конкретного меж-

личностного взаимодействия. Если некоторые авторы прагматично затрагивают конкретные обстоятельства взаимодействия, то они всё же принимают во внимание непосредственные социальные контексты, в которых общаются индивиды. В противоположность подходу этнологов – самое позднее с возникновения контекстуалистской парадигмы – для интерпретации коммуникативного текста приобщаются все релевантные измерения и аспекты контекста. И. Т. Касавин уточняет, что «именно включённость всякого коммуникативного действия в более широкий контекст (реальный или потенциальный) придаёт ему смысл и обязывает участников придерживаться тех правил, которые они установили [2, с. 117]».

Многие подходы межкультурной коммуникации, её методы и теории, развивавшиеся по чисто практическим соображениям, были вначале переняты этнологами, однако затем они стали сторониться межкультурной коммуникации, поскольку она «... не смогла вобрать в себя новейшие достижения антропологии, построенной преимущественно на качественных, герменевтических подходах [4, с. 19]». Но теоретические взгляды на исследования межкультурной коммуникации за десятилетия существенно изменились, поэтому сегодня для дисциплины актуальны не культурно-антропологические основы, заложенные работами Эдварда Холла, а концепции, теории и методы, которые были разработаны этнологами в последний период. Культурная антропология, этнология и этнография значительно расширили палитру исследовательских подходов межкультурной коммуникации, для которой также важна фольклористика, родствен-

ная с этнологией дисциплина, отличающаяся от неё предметом исследований.

Расхождения, касающиеся областей исследования и теоретических взглядов этнологии и фольклористики, позволят нам раскрыть существенные характеристики межкультурной коммуникации. Если этнология с самого начала была наукой о чужой культуре, то фольклористика всегда изучала собственную. Для межкультурной коммуникации равным образом важны оба направления, так как у них имеется не только общее в предмете (культуре), теориях, понятиях, методах и исследовательских целях, но также в отрицательном опыте политической инструментализации предмета. Общим является также расширенное понятие культуры, включающее её объективные и субъективные проявления, а также соответствующие материальные, поведенческие, эмоциональные и мыслительные характеристики. Культура содержит разделяемый социальной группой общий запас коллективных форм выражения и габитуса, состава знания, конструкций смысла, убеждений, ориентаций, ценностей и норм, способов восприятия, воспоминаний и ощущений.

Этнологические подходы могут способствовать рациональному расширению исследований межкультурных коммуникаций. Об этом свидетельствуют два важных момента. Исследования межкультурного взаимодействия должны оперировать, во-первых, большим количеством элементов системы культуры, во-вторых, достаточным набором ситуативных факторов контекста. Как приобщение широкой палитры областей культурной системы, так и более тщательный учёт контекстов необходимы для углуб-

ления понимания событий, происходящих во время межкультурного взаимодействия. Об этом мы уже говорили в работе «Межкультурные взаимодействия в экономике: возникновение и трансформация исследований»: «Межкультурные исследования для интерпретации коммуникативного текста используют все существенные измерения и аспекты контекста. Осознанно и последовательно это стало делаться с возникновения контекстуалистской парадигмы. При этом большее значение имеют ситуативные факторы контекста. Учёт контекста необходим для более полного понимания того, что происходит в межкультурном взаимодействии [1, с. 39]».

Межкультурная коммуникация нуждается в собственной модели контекстного анализа, поскольку недостаточный охват «контекста-как-места», по меткому выражению И. Т. Касавина [2, с. 185], не позволяет понять специфику межкультурных контактов по причине отсутствия существенных для межкультурного взаимодействия контекстов. Как правило, модели, описывающие межкультурные взаимодействия, анализируют их в двух контекстах, а именно на микроуровне, то есть в ситуации окружающей индивида, а также на макроуровне, относящемся к социокультурным, историческим, юридическим, экономическим и политическим условиям. Практика показывает, что, несмотря на практическую полезность такой дихотомии, это деление не совсем точно для межкультурных исследований и дисциплины «межкультурная коммуникация».

Было бы рациональнее при анализе межкультурного взаимодействия расположить средний уровень между микро-

уровнем (в большинстве случаев краткое и поверхностное межличностное взаимодействие) и макроуровнем (в большинстве случаев глобальный уровень). Имеет смысл охарактеризовать его как уровень, имеющий решающее значение для осуществления взаимодействия. К контексту среднего уровня относятся, например, международные организации или многонациональные предприятия, мультиэтнические сельские общины или городские сообщества, такие учреждения, как союзы, школы, органы власти, суды или больницы. Все они, с одной стороны, действительно обладают устойчивой институционализацией, с другой стороны, они обозримы для участников.

Для анализа межкультурного взаимодействия имеет смысл обратиться к подходу, предложенному немецким учёным Клаусом Ротом, который исходит из наличия трёх контекстных уровней [6, с. 127] (см. рисунок 1). Хотя межкультурные контакты происходят повсюду, но практика показывает, что имеются некоторые типичные контексты протекания межкультурной коммуникации. Необходимо поближе познакомиться с контек-

стами макроуровня и среднего уровня. Обращение к микроконтекстам, на наш взгляд, не так важно, так как они достаточно хорошо исследованы специалистами по межкультурной коммуникации.

Культурная антропология и этнология осмыслили в последние десятилетия важный для межкультурной коммуникации макроуровень, представленный, например, историческими контекстами колониализма. Существуют социокультурные аспекты экономической, политической и коммуникативно-медиальной глобализации, которая устанавливает не только взрывной рост межкультурных контактов, но и появление необходимых для них общих условий. Подтверждением этого процесса является широкое развитие международного массового туризма.

Макроуровень и средний уровень обуславливают, а также влияют друг на друга и лежащие между ними подвижные границы. Этот факт осознаётся на примере международного туризма, который становится действительно важным феноменом не только на среднем уровне, но также в локальном контексте. Глобальные феномены влияют на межкуль-

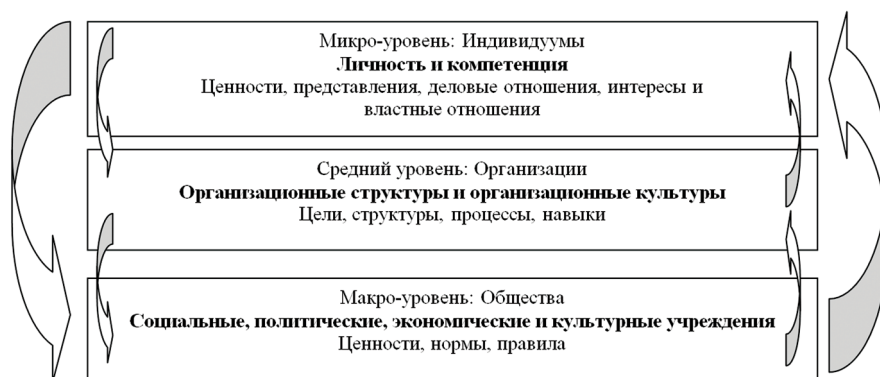

Рисунок 1. Трехуровневая модель: систематика контекстов межкультурной коммуникации

турные взаимодействия на среднем уровне, например – в сферах, охватывающих туризм, местные общины, группы и учреждения. Отношения соседства между народами, прежде всего в рамках общения в пограничных регионах, носят весьма оживлённый характер и отличаются непосредственными взаимодействиями. В похожей форме выстраиваются отношения между этническими и религиозными группами на локальном уровне общин, деревень, районов, этнических соседств и жилых домов, учреждений, детских садов, школ, органов власти или больниц. Такие локальные связи характерны, например, для деревень Юго-Восточной Европы, крупных мультиэтнических городов США и характеризуются специфической политикой сосуществования, особенными стратегиями внутриэтнического и межкультурного взаимодействия, если проживающие в них культурные группы стремятся к свободному от конфликтов сосуществованию. К данной политике относятся не только правила политической жизни, разделения власти, нормы поведения, манеры и символы, определённые установки, но и знания об отличиях других культурных групп, стереотипов о них, а также опыт общения с этими коллективами. Об этом замечательно рассуждает О. Н. Леонтович, рассматривая парадоксы межкультурного общения русских и американцев [3].

Важным контекстом внутриэтнических отношений выступает диаспора, как традиционная, иногда религиозно сформированная группа, так и современная диаспора, к которой относятся живущие за границей определённое время экспаты – бизнесмены, сотрудники гуманитарных миссий, дипломаты, служащие, офицеры

или обучающиеся по обмену студенты. Люди из одной страны происхождения часто образуют общины с собственными структурами, учреждениями, иногда даже со своим жилым районом.

Если подвести итог, то можно отметить, что понимание культуры как процесса характерно для её современного определения, в котором отдаётся должное сложности межкультурных процессов. Исследования межкультурных взаимодействий должны работать с обоими понятиями: с тем, которое вычленяет структуру культуры, и с тем, которое подчёркивает её процессуальный характер. Три уровня исследований межкультурной коммуникации можно соотнести с определёнными научными дисциплинами. Психология, этнология и лингвистика рассматривают прежде всего микроуровень индивидуумов и их взаимодействия, социология и наука об организации производства – средний уровень групп и организаций, а экономика и страноведение – макроуровень обществ.

Исследования межкультурной коммуникации, как правило, анализируют межкультурные взаимодействия в двух контекстах. Исследования ведутся на *микроуровне* событий, непосредственно окружающем акторов, а также на *макроуровне*, присущем общим социокультурным, историческим, юридическим, экономическим и политическим условиям. Несмотря на практическую полезность такой дихотомии, практика межкультурных исследований, однако, показывает, что такое деление не охватывает все уровни контекста. Предлагается для более точного анализа межкультурной коммуникации разместить между микроуровнем (в большинстве случаев состоя-

щем из текущих межличностных взаимодействий) и макроуровнем (в большинстве случаев представленном социальными, политическими, экономическими и культурными учреждениями глобального уровня) средний уровень. Именно он имеет решающее значение для оформления взаимодействия. В контексте среднего уровня межкультурная коммуника-

ция происходит в международном контексте (организации и предприятия) или мультикультурном контексте (предприятия, мультиэтнические сельские общины или городские сообщества, учреждения, школы, органы власти, суды или больницы). Все эти учреждения и группы обзоримы для участников и обладают устойчивой структурой.

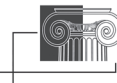
Примечания

1. Безуголова Н. П. Межкультурные взаимодействия в экономике: возникновение и трансформация исследований : монография. Москва : МГУКИ, 2012.
2. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. Москва : Канон, 2008. 437 с.
3. Леонтович О. Н. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : монография. Москва : Гнозис, 2005. 352 с.
4. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация = Interkulturelle Kommunikation: теория и тренинг. Москва : Юнити-Дана, 2006. 223 с.
5. Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы международной научной конференции, состоявшейся 3 апреля 2001 г. Москва : Весь мир, 2009. 160 с.
6. Roth Klaus. Kulturwissenschaften und interkulturelle Kommunikation: der Beitrag der Volkskunde zur Untersuchung interkultureller Interaktionen. *Konzepte der interkulturellen Kommunikation*. St. Ingbert, 2004. Pp. 115–143.

References

1. Bezuglova N. P. *Mezhkul'turnyye vzaimodeystviya v ekonomike: vzniknoveniye i transformatsiya issledovaniy* [Intercultural interactions in the economy: the emergence and transformation of research]. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2012.
2. Kasavin I. T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu iazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to a social epistemology of language]. Moscow, Publishing House "Kanon", 2008. 437 p.
3. Leontovich O. N. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya* [Russians and Americans: paradoxes of cross-cultural communication]. Moscow, Gnosis Publishing House, 2005. 352 p.
4. Rot Yu., Kopteltseva G. *Interkulturelle Kommunikation: theory and training*. Moscow, Unity-Dana Publishing House, 2006. 223 p. (In Russian)
5. *Etnologiya – antropologiya – kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodeystviya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia 3 apreliya 2001 g.* [Ethnology – anthropology – cultural science: new watersheds and prospects of interaction. Materials of the international scientific conference which has taken place on April 3, 2001]. Moscow, Ves Mir Publishers, 2009. 160 p.
6. Roth Klaus. Kulturwissenschaften und interkulturelle Kommunikation: der Beitrag der Volkskunde zur Untersuchung interkultureller Interaktionen. *Konzepte der interkulturellen Kommunikation*. St. Ingbert, 2004. Pp. 115–143.

*

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМЕДИА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТОВ

УДК 008:004.032.6

И. В. Малыгина, Л. В. Афанасьева

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена феномену мультимедийного поворота в современной культуре и выявлению существенных характеристик мультимедиа. Особое внимание в статье уделено коммуникативному потенциалу мультимедиа, который реализуется в пространстве выставочных проектов и проявляется в расширении возможностей вовлечения аудитории в реальное или виртуальное участие в выставочных проектах; в возможностях формирования специфических языков коммуникации и инклюзивной культурной среды; способствует более эффективной реализации просветительских и образовательных функций художественной коммуникации. Авторы демонстрируют актуальные примеры кураторских выставочных проектов с использованием мультимедийных технологий, приводят альтернативные точки зрения на данные явления.

Ключевые слова: мультимедиа, мультимедийный поворот, коммуникативный потенциал, выставка, музей, цифровые технологии, кураторский проект.

I. V. Malygina, L. V. Afanasyeva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

COMMUNICATIVE POTENTIAL OF MULTIMEDIA AND ITS IMPLEMENTATION IN THE SPACE OF MODERN EXHIBITION PROJECTS

The article is devoted to the phenomenon of “multimedia turn” in modern culture and revealing the essential characteristics of multimedia. Particular attention is paid to the communicative

МАЛЫГИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

MALYGINA IRINA VIKTOROVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

АФАНАСЬЕВА ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА – магистрант кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

AFANASYEVA LYUBOV VIKTOROVNA – graduate student of the Department of Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: lubana.06@mail.ru

© Малыгина И. В., Афанасьева Л. В., 2017

potential of multimedia, which is realized in the space of exhibition projects and is manifested in the expansion of opportunities for involving the audience in real or virtual participation in exhibition projects; in the possibilities for the formation of specific languages of communication and an inclusive cultural environment; promotes more effective implementation of the educational and educational functions of artistic communication. The authors demonstrates actual examples of curatorial exhibition projects using multimedia technologies, leads alternative views on these phenomena.

Keywords: multimedia, multimedia turn, communicative approach, exhibition, the museum, digital technologies, curatorial project.

Для цитирования: Малыгина И. В., Афанасьева Л. В. Коммуникативный потенциал мультимедиа и его реализация в пространстве современных выставочных проектов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 93–101.

Мы живем в эпоху цифровой революции. Очевидно, что общество переходит из индустриальной цивилизации в эру компьютерных технологий, которые к сегодняшнему дню укоренились во всех сферах социальной активности людей – от профессиональных видов деятельности до пространства повседневности, от социальных и культурных коммуникаций до межличностного общения. Всё более привычными становятся такие понятия, как интерактивность и мультимедиа.

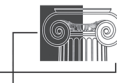
Мультимедиа играет значительную роль в формировании культуры современного постиндустриального информационного общества. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью современной культуры, расширяя возможности медиапространства; мультимедийные проекты стали характерными для современного искусства и медиакультуры.

В связи с этим представляется закономерным рост исследовательского внимания к феномену мультимедиа. Важно отметить при этом, что данный интерес не исчерпывается вниманием к общетеоретическим проблемам, касающимся вопросов информатизации общества в целом. В фокусе научного внимания оказались и

технологические, и социально-функциональные, и коммуникативные, и гуманитарные аспекты мультимедиа, связанные с выявлением эвристического потенциала мультимедийных технологий в развитии современной культуры и культурного пространства.

При этом усиление внимания исследователей к феномену мультимедиа не столько свидетельствует о всесторонней разработанности проблемы, сколько указывает на её «открытый характер».

Множественность и альтернативность предлагаемых определений самого феномена мультимедиа ставит под сомнение возможность появления непротиворечивого научного понятия с чёткими смысловыми границами. Это обстоятельство позволяет некоторым современным исследователям идентифицировать существующие концепции мультимедиа как мифы. А. А. Деникин, сделавший подобный вывод, аргументирует его так: «Чем больше появляется книг и исследований, посвященных мультимедиа, тем более загадочным, многообещающим, но при этом расплывчатым и противоречивым становится его содержание. Это приводит к курьёзам, подменам и умножению

мифов, появлению сомнительных гипотез, часто противоречащих друг другу и даже взаимоисключающих [2]».

Сам же автор данной точки зрения трактует мультимедиа как средство «предоставления информации с помощью объединения множества воспринимаемых человеком сред (аудиальное, визуальное и кинестетическое воздействие), управляемых интерактивным программным обеспечением [2]».

Выделяя основные признаки мультимедийных ресурсов, российский исследователь О. В. Шлыкова акцентирует внимание на следующих параметрах: «Мультимедийные ресурсы отличаются от “немультимедийных” прежде всего тем, что:

1) данные (информация) хранятся и обрабатываются в цифровой форме с применением компьютера;

2) они могут содержать различные виды информации (не только текстовую, но и звуковую, графическую, анимационную, видео и т.д.);

3) их существенной особенностью является интерактивность – активное взаимодействие ресурса, программы, услуги и человека, их взаимовлияние. Пользователь может взять тот или иной интернет-продукт, например, и тут же добавить в него свои материалы, тем самым, выступая его соавтором, сотворцом [7, с. 10]».

Именно качество интерактивности, на наш взгляд, способствовало тому, что в последнее время многие музеи и выставочные центры всё чаще обращаются в своей деятельности к формату мультимедиа. Так, в Москве за несколько лет прошло немало подобных выставок. Мультимедийный подход к организации художественных выставок в его наибо-

лее радикальном виде демонстрируют Центр дизайна “Artplay” и Креативное пространство «Люмьер-холл». В частности, широкий резонанс получил проект «Ожившие полотна», в рамках которого творения художников проецируются на экраны, расположенные на стенах, колоннах, полу, и «оживают» прямо на глазах. Благодаря анимационным эффектам, размеру и специальному расположению экранов, зрители словно оказываются внутри картин. 3 000 динамических изображений, связанных с жизнью и творчеством художника, предстали перед зрителями в сопровождении произведений классической музыки [5].

В рамках данного проекта прошли мультимедийные выставки таких художников, как Винсент Ван Гог, Иероним Босх, Микеланджело Буонарроти, Фрида Кало, Сальвадор Дали, Густав Климт, Иван Константинович Айвазовский.

Также большой резонанс имели проекты под названием «Французские импрессионисты. От Моне до Сезанна» и «Великие модернисты».

Эти проекты способствовали тому, что человек, оказавшись вписанным в живописные полотна, стал полноправным субъектом художественной коммуникации.

Мультимедийные технологии создают условия для активного взаимодействия ресурса и человека посредством использования технологических средств, и не только привычных уже мультимедийных проекторов, но, например, мультитач столов. Интерактивный сенсорный стол – оборудование, которое является полноценным мультимедийным центром с сенсорным экраном. Дисплей может выдерживать большое количество каса-

ний одновременно. Имея разрешение экрана в формате FullHD, UltraHD и 4K, такое оборудование позволяет на высоком уровне вовлекать людей в интерактивный процесс. Многие музеи и выставочные площадки используют мультитач столы для подключения зрителей к процессу совместного творчества в пространстве музея. Такое вовлечение посетителей и превращение их из пассивных зрителей в творцов и участников процесса свидетельствуют об усилении коммуникативной доминанты в организации современного выставочного пространства.

С приходом цифровых технологий на смену обычным выставочным витринам и традиционному размещению полотен на стенах выставочного пространства пришли мультимедийные системы, на которых отражаются картины художников. Такая демонстрация произведений не только расширяет возможности видеть все детали работ великих художников, но и усиливает эффект соприсутствия зрителя в действе полотна. Подобный эффект невольно отсылает нас к истокам этого явления, которые некоторые исследователи обнаруживают в искусстве Ренессанса.

Как известно, важной новацией ренессансного искусства считают возможность соучастия зрителя в событиях художественного произведения: литературного, живописного. Художники этой эпохи осуществили переход от плоскостных изображений к объёмным, что, в свою очередь, привело к нарастанию реалистичности и созданию в живописи эффекта пластического рельефа и объёма фигур. Посредством данных художественных методов человек оказывался

включённым в художественную коммуникацию, органично вписанным в «посыл (живописец) – ответ (зритель)». Подобная манера письма сделала зрителя равноправным участником художественного процесса. Это было принципиально новое явление в истории искусства. (Вспомним, например, что иконопись создавала произведения, где человек не являлся равноправным участником коммуникации, а оставался в подчинённом положении.) Ренессанс, как известно, ознаменовался провозглашением гуманизма и антропоцентризма как важнейших мировоззренческих, культурных и социальных принципов, которые со всей очевидностью проявились и в художественной культуре, и в системе коммуникаций эпохи.

Философия гуманизма породила большую часть современной культуры, и до сего момента художники ищут отклик у своей аудитории.

Это позволяет некоторым исследователям рассматривать мультимедиа как эволюционный виток художественной культуры, сложившейся в предшествующие исторические эпохи, и сделать вывод, согласно которому «современное мультимедиа-произведение по своим изначальным общеэстетическим установкам близко к традиционным видам искусства [1, с. 324]».

Так, например, Е. Г. Яременко аргументирует точку зрения, согласно которой «мультимедиа – это современный вид синкретичного сверхтехнологического экранного искусства [1]».

Однако нам представляется более обоснованной позиция тех исследователей, согласно которой «мультимедийные творческие практики порывают с классической эстетикой. Несоответствующими

реальным практикам мультимедийных работ дизайнеров и художников оказываются и некоторые традиционные выразительные средства экранных искусств (прежде всего кино и телевидения), среди которых – авторское повествование, художественный образ, кадр, ракурс, мизансцена, нарративный монтаж и пр. Им на смену приходят противоположные: экспериментальное пространство, симуляция (моделирование), база данных, перформативность, интерфейс, интерактивность, синестезия и пр. [2]».

Мультимедиа сделали диалог со зрителем ярче, четче, внятнее. Более того, новые технологии позволили включить в восприятие живописных полотен другие органы чувств, создавая условия для повышения интерактивности в ходе выставок. Во многом это обусловлено тем, что «специфика мультимедиа как нового средства коммуникации определяется интерактивностью [6]».

Например, на выставках «Ожившие полотна» добавился объёмный звук. Тщательно подобранное звуковое окружение способствовало усилению концентрации восприятия творчества художников. Такие методы, типичные для мультимедиа, безусловно, повышают качество художественной коммуникации.

Коммуникативный потенциал мультимедиа проявляется и в процессе формирования инклюзивной культурной среды современных выставочных проектов через создание соответствующего языка коммуникации.

Успешным примером подобного рода стала выставка для людей с ограниченными возможностями здоровья по зрению «Видеть невидимое». Кураторский проект О. Морозовой, заведующей Цен-

тром эстетического воспитания детей и юношества «Мусейон» ГМИИ имени А. С. Пушкина, был реализован в экспозиции, представленной шестью шедеврами мировой живописи: «Благовещение» (1495–1498) Сандро Боттичелли, «Мадонна с Младенцем» (около 1520) Лукаса Кранаха Старшего, «Натюрморт с атрибутами искусств» (около 1724–1728) Жана-Батиста Симеона Шардена, «Нападение ягуара на лошадь» (1910) Анри Руссо, «А, ты ревнуешь?» (1892) Поля Гогена, «Старый еврей с мальчиком» (1903) Пабло Пикассо.

Особенность данной экспозиции заключалась именно в создании специфического языка коммуникации: полотна были воссозданы при помощи рельефной печати. Особое внимание авторы уделили текстуре изображений и тем деталям картины, которые являлись ключевыми в понимании сюжета людьми с ограниченными возможностями по зрению.

Тактильное восприятие живописных произведений было дополнено звуковым сопровождением с помощью аудиогuida: каждый экспонат был подробно описан голосом народного артиста России – Евгения Миронова.

Очевидно, что с помощью мультимедиа была не только расширена зона распространения живописи на новую, ранее не охваченную аудиторию с ограниченными возможностями здоровья, но и остальные зрители получили удивительную возможность недоступного прежде тактильного контакта с мировыми шедеврами.

Ведущие музеи и выставочные центры, в том числе московские, широко внедряют возможности мультимедиа для привлечения внимания к выставочным

проектам, для более полной реализации их просветительских и образовательных функций.

Так, Государственная Третьяковская галерея в преддверие открытия каждой новой выставки снимает видеоролик, который получает широкое распространение в сети Интернет, «приглашая» к посещению выставок или к участию в виртуальных экскурсиях по экспозиционному пространству. Виртуальные экскурсии, в которых можно принять участие как во время онлайн-трансляции, так и в записи на сайте Третьяковки, получили широкий резонанс российской аудитории, стимулировали создание тематических форумов и виртуальных дискуссионных площадок.

Широко используются кураторами выставочных проектов возможности аудиогидов, причём не только как информационного ресурса, но как технологии, способной воссоздать контекст эпохи, в которую погружается посетитель выставки. Ярким примером реализации потенциала мультимедийного подхода в формировании художественной коммуникации стала выставка, посвящённая творчеству Зинаиды Серебряковой (с 5 апреля 2017 года по 30 июля 2017 года).

В реализации этого проекта были задействованы российские актёры Алика Смехова и Вениамин Смехов. С помощью аудиозаписи, которая транслировалась через аудиогид, зритель воспринимал сюжеты полотен, посредством драматургического метода погружался в культурный контекст эпохи. Описание картин сменяли стихи Марины Цветаевой, цитаты из воспоминаний самой Зинаиды Серебряковой и её близких, критиков и других выдающихся персон.

При этом один из кураторов проекта – Ирина Кочергина – писала в социальных сетях об эпохе и жизни главной героини выставки – Зинаиды Серебряковой.

При создании виртуального проекта в ГМИИ имени А. С. Пушкина «Импрессионисты Пушкинского» (с 19 апреля 2017 года и по настоящее время) был создан аудиогид, записанный известными медийными личностями страны.

Важная задача художественной коммуникации – получить эмоциональный отклик аудитории. В связи с этим следует отметить идею сотрудников музея «ГУЛАГ», создавших интерактивную книгу, в которой собраны судьбы жертв этого страшного места. Новые технологии позволяют объединять на одной странице видеointerview бывших узников, их родственников и сухие строки биографии, размещённые обычным типографским способом. Канцелярские строчки на фоне тяжёлых воспоминаний пожилых людей, видеоряд, заполненный скорбными сценами, лишёнными всякого пафоса, вызывает глубокие эмоциональные переживания. Такая форма находит живейший отклик у зрителя, вызывает чувство глубокого сострадания к событиям, которые получили освещение в рамках данного проекта.

Различный опыт использования мультимедиа в организации выставочной деятельности демонстрирует его значительный коммуникативный потенциал, который проявляется в дополнительных возможностях вовлечения аудитории в реальное или виртуальное участие в выставочных проектах, в возможности формирования специфических языков коммуникации, способствуя тем самым формированию инклюзивной куль-

турной среды, более эффективной реализации просветительских и образовательных функций художественной коммуникации.

Однако будет неверно не сказать о сложностях, которые возникают у выставочных проектов с использованием новейших технологий.

Мультимедийные выставки нередко подвергаются критике со стороны не менее авторитетных представителей современной художественной культуры, в том числе кураторов выставочных проектов. Так, М. Насимова, главный куратор Еврейского музея и центра толерантности, в частности, отмечает: «Я считаю, что мультимедийные выставки – это фикция и бесполезная трата денег и времени. За одним большим исключением – это выставки, где показывается история, а не искусство. Есть такая штука, как артефакт. Если у организаторов нет достаточного количества артефактов, то мультимедиа очень помогают, но никак не заменяют сам контекст. Мультимедийные выставки рентабельнее, потому что один и тот же контент можно показывать много раз. Для выставки “живого” искусства нужно заново строить стенки, нужны ящики, нужна страховка и множество других элементов. В случае с мультимедиа главное – найти проектор [4]».

Близка к данной точке зрения позиция А. Паршикова, куратора, арт-критика, руководителя научно-методического отдела МВО «Манеж», который, оценивая возможности мультимедиа, достаточно категоричен: «К музейной экспозиции это не имеет никакого отношения. Возможно, эти проекты хороши, чтобы хоть как-то привлечь аудиторию, которой вообще не интересна культура,

а нравится аттракцион (например, дети). Но как эти “мультимедийные выставки-шоу” помогут этой аудитории начать интересоваться искусством? Но пойдут ли они после этого в музей? Осознают ли необходимость опыта контакта с оригинальными произведениями? Я очень сомневаюсь, ведь это куда сложнее и не так развлекательно [4]».

Дополнительную аргументацию критического толка предлагает художница, менеджер направления «Полевые исследования» музея «Гараж», куратор подростковой программы СКВТ Политехнического музея О. Широкоступ: «Технологии должны не только создавать wow-эффект, но и доносить информацию в более интересном виде. Здесь всё наоборот: контент нужен только для того, чтобы проиллюстрировать впечатляющую технологию. Получается, что не важно, работы какого художника показывать (главное – знакомого, лучше известного и любимого). Срабатывает эффект узнавания, и одного этого достаточно: ничего нового, спорного или неожиданного человек не получает – он в полной безопасности, потребляет красивые картинки, музыку, информацию в “дружелюбном виде” [4]».

Но, тем не менее, мультимедийные и цифровые технологии дают возможность музеям расширить собственное информационное пространство, завоевать интерес к художественным проектам. Инновационные технологии как неотъемлемый компонент техносферы стремительно сближаются и взаимодействуют со сферой культуры, становясь фундаментом для современных видов искусства. Это находит подтверждение в такой особенности современной куль-

туры, как размывание традиционных границ между художественным и нехудожественным восприятием мира. Использование мультимедийных и цифровых технологий приводит к сближению и взаимному «прорастанию» виртуального мира и мира реального. Как подчёрки-

вает Н. В. Корытникова: «Коммуникационная система реальной виртуальности – это система, в которой сама реальность полностью охвачена и погружена в виртуальные образы и мир, когда они сами становятся опытом и трансляторами информации [3]».

Примечания

1. Буров А. М., Яременко Е. Г., Соколов С. М., Лукиных Н. В., Орлов А. М., Монетов В. М. Язык мультимедиа. Эволюция экрана и аудиовизуального мышления : отчет о научно-исследовательской работе. [Электронный ресурс]. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2012/08_11_2012_4.pdf
2. Деникин А. Мультимедиа и искусство: от мифов к реалиям // Художественная культура : Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2014. № 3 (12). URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2014-3/yazyki/843.html>
3. Корытникова Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 85–93.
4. Куратор уровня «Босх»: почему в России так популярны мультимедийные выставки [Электронный ресурс] // Афиша Daily : [веб-сайт]. Электрон. дан. 21 марта 2016 года. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/930-dizajner-urovnya-bosh-pochemu-v-rossii-tak-populyarny-multimedijnye-vystavki/>
5. На Конюшенной площади открылась мультимедийная выставка полотен Ван Гога [Электронный ресурс] // SPB.AIF.RU : [веб-сайт]. Электрон. дан. 28.05.2014. URL: <http://www.spb.aif.ru/culture/event/1178247>
6. Основы режиссуры мультимедиа-программ : учебное пособие для вузов, обучающихся по специальности 053600 «Режиссура мультимедиа-программ» / [Н. И. Дворко [и др.]; под общ. ред. Н. И. Дворко], 2005. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2005. 300 с.
7. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа : учебное пособие для студентов / МГУКИ. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 415 с.

References

1. Burov A. M., Yaremenko E. G., Sokolov S. M., Lukinykh N. V., Orlov A. M., Monetov V. M. *Yazyk mul'timedia. Evoliutsiia ekrana i audiovizual'nogo mysleniia: otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote* [Multimedia language. Evolution of the screen and audiovisual thinking. Report on research work]. Available at: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2012/08_11_2012_4.pdf
2. Denikin A. Mul'timedia i iskusstvo: ot mifov k realiiam [Multimedia and art: from myths to realities]. *Art & Culture Studies*. 2014, no. 3 (12). Available at: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2014-3/yazyki/843.html>
3. Korytnikova N. V. Internet kak sredstvo proizvodstva setevykh kommunikatsii v usloviakh virtualizatsii obshchestva [The Internet as means of production of network communications in the conditions of virtualization of society]. *Sociological Studies*. 2007, no. 7, pp. 85–93.
4. Kurator urovnia "Boskh": pochemu v Rossii tak populiarny mul'timediinye vystavki [Curator of the Bosch level: why multimedia exhibitions are so popular in Russia]. Available at: <https://daily.afisha.ru/brain/930-dizajner-urovnya-bosh-pochemu-v-rossii-tak-populyarny-multimedijnye-vystavki/>

5. *Na Konyushennoi ploschbadi otkrylas' mul' timediinaia vystavka poloten Van Goga* [At Konyushennaya Square the multimedia exhibition of cloths of Van Gogh has opened]. Available at: <http://www.spb.aif.ru/culture/event/1178247>

6. Dvorko N. I., etc. *Osnovy rezhissury mul' timedia-programm* [Bases of direction of multimedia programs]. St. Petersburg, Publishing house of Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2005. 300 p.

7. Shlykova O. V. *Kul'tura mul' timedia* [Culture of multimedia]. Moscow, Publishing house "Fair-Press", 2004. 415 p.

*

ЖЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ ОНТОЛОГИЙ ПЕВЧЕСКОГО ЗВУКА

УДК 13.07.25+18.01

Т. Ю. Гордеева

Казанский государственный институт культуры

В современной культуре существует два разных понимания звука: восточное и западноевропейское. Европейский вариант представляет собой философию певческого звука, которая исходит из понимания границы своего тела («Я-Ты»), соотношения её с беспредельным окружающим пространством. Певческий звук ориентируется на движение от телесного источника в окружающий мир, а его познание сосредотачивается на отношении телесного источника и окружающей его реальности. Восточная философия певческого звука зиждется на ощущении «вписанности» в окружающий многоликий мир («Я-Я»). Пространство певческого звука концентрирует движение внутри себя самого, в бесконечно раскрывающихся звуковых подпространствах возникающих обертонов. Соответственно, в методологическом подходе к изучению певческого звука можно констатировать два больших направления. Одно – это постижение звука через бесконечное вслушивание и распознавание его значений в ходе слухового восприятия в результате сосредоточенности на информативности тембра, на его бесконечном раскрытии. Отношение к звуку характеризуется высокой долей конкретности чувственного восприятия акустической обертоновой формы существования певческого звука в материальном бытии. Второе направление, большей частью характеризующее западноевропейское проблемное поле исследований по музыкальному звуку, – это некое абстрагирование от изучения ауры певческого звука и сосредоточенность на его смысловых взаимосвязях, отношениях, комбинациях отдельных звуков, то есть на их совместном бытии. Таким образом, отношение к звуку как самоцели (Восток) и отношение к звуку как средству (Запад) порождают разные онтологии звука, и подходить к изучению мировых певческих культур необходимо, учитывая это важное обстоятельство.

Ключевые слова: философия певческого звука, певческая культура, обертоны, певческий звук, звон, звучание, «гармония сфер», вселенский звук «Нада», «невыразимое», художественное творение.

T. Yu. GordeevaKazan State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Orenburgskiy tract, 3, 420059, Kazan, Russian Federation

SELECTED ASPECTS OF WEST-EUROPEAN AND ORIENTAL ONTOLOGIES OF SINGING SOUND

There are two distinct views on sound in the modern culture: Oriental and West-European. European variant consists in the philosophy of singing sound, which is derived from the understand-

ГОРДЕЕВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры музыкального образования, педагогики и музыковедения Казанского государственного института культуры
GORDEEVA TATYANA YURYEVNA – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Music Education, Pedagogy and Musicology, Kazan State Institute of Culture

e-mail: Gordeeva-muz@rambler.ru
© Гордеева Т. Ю., 2017

ing of the boundary of your body ('I-You' ratio) and its reference to the boundless outer space. The singing sound is oriented on movement from the corporal source into the out world, whilst its cognition is based on the relation between corporal source and the surrounding reality. The Oriental philosophy of singing sound rests upon the sense of 'being written' into the outer multi-faced world ('I-I' ratio). The space of singing sound concentrates on the inner movement in an individual and in the endlessly revealing sound subspaces of appearing overtones. Thus, it can be stated that within the methodological approach to learning singing sound there are two major branches. The former is about the process of understanding coming through endless attentive listening and recognition of its meanings during the audition as a result of having been concentrated on the informative nature of timber and its endless revelation. What interesting in the study of singing sound is the timber aura and concealed energy of the sound. The latter direction of sound studies – mainly characterizing the West-European ambiguous field of study on music sound – is certain abstraction from studies of singing sound aura and its concentration on its semantic inter-relations, relations, combinations of certain sounds, namely: their co-existence. Therefore the attitude to sound as an aim in itself (East) and as to a tool (West) gives rise to distinct ontologies of sound, which fact should be taken into account when coming up to study world singing cultures.

Keywords: philosophy of singing sound, singing culture, overtones, singing sound, ring, phonation, "harmony of spheres", universal sound "Nada", "inexpressible", artistic creation.

Для цитирования: Гордеева Т. Ю. Некоторые аспекты западноевропейской и восточной онтологий певческого звука // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 102–113.

Западноевропейская философия в своих пространственных представлениях исходит из осознания человеком границы своего тела, отграничения себя, соотношения её с беспредельным окружающим пространством («Я – Ты»). Г. Д. Гачев пишет о том, что категории души и тела, духа и материи – это западноевропейский аппарат философии, исходящей из представления о «рассечении мира и каждого существа надвое», а Китай, отчасти Индия и многие народы Африки не имеют таких категорий и таких представлений. Ссылаясь на работы Б. Уорфа о языке индейцев хопи, он делает вывод о тех народах, которые не делят мир на субъект-объект (на человечество как субъект, а окружающий мир как объект), что свойственно принципам европейской логики. В результате они познают в мире принципиально «иное», «что и не снилось нашим мудрецам [4, с. 188]». Е. Левинас

замечал, что «чистая духовность идеалистического субъекта и чистая материальность природы – это созданные человеком абстракции, противостоящие друг другу [7]». Г. П. Меньчиков делает вывод о том, что родовое понятие «бытие» неопровержимо объединяет материальное, как «телесный способ существования бытия», и духовное, как «информационно-экзистенциальный способ существования бытия» [8, с. 126].

Человек древности был другим, он понимал-принимал одно через другое, духовное через телесное. На основе анализа исторической реконструкции человека древности Р. Штайнер писал, что человек «смотрел на своё "Я" не как сотворенное снизу, средствами физических и эфирных субстанций, а как на дарованное милостью свыше ... И, скорее, как повозку жизни, в которой он был вынужден передвигаться в физи-

ческом мире, – так представлял он себе свою физически-эфирную природу [14, с. 45]». Размышления Е. Левинаса также говорят о том, что в древних культурах «по-видимому, в конкретном восприятии между “Я” и “не-Я” сначала возникает отношение не противопоставления или коренного различия, а выражения; выражения одного в другом ... Между мыслящим “Я” и внешним миром материи возникает осмысленность выражения, означаемое значимости, отличное от интериоризации знания и господства Того же над Другим [6]». Таким образом, отношения выраженности «Я» через «не-Я» и, наоборот, «не-Я» через «Я» формируют восточное представление о многомерном окружающем пространстве (полипространстве), находящемся не только вокруг многочисленных «Я», включая и их самих, но и заключающем, в свою очередь, всю необъятность «не-Я» в каждом из этих «Я», многократно отождествляясь.

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу западноевропейской и восточной онтологий певческого звука. Полагаем, что основным аспектом различий является пространственные представления о звучании. Мировпространственные представления той или иной культуры напрямую отражаются в звуке. Выявить причины их различий возможно, если предложить в качестве критерия феномен, связанный с бытийными основаниями человеческого звукопроизводства. Полагаем, что таким феноменом может явиться певческий звук.

Акцент в западноевропейском миропонимании на отношениях «Я» и «не-Я» формирует и отношение к окружающему

пространству как некоей противостоящей человеку, единой, окружающей его монобеспредельности, имеющей необъятные размеры, ограниченные линией горизонта.

Т. В. Чередниченко отражает суть пространственного представления в западноевропейской культуре, при котором «нацеленность пения – горизонт. Скругленная форма оперного или филармонического зала ... вторит конфигурации храмового пространства ... В свою очередь, храмовое пространство символизировало сферический предел мира, стянутый к сакральному центру. Поющий устанавливает себя в качестве центра мира и заполняет мир собой, своим переживаемым временем [13, с. 24]».

В субъектно-объектном подходе западноевропейской культуры звукопорождающий «Я» противопоставляет себя необъятному пространству Космоса, то есть «Другому», и ориентируется на его максимальное постижение заполнением этого «Другого» собой, располагаясь в нём, оставляя след.

Певческий звук ориентирован, направлен на движение в беспредельном окружающем пространстве вовне от тела поющего с определённой целью – захватить как можно большую площадь пространства, распространиться, улететь, чтобы дальше обозначить границы звукопространства, присвоенного (отслеженного) звуком. Т. В. Чередниченко образно описывала стремление звука, рождённого в узкой тесноте тела, вырваться на широкий простор. Вероятно, в этом стремлении заложено невольное желание человека соразмерить «деку», которой звук обязан своим появлением на свет, с необъятной «декой» самого Мира.

Восточная философия певческого звука исходит из ощущения «вписанности» человека в окружающий многоликий мир (ситуация «Я-Я»). Сосредоточенность певца на движении множества обертоновых подпространств внутри звукопространства «основного» тона и на акцентуации «опорных точек» нацелена в то же время и на широкий охват космического звучания, на со-движение со звучащей космической аурой, на ощущения «одного в другом».

Видимо, представители восточных цивилизаций воспринимали окружающее пространство многомерной, бесконечно движущейся сферой, постоянно пополняющейся звукопространствами тонов и обертонов. Звучащая Вселенная предстаёт неким полипространством звучаний.

Напротив, европейцы более склонны к пониманию окружающей реальности как вечной бескрайней недвижимой бездны. Так, в картине мира Ньютона Вселенная предстаёт как некое пустое пространство.

Г. Орлов судил о различиях в хронотопических представлениях западно-европейской и восточной музыкальных культур по отсутствию у европейцев психологического ощущения текущего времени-пространства [10, с. 111]. Вероятно, можно сказать, что Вселенная представляется европейцам как необъятное «статичное» монопространство с человеком как центральным субъектом, постигающим этот объект. «Главная отличительная черта европейского музыкального искусства, – писал Дж. К. Михайлов, – моноцентричность, наличие эпицентра, чаще всего в чисто архитектурном смысле, а иногда подкреплённого момен-

том высшего эмоционального напряжения (кульминация) [9, с. 17]». Для представителей же Востока порядок миров во Вселенной бесконечен, все процессы и явления одинаково ценны. По данным эксперимента учёных Мичиганского университета (Энн-Арбор, США), у европейцев (а также американцев) и китайцев даже взгляд на окружающее пространство сильно различается в буквальном смысле. Европейцы фокусируют взгляд на центральном объекте любого пространства, не замечая фона. А азиаты, напротив, ухватывают картину масштабно, придавая большое значение подробностям фона.

Два самых разительных подхода к певческому звуку выделились в результате существования двух мировых звуковых концепций – это античная древнегреческая концепция «гармонии сфер» (Платон) и концепция вселенского звука «Нада» (Индия). Уже в самом обозначении данных теорий можно понять, что «гармония сфер» предполагает некое согласие, взаимодействие между разными объектами звукопроизводства, в данном случае – между планетами, рождающими звучание при их движении по орбите. Данная концепция сосредотачивает внимание, формирует интенциональную настроенность сознания на отношения между звучаниями планет и, соответственно, сосредотачивает акценты, как следствие, на культивировании звуков, которые должны взаимодействовать друг с другом на основе консонанса. На первый план выводится, если обращаться к певческому звуку, отношение между звуком, произведённым человеком, и звуком, рождаемым в природе, а далее – и между звуками культурного звукопро-

странства. Соответственно, звук неким образом оказывается изъятым из звуковой непрерывности, какую представляет собой постоянное звучание сфер, он подвергается, как отмечает Е. В. Васильченко, насильственному «усечению» сознанием [3]. Это происходит в целях направленности мышления на возможности и средства согласования звуков между собой и выстраивание из таких звуков некоей непрерывной последовательности, стремящейся этой непрерывностью как бы восполнить дискретность отдельных звуков и тем самым обрести качество бесконечного, утраченного в результате изъятия. Но сам акт изъятия уже произведён, и звуки обрели свои границы. Уверенность Пифагора в том, что можно услышать гармонию сфер (подтверждением действительности такого звучания уже в настоящее время стали сравнительные данные звуковых частот, образуемых от движения планет, полученные при помощи космической техники, которые в целом гармонически сочетаются), побудило учёного искать подобные гармоничные сочетания между звуками в звучании отдельных участков струны. Оказалось, что целочисленные деления струны рождают гармоничные сочетания интервалов: октавы, квинты и кварты. Таким образом, обнаруженное Пифагором прямое соответствие между числом и гармоничным звучанием струн определило рационалистический подход к организации музыкальных звуков в западноевропейской музыкальной культуре на все последующие тысячелетия.

Размышления Ф. В. Шеллинга относительно звукового феномена содержат важное различие двух подходов к пониманию звучания, а именно – как

к «звуку» и как к «звону», в чём, собственно, скрывается своеобразный корень различий между отношением к звуку Востока и Запада. «Звучание есть родовое понятие. Звук есть звучание, которое прерывается; звон есть звучание, которое воспринимается как непрерывность, как непрестанное течение звучания. Но высшее различие между обоими состоит в том, что простое звучание, или звук, не позволяет отчётливо распознать единство в многообразии; и этого как раз достигает звон, который есть звучание, соединенное целокупностью. Именно мы слышим в звоне не один только простой тон, но целое множество тонов, как бы окутанных им и в него внедренных, и притом так, что преобладают созвучные тона, тогда как в звучании или звуке – диссонирующие. Опытное ухо даже различает их и слышит, помимо унисона или основного тона, также ещё и его октаву, октаву квинты и т.д. Множественность, соединенная с единством в сцеплении, как таковом, становится, таким образом, в звоне живой, самоутверждающейся множественностью ... самый звон есть не что иное, как созерцание души самого тела или непосредственно связанного с последним понятия в прямом соотношении с этим конечным. Условие звона есть неразличимость понятия и бытия, души и тела в теле; самый акт приведения к неразличимости есть то, в чём идеальное в его повторном облачении в реальное открывается восприятию как звон. Отсюда условие звучания состоит в том, что тело выходит из состояния неразличимости [14, с. 193]».

Концепция вселенского звука «Нада» изначально настраивает на некую цельность, неделимость Единого, представ-

ляемого звуком. Звук как акустическое явление бесконечно разворачивается во времени, передавая звучание всё новым и новым рождающимся обертонам, уходящим всё выше и выше (по мысли Е. Д. Резникова, вибрация порождает созвучную вибрацию [17]). Звук, рождённый человеком, как бы «подключается» к этой большой нескончаемой звуковой игре и встраивает свой звуковой обертоновый узор в звучащую вселенскую ауру. Бесконечность звучания «Нада» всё более обогащается подпространствами обертоновых призвуков в результате подключившегося к нему в некоей точке пространства нового звука. Этот персональный звук не отграничен от «Нада», а вписан в него. Свами пишет, что «элемент пространства самый необусловленный, свободный от гун, качеств и категорий, и он прямо указывает на Реальность, имеет свойство сразу превосходить формы, имена, атрибуты и качества. Мы представляет себя и все происходящее в чистом пространстве [6]».

Х. И. Хан, анализируя восточную философию звука, приходит к заключению, что источником, из которого было создано всё творение, является звук, вибрация. Вибрация представляет собой движение, и звук, соответственно, является «эффектом движения». Х. И. Хан пишет, что звук абсолютного в Ведах именуется Анахад, что означает «неограниченный звук». Тот, кто постигает тайну этого звука, постигает тайну неделимой Вселенной. Этим звуком наполнено пространство Вселенной, наполнено тело человека внутри и снаружи также окружено им. Наблюдается в связи с данным обстоятельством интересная особенность: тело размещается в пространстве,

а пространство – в теле. Поэтому звук Анахад звучит и внутри человека, и снаружи. Человек начинает слышать звук Анахад, если только он сможет отвлечься от внешнего материального существования и сосредоточиться на слышании вибраций этого тонкого плана звучаний. Х. И. Хан замечает, что «ограниченная громкость земных звуков столь конкретна, что затмевает влияние абстрактного звука на чувство слуха, хотя по сравнению с ними звуки земли более грубы, они похожи на барабан по сравнению с тонким свистом. Когда абстрактный звук делается слышимым, все остальные звуки становятся неразличимыми [12, с. 81]». Х. И. Хан считает предназначением колоколов и гонгов в церквях и храмах служить напоминанием человеку об этом священном звуке, с тем чтобы вести его к внутреннему осознанию себя. Х. И. Хан пишет о восточном представлении голоса как идеального музыкального инструмента, по образу которого созданы другие музыкальные инструменты. Он указывает на важную особенность такого качества звука, как естественность, имея в виду естественность громкости и диапазона звучания. Напряжение певческого голоса, должного озвучивать в эпоху коммерциализации культуры огромные залы, противопоставляется мыслителем естественному звучанию голоса древневосточной традиции, которая сосредоточена на ощущении беспредельного звучания звука мира в себе самом, в своём собственном теле, а не на направленности голосовой энергии во внешнее пространство. Показателен в этом отношении самый главный древнеиндийский музыкальный инструмент *вина*, звук которого едва слышим. Х. И. Хан пишет,

что тем самым этот инструмент концентрирует вибрации и предназначен для медитации, то есть для единения с Единым. Голос рассматривается как выражение духа человека и способ обретения взаимосвязи со всеми тонкими планами его бытия.

Р. Штайнер также отмечал, что «для восточного человека окружающий мир, который теперь мы называем нашей физической средой, был только подножием Космоса, мыслимого как единство. Человек имел в своём окружении то, что содержится в трёх царствах природы, он имел вокруг себя реки, горы и т.д.; но для него эта среда была насквозь пронизана духом, пропитана им и сплетена с духом. Древневосточный человек мог бы сказать: я живу среди гор, я живу среди рек, но я также живу среди элементарных существ гор и рек; я живу в физическом царстве, но это физическое царство есть тело духовного царства. Меня повсюду окружает духовный мир, низший духовный мир [15, с. 26]».

Исходя из такого миропонимания можно предположить, что звукопроизводство Востока, уходящее своими корнями в древность, направленное на подражание звукам природы и омузыкаленное общение с ней, представляло собой естественный вид духовной взаимосвязи человека и природы. По словам Э. Алексеева, «пение для человека того душевного склада, который формировался ранним обществом, – такая же потребность, как и речь. Он пел не только на людях, но и для себя, не только бодрствуя, но и во сне, не только будучи здоровым, но и впадая в нервные расстройства. Язык песни был понятнее духам, с которыми люди общались, как общаются

с соплеменниками [1]». Т. В. Чередниченко отмечала, что в архаичных культурах, где господствовал миф, человек проецировал себя на природу, и потому музыка являлась «и дубликатом человека, и частью универсума [13, с. 137]».

Таким образом, можно констатировать, что в современной культуре существует два разных понимания звука: восточное и западноевропейское. Европейский вариант представляет философию певческого звука, которая исходит из понимания границы своего тела, отграничении себя («Я-Ты»), соотношения с беспредельным окружающим пространством. Певческий звук, таким образом, сориентирован на движение от телесного источника в окружающий мир, а его познание сосредотачивается на отношении телесного источника и окружающей его реальности. Восточная философия певческого звука зиждется на ощущении «вписанности» в окружающий многоликий мир («Я-Я»). Пространство певческого звука сосредотачивает движение внутри себя самого, в бесконечно раскрывающихся звуковых подпространствах возникающих обертонов. Соответственно, в методологическом подходе к изучению певческого звука можно констатировать два больших направления. Первое – это постижение звука через бесконечное вслушивание и распознавание его значений в ходе слухового восприятия в результате сосредоточенности на информативности тембра, на его бесконечном раскрытии. Здесь мысль коррелирует с процессом распознавания звука-сигнала, который описал М. А. Арановский [2]. Отношение к звуку характеризуется высокой долей конкретности чувственного восприятия акусти-

ческой обертоновой формы существования певческого звука в материальном бытии. Здесь интересно движение, изменение самих обертонов, их появление, исчезновение, сочетание, то есть бытие самого звука. Это певческие культуры Античной Греции, Древнего и современного Востока, Индонезии. В изучении певческого звука интересна именно тембральная аура и скрытая энергетика звучания.

Второе направление, большей частью характеризующее западноевропейское проблемное поле исследований по музыкальному звуку, – это некое абстрагирование от изучения ауры певческого звука и сосредоточенность на его смысловых взаимосвязях, отношениях, комбинациях отдельных звуков, то есть на их совместном бытии. Таким образом, отношение к звуку как самоцели (Восток) и отношение к звуку как средству (Запад) порождают разные онтологии звука, и подходить к изучению мировых певческих культур необходимо, учитывая это важное обстоятельство. Необходимо отыскать критерий, по которому можно обратиться к более глубоким основаниям певческих культур, и с этих позиций попытаться выявить и обосновать их различия. Полагаем, что таким критерием является певческий звук, который обладает рядом особенных качеств.

Осмысляя важнейшие качественные признаки певческого звука, опираясь на философские и теоретические работы «Исток художественного творения» (М. Хайдеггер) и «Природа невыразимого в искусстве и культуре» (Е. В. Синцов), мы пришли к выводу, что певческий звук представляет собой уникальный феномен, вбирающий в себя онтологические

качества человеческого бытия – художественность и связанность с «невыразимым». Качество художественности он обретает в связи с тем, что способен выстраивать многочисленные связи человека и мира, «восстанавливать мир», представляя собой «художественное творение» (М. Хайдеггер [11]). Связь с «невыразимым» – это отприродное качество любого художественного феномена, что доказывается в концепции «невыразимого» и связанной с ней теории самодвижения художественного творения, предложенной Е. В. Синцовым. Учёным анализируются не только формы и способы «явленности» «невыразимого» в произведениях искусства, но и указан главный, с точки зрения автора, «источник» появления «невыразимого»: «психоидное бессознательное», скрытый в нём «избыток» мыслезрительной активности [10].

Е. В. Синцов доказывает, что психоидное бессознательное, будучи средоточием первичных телесных переживаний от встреч человека с физическим пространством мира (тактильные, вкусовые, звуковые и т.п. ощущения), хранит в себе не только такого рода «память». В процессе человеческой эволюции новым слогом психоидного бессознательного становятся не только реальные жесты (касание, поглаживание, давление и т.п.), но и жесты воображаемые¹ [10].

¹ Например, такие первые реальные движения посылает человеку звук голоса матери. Перемещение интонации её голоса вверх или вниз формируют у младенца представления о вертикальных, восходящих или нисходящих жестах, звучание её голоса тише или громче – о горизонтальных направлениях – приближающихся или удаляющихся жестах [17]. Мыслительный жест сохраняет лишь очень отдалённое сходство с реальным жестом. Его роднят с ним качества повторяемости и направленности.

Эти жесты концентрируются вокруг трёх основных органов тела, наиболее богатых жестовым потенциалом: руки, речевой аппарат и гениталии [16]. Соответственно, это рукоподобные жесты, напоминающие осяпывающие или отграничивающие движения руки, ротоподобные жесты, напоминающие движение перемещаемой во рту пищи, и сексуально-подобные жесты. Это находит проявление в трёх типах орнаментирования: «мелькающем» (сексуально-подобном, основанным на однообразном переносе фрагмента), «осяпывающем» (заполнение пространства вокруг относительно определённого центра) и «ротоподобном» (совмещение двух первых типов).

Исходя из рассмотрения певческого звука как художественного феномена, тесно связанного с психоидным бессознательным, мы исследовали возможности мыслежестовой активности психоидного бессознательного, направленной на внешнюю расположенность певческого звука в окружающем пространстве (экстравертная направленность звука) и на внутреннее пространство звука (интровертная направленность звука).

Анализ привёл к следующим результатам. Экстравертная «художественная расположенность» певческого звука в окружающем пространстве всегда подобна жестовому осяпыванию, захвату, обладанию, то есть некоему утверждению своего присутствия, оставлению звукового следа. Характер этого следа зависит от оттенков духовно-жестового потенциала психоидного бессознательного (рукоподобного, мелькающего, ротоподобного). Экстравертный звук сосредоточен на этапе звучания. Именно в нём он реализует пластифицирующие возможности

мыслежестовой активности психоидного бессознательного и проявляет себя как многослойная орнаментально-подобная структура, включающая ауру психической энергии, ритмическую структуру, слышимые и неслышимые потоки тембральной звуковой расположенности, стягивает к себе пространства других звуков, возможности речи, театрального действия, пространство слушательского интереса и т.п. Таким образом, стремясь к бесконечным симбиозам, экстравертный певческий звук достигает «восстановления» всех связей человека с миром. Пример певческого звука экстравертной направленности являет западноевропейское бельканто. Оно характеризуется нацеленностью рождающегося звука на «захват» окружающего пространства, распространение звучания на большую территорию.

В отличие от западноевропейской ветви певческой культуры, звуковое движение в восточном звуке удерживается на границе предзвучания и собственно звучания. Пластифицирующая активность мышления в восточных певческих культурах направлена преимущественно на «орнаментирование» внутреннего пространства самого звука, на дифференциацию его многочисленных «слоев» («изузоривание», варьирование каждого нижнего слоя более высоким). Для этого создаётся предельно сложный по своим структурам звук и культивируется процесс взаимодействия таких слоёв в разных формах. В результате даже отдельный звук становится своеобразной моделью, призванной отразить взаимодействие мыслежестов, направленных друг на друга в психоидном бессознательном. Е. Блаватская описывает певческую зву-

ковую технологию, данную в древних китайских трактатах, как пластификацию друг другом разнообразных шести слуховых впечатлений: от сладостного голоса соловья до звука трубы, постигаемых певцом, в результате которой они перестают быть слышимыми, им на смену приходит звук «Нада» [5].

Таким образом, предложив подход к исследованию различных культур с точки зрения певческого звука как феномена, связанного с онтологическими качествами человеческого бытия – художественностью и атрибутом «невывра-

мого», мы пришли к следующему выводу. Певческий звук проявляет свою художественность в этих культурах по-разному – в «восстановлении» всех связей с внешним миром как художественное творение – в случае западноевропейской культуры, и в раскрытии «истока» художественного творения – в восточной культуре.

В данном заключении можно узреть глубинную причину различий певческих культур и обозначить критерий, объединяющий, казалось бы, полярные певческие культуры, – им является певческий звук.

Примечания

1. *Алексеев Э. Е.* Раннефольклорное интонирование : Звуковысотный аспект : автореферат дис. ... доктора искусствоведения : 17.00.02 / Алексеев Эдуард Ефимович ; ВНИИ искусств. Москва, 1991. 40 с.
2. *Арановский М. Г.* О психологических предпосылках предметно-пространственных представлений // Проблемы музыкального мышления : сборник статей / сост. и ред. М. Г. Арановский ; АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Комис. комплексного изучения худож. творчества. Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Москва : Музыка, 1974. С. 252–272.
3. *Васильченко Е. В.* Музыкальные культуры мира: Культура звука в традиционных восточных цивилизациях (Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия) : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 520100 Культурология и направлению 522600 Востоковедение, африканистика. Москва : Изд-во РУДН, 2001. 408 с.
4. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. Москва : Советский писатель, 1988. 396 с.
5. Голос безмолвия. Семь врат. Два пути. Отрывки из «Книги золотых правил» [Электронный ресурс] / обнародовано Е. П. Блаватской ; перевод с английского Е. Ф. Писаревой под ред. К.З. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/golos.htm>
6. Доклад на Первый Ежегодный Монашеский Форум – Маха Дхарма Сабхе Карманьяси Индрабхагини «Бхаджан – Мандала – Метод цветков на Древе Учения Лайя-йоги» [Электронный ресурс]. URL: http://www.advayta.org/binaries/file/news/f_3251.pdf (дата обращения: 04.09.17).
7. *Левинас Э.* Философское определение идеи культуры. Москва : Директ-Медиа, 2007. 24 с.
8. *Меньчиков Г. П.* Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). Казань : Грандан, 1999. 408 с.
9. Очерки музыкальной культуры народов Тропической Африки : сборник статей / сост. и пер. Л. Голден. Москва : Музыка, 1973. 192 с.
10. *Синцов Е. В.* Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жестко-пластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. Казань : Фэн, 2003. 304 с.

11. Хайдеггер М. Исток художественного творения. [Электронный ресурс]. URL: http://sunk-rima.narod.ru/kultura/heidegger_ursprung.pdf
12. Хан Х. И. Мистицизм звука [Электронный ресурс]. URL: <http://online-knigi.com/page/11544>
13. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры (том 1, 2) : курс лекций для студентов-немузыкантов, а также для всех, кто интересуется музыкальным искусством. Выпуск 1. Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994. 216 с.
14. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / вступ. статьи П. С. Попова и М. Ф. Овсянникова. Москва : Мысль, 1966. 496 с.
15. Штайнер Р. Всемирная история в свете антропософии как фундамент познания человеческого духа. Москва : Новалис, 2002. 168 с.
16. Penfield W., Roberts L. *Speech and Brain Mechanisms*. Princeton University Press, 2016. 302 p.
17. Reznikoff Ie. On primitive elements of musical meaning. *JMM-The Journal of Music and Meaning*, vol. 3, Fall 2004/Winter 2005, Section 2.

References

1. Alekseev E. E. *Rannefol'klornoe intonirovanie: Zvukovysotnyi aspect. Avtoreferat diss. dok. iskusstv. [Early folklore intoning: Sound high-rise aspect. Synopsis Dr. history of arts sci. diss.]*. Moscow, 1991. 40 p.
2. Aranovsky M. G. О психологических предпосылках предметно-пространственных представлений [About psychological prerequisites of subject and spatial representations]. In: Aranovsky M. G., ed. *Problemy muzykal'nogo mysleniia. Sbornik statei [Problems of musical thinking. Collection of articles]*. Moscow, Publishing House "Music", 1974. Pp. 252–272.
3. Vasilchenko E. V. *Muzykal'nye kul'tury mira: Kul'tura zvuka v traditsionnykh vostochnykh tsivilizatsiiakh (Blizhnii i Srednii Vostok, Iuzbnaia Aziia, Dal'nii Vostok, Iugo-Vostochnaia Aziia) [Musical cultures of the world: The culture of a sound in traditional east civilizations (The Middle East, the Southern Asia, the Far East, Southeast Asia)]*. Moscow, Publishing house of the People's Friendship University of Russia (PFUR), 2001. 408 p.
4. Gachev G. *Natsional'nye obrazy mira. Obshchie voprosy. Russkii. Bolgarskii. Kirgizskii. Gruzinskii. Armianskii [National images of the world. General questions. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian]*. Moscow, Publishing House "Soviet writer", 1988. 396 p.
5. Blavatskaya E. P., comp. *Golos bezmolviia. Sem' vrat. Dva puti. Otryvki iz "Knigi zolotykh pravil" [Silence voice. Seven gate. Two ways. Fragments from "The book of golden rules"]*. Available at: <http://www.theosophy.ru/lib/golos.htm>
6. *Doklad na Pervyi Ezhegodnyi Monasheskii Forum – Makha Dkharma Sabkhe Karma-sann'iasii Indrabkbagini "Bkbadzhan – Mandala – Metod tsvetok na Dreve Ucheniia Laiia-iogi" [The report on the First Annual Monastic Forum – the Move Sabkhe Karma-sannyasi Indrabkbagini's Dharma "Bkbadzhan – the Mandala – the Method a flower on the Exercise Laya-yogi Tree"]*. Available at: http://www.advayta.org/binaries/file/news/f_3251.pdf (accessed: 04.09.17).
7. Levinas E. *Filosofskoe opredelenie idei kul'tury [Philosophical definition of the idea of culture]*. Moscow, Publishing house "Direkt-Media", 2007. 24 p.
8. Menchikov G. P. *Dukhovnaia real'nost' cheloveka (analiz filosofsko-ontologicheskikh osnov) [Spiritual reality of the person (analysis of philosophical and ontologic bases)]*. Kazan, Publishing house "Grandan", 1999. 408 p.
9. Golden L., comp. *Ocherki muzykal'noi kul'tury narodov Tropicheckoi Afriki. Sbornik statei [Sketches of musical culture of the people of Tropical Africa. Collection of articles]*. Moscow, Publishing House "Music", 1973. 192 p.
10. Sintsov E. V. *Priroda nevyrazimogo v iskusstve i kul'ture: k probleme zbesto-plasticheskikh*

osnovanii khudozbestvennogo myshleniia v vizual'noi ornamentike i muzyke [The nature inexpressible in art and culture: to a problem of the zhesto-plastic bases of art thinking in a visual twiddle and music]. Kazan, Publishing house "Fan", 2003. 304 p.

11. Khaidegger M. [Heidegger Martin] *Istok khudozbestvennogo tvoreniia [Source of art creation]*. Available at: http://sunkrimea.narod.ru/kultura/heidegger_ursprung.pdf

12. Khan Kh. I. *Mistitsizm zvuka [Mysticism of sound]*. Available at: <http://online-knigi.com/page/11544>

13. Cherednichenko T. V. *Muzyka v istorii kul'tury (tom 1, 2). Kurs leksii dlia studentov-nemuzykantov, a takzbe dlia vsekh, kto interesuetsia muzykal'nym iskusstvom. Vypusk 1 [Music in the history of culture (volume 1, 2). A course of lectures for students not musicians and also for all who are interested in musical art. Issue 1]*. Dolgoprudny, Publishing house "Allegro-Press", 1994. 216 p.

14. Shelling F. V. I. [Schelling Friedrich Wilhelm Joseph von] *Filosofiiia iskusstva [Art philosophy]*. Moscow, Mysl Publishers, 1966. 496 p.

15. Shtainer R. [Steiner Rudolf Joseph Lonz] *Vsemirnaia istoriia v svete antroposofii kak fundament poznaniia chelovecheskogo dukha [World history in the light of anthroposophy as the base of knowledge of human spirit]*. Moscow, Publishing house "Novalis", 2002. 168 p.

16. Penfield W., Roberts L. *Speech and Brain Mechanisms*. Princeton University Press, 2016. 302 p.

17. Reznikoff Ie. On primitive elements of musical meaning. *JMM-The Journal of Music and Meaning*, vol. 3, Fall 2004/Winter 2005, Section 2.

*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭСТРАДНО-ДЖАЗОВОЙ МУЗЫКЕ

УДК 78.01

В. А. Волобуев¹, К. В. Политковская²

¹Московский государственный институт культуры

²Российская академия музыки имени Гнесиных

Данная публикация представляет собой культурно-исторические интерпретации таких понятий, как эстрада, её генезис, формы эстрады, эстрадно-джазовая музыка как «подкатегория» эстетики, эстрадно-джазовая музыка как феномен искусства, место эстрадно-джазовой музыки в современной музыкальной культуре, современное искусство эстрады и других. Именно в рамках осмысления этих понятий – как предпосылок исследуемого нами феномена – возможно развитие искусствоведческих, культурологических и других представлений таких конкретных компонентов эстрадно-джазовой музыки, как спиричуэлс, суинг, джаз, рок, джаз-рок, блюз, музыкальная эстрада, вокально-инструментальный ансамбль, эстрадно-джазовая музыка в целом.

Ключевые слова: эстрада, генезис эстрады, формы эстрады, эстрадно-джазовая музыка как феномен искусства, место эстрадно-джазовой музыки в современной музыкальной культуре, современное искусство эстрады.

V. A. Volobuev¹, K. V. Politkovskaya²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²Gnessin Russian Academy of Music, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Povarskaya, str., 30/36, 121069, Moscow, Russian Federation

CULTUROLOGICAL IDEAS ABOUT “VARIETY-JAZZ MUSIC”

This publication is a cultural-historical interpretation of such concepts as the term variety, its genesis, forms of variety, pop-jazz music as a “subcategory” of aesthetics, pop and jazz music as

¹ВОЛОБУЕВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств (МАИС) Московского государственного института культуры

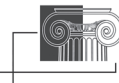
VOLOBUEV VIKTOR ALEKSEEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of social and philosophical sciences, Faculty of Media and Audiovisual Arts (MAIS), Moscow State Institute of Culture

²ПОЛИТКОВСКАЯ КСЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – профессор, заведующая кафедрой эстрадно-джазового пения факультета музыкального искусства эстрады Российской академии музыки имени Гнесиных

POLITKOVSKAYA KSENIYA VALERYEVNA – Professor, Head of the Department of pop-jazz singing, Faculty of Musical Arts Stage, Gnessin Russian Academy of Music

e-mail: vva1943@yandex.ru¹, 7247773@gmail.com²

© Волобуев В. А., Политковская К. В., 2017

a phenomenon of art, modern variety art, etc. It is within the framework of understanding these concepts you can even more successfully develop art criticism, cultural studies and other representations of such components of pop-jazz music as spirituals, swing, jazz, rock, jazz-rock, blues, musical variety, vocal and others. but the instrumental ensemble, pop and jazz music in general.

Keywords: variety art, variety genesis, variety art forms, pop and jazz music (EDM) as a “subcategory” of aesthetics, EDM as a phenomenon of art, modern variety art.

Для цитирования: Волобуев В. А., Политковская К. В. Культурологические представления об «эстрадно-джазовой музыке» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 114–120.

В современном российском музыкально-исследовательском пространстве, особенно в последние два-три десятилетия, не ослабевает интерес к словосочетанию *эстрадно-джазовая музыка*¹. В связи с этим появляется ряд публикаций, посвященных многим аспектам осмысления этого феномена, выполняются и защищаются диссертации, связанные с данной тематикой. Но в исследованиях представлен главным образом музыковедческий анализ данной проблемы, которая практически не рассматривается в культурологическом аспекте. Целью данной статьи является анализ становления и развития культурологических представлений о ряде эстрадных дефиниций, оказывающих влияние на осмысление феномена «эстрадно-джазовая музыка».

Культурологические корни и основания *современной эстрадно-джазовой музыки* берут начало в культурах Запада, с их эволюционированием и опорой на национально-культурную составляющую. Эстрадное искусство, зародившись

в европейской культуре в эпоху Возрождения [10, с. 427] (в России, по мнению Евг. Кузнецова, данный феномен начал формироваться несколько позднее), будучи по своей природе интернациональным, сохраняет народные корни, которые придают ему национальную окраску. В различных странах оно эволюционировало по-разному, отдавая предпочтение тем или другим жанрам, или тем или другим «образам-маскам». В эстрадных программах салонов, клубов, мюзик-холлов, кабаре, театров миниатюр, садово-парковых площадках и т.п., где уже преобладали жизнерадостный юмор, пародии и шаржи, общежитейская сатира, буффонада, гротеск, игровая ирония, задушевная лирика, ансамбли балетные, добавились сценические номера с модными танцевально-музыкальными ритмами [см.: 10, с. 427], которые явились предтечей современных видов и форм эстрадно-джазовой музыки.

В то же время культурологическое осмысление данного феномена содержится и в отечественных научно-исследовательских и учебных материалах.

Прежде чем вести речь о сущностной и содержательной стороне этого явления, следует обратить внимание на роль эстрадно-джазовой музыки в современной социальной сфере.

¹ Научно-исследовательский интерес к данной дефиниции в отечественной теории и истории культуры усилился с конца 90-х годов прошлого столетия в связи с началом деятельности сектора теории искусств Государственного института искусствознания, направившего исследователей на культурологическое рассмотрение искусства, музыки в том числе [см.: 1, с. 101; 8, с. 11].

Безусловно, социальное значение эстрадно-джазовой музыки огромно. Велика её популярность в обществе, которое, с одной стороны, стимулирует её дальнейшее развитие, а с другой – определяет эстрадно-джазовую музыку как мощнейшее просветительское средство, удовлетворяющее социальные потребности в наслаждении искусством, которое оказывает на общество и отдельного человека духовно-нравственное, эстетическое, патриотическое воздействие. Понимая это, многие исследователи стремились раскрыть социальное значение эстрадно-джазовой музыки в России. Среди них А. Н. Сохор, который, в деталях изучая массовую музыкальную культуру, отводил огромную роль массовой песне, где сочетаются традиционные мотивы, идеи и настроения народных песен, имеющих всенародное общественно-нравственное значение. В частности, в своих работах по социологии и эстетике музыки он писал, что в современных песнях о Родине, борьбе за мир и других прежде всего выражены самые передовые идеи эпохи, особенно их историко-культурные аспекты. Это характерно для таких отечественных композиторов, как Ал. Александров, В. Захаров, И. Дунаевский, В. Мурадели, А. Новиков, Дм. и Дан. Покрассы, М. Блантер, С. Туликов, А. Хачатурян, Д. Шостакович и других [11, с. 183].

Все они создавали такие произведения, которые пели повсеместно, что способствовало объединению людей и удовлетворению их интересов и потребностей. Своим высокодуховным и высокопрофессиональным содержанием эти песни, отражая и представляя массовую музыкальную культуру, не только

доставляли наслаждение, но и формировали музыкальные вкусы и предпочтения в общественном сознании. Это было характерно для первой половины XX века и в послевоенные годы. Но данная ситуация изменилась в процессе социального развития. Изменились формы и жанры эстрадно-джазовой музыки, из-за рубежа были заимствованы многие из них, создавалось всё больше и больше разнообразных песен, которые, к сожалению, не всегда были высокохудожественны, отвечали интересам масс, потребностям и вкусам общества. И сегодня эстрадно-джазовое искусство, представленное широким разнообразием самых разных направлений и стилей, имеет свои приоритеты, определённый круг заинтересованных в этих произведениях слушателей, специалистов её создающих, которые находятся в стадии поиска наиболее привлекательного, способного удовлетворить не только духовные, но и коммерческие интересы своих представителей. С этой целью проводятся эксперименты по использованию различных стилей и жанров, созданию и применению новых средств музыкальной выразительности, применению технических возможностей для различного рода спецэффектов, которые далеко не всегда соответствуют высокохудожественным образцам.

В связи с этим важным является проблема исследования феномена отечественная «эстрадно-джазовая музыка». Ответ на поставленный вопрос, с позиций имманентных проблем этого вида искусства, в большей степени находится в музыковедческой и учебно-педагогической литературе (В. Конен, Е. В. Овчинников, З. Б. Карташева, А. И. Коваленко,

В. Г. Кузнецов, И. В. Сахнова, А. С. Зайцева, В. А. Волобуев и другие). Но нас в большей степени интересует *культурологическое* осмысление данной проблемы, которое в той или иной степени помогает раскрыть особенности таких предпосылок, без которых формирование конкретных направлений эстрадно-джазовой музыки не было бы полным и обстоятельным¹: прежде всего это – эстрада, генезис эстрады, формы эстрады, место эстрадно-джазовой музыки в современной музыкальной культуре, феномен искусства, современная эстрадно-джазовая музыка и другие.

Однако прежде чем перейти к характеристике вышеуказанных предпосылок эстрадно-джазовой музыки, уточним вопрос о месте исследуемого феномена в структуре современной музыкальной культуры в целом. На наш взгляд, ответ на этот вопрос мы находим в научной литературе авторитетного музыковеда Валентины Конен. В частности, в одной из своих работ она конкретно указывает на то обстоятельство, что *эстрадно-джазовая музыка является третьим пластом музыкальной культуры в целом* [3]. Первый пласт, согласно её мнению, это народная музыка (в основном фольклор). Второй – профессиональное композиторское творчество, классика. Третий пласт – эстрадно-джазовая музыка – музыкальная эстрада («поп», «рок», песенное творчество), спиричуэлс, блюзы, джаз-банд, суинг, современный джаз, хард-рок, джаз-рок, ритм-энд-

блюз, модерн-джаз (бибоп), кул (холодный джаз) и другие [3, с 10–11].

Все эти жанры эстрадно-джазовой музыки имеют свои особенности и специфику и являются объектом специального изучения и анализа.

Мы в данной статье начнём с осмысления культурологической направленности одной из предпосылок эстрадно-джазовой музыки – термина «эстрада».

Термин «эстрада» (от франц. *estrada*), по мнению отечественного культуролога А. И. Кравченко, означает место, то есть *сценическую площадку* (временную или постоянную), предназначенную для концертных выступлений. И второе – *эстрада* предполагает выход на сцену *артистов*, то есть исполнителей [9, с. 910].

Иными словами, эстрада, с одной стороны, это место, отведённое для выступлений, а с другой – содержательная сторона художественных выступлений, «показов» на ней, которая зависит от исполнителей (артистов), выступающих на той или иной эстрадной площадке. При этом вторая компонента осмысления эстрады как площадки, где выступают исполнители, содержит художественно-антропологическую составляющую, которая может нести не только абстрактную (обобщённую информацию), но и эмпирическую (то есть практическую) функцию, например, некоторые конкретные данные об артисте или коллективе: поёт И. Кобзон, Л. Долина, Л. Лещенко, джаз-оркестр под управлением А. О. Кролла, С. С. Жилина и т.п.

По мнению Евг. Кузнецова, термин *эстрада* начал формироваться в сценической культуре *восемнадцатого столетия* и утвердился в его второй половине,

¹ Освещению культурологических проблем, связанных с анализом конкретных направлений эстрадно-джазовой музыки, посвящена статья авторов данного материала в журнале «Музыка и время» [см.: 6, с. 33–37].

«в связи с формированием эстрадных жанров и обособлением их в самостоятельную отрасль сценического искусства [4, с. 18]», и до настоящего времени выполняет функции, связанные с творческими показами артистов и любителей различных жанров сценических выступлений.

Кроме того, понимание эстрады как типа (вида) *синтетического* искусства, включает различные направления сценических форм, таких как театр, кино, балет¹, и, конечно, эстрадно-джазовый жанр и другие. Так, театр, например, включает в своё действие и слово, и сценическое движение, и костюмы, и декорации, и музыку и т.п., а эстрадно-джазовый жанр – джазовый вокал (соло, дуэт и т.п.), бэк-вокал (подпевки), набор инструментов: ритм-секцию – рояль, электрогитары (бас, ритм и соло), ударные инструменты, и так называемую духовую секцию – труба, тромбон, кларнет, саксофон и т.п. [2, с. 5]. Безусловно, эстрадно-джазовая музыка нуждается и в философском рассмотрении.

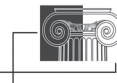
Так, освещая феномен «*эстрадно-джазовая музыка*» с философско-культурологической точки зрения, следует отметить, что современное искусство эстрады – это место художественного действия, где в эмпирической интерпретации осуществляется один из важнейших способов эстетического освоения мира, это «вид формотворческой деятельности человека, создающий образные и символические структуры, которые обладают эстетическими познавательными и коммуникативными функциями [7, с. 264]». При этом важным аспектом осмысления эстрадно-джазовой

¹ В основном фрагментов из них.

музыки является её идентификация с понятием «искусство». А поскольку искусство является категорией эстетики, как и красота, прекрасное, эстетическое, возвышенное, безобразное, низменное, ужасное, идеал, игра, трагическое, комическое, гротеск, ирония [5, с. 21–25], постольку и эстрадно-джазовая музыка как искусство является тоже категорией, а точнее, «подкатегорией» эстетики. Хотя одновременно с этим эстрадно-джазовая музыка по своей природе является – искусством эстрады (ряда наша. – В. В., К. П.).

Итак, можно заметить, что на осмысление в музыкальной культуре конкретных эстрадно-джазовых видов (жанров) современной музыки – спиричуэлс, суинг, джаз, рок, джаз-рок, блюз, музыкальная эстрада, вокально-инструментальный ансамбль (группа) и т.д., оказывают влияние такие их *культурологические* интерпретации, как эстрада, генезис эстрады, формы эстрады, эстрадно-джазовая музыка как феномен искусства, место эстрадно-джазовой музыки в современной музыкальной культуре, современное искусство эстрады и другие.

Таким образом, культурологические предпосылки рассмотрения эстрадно-джазовой музыки дают нам представления об её истоках, которые коренятся в культурах Запада и отечественных традициях; уточняют место эстрадно-джазовой музыки как третьего пласта в музыкальной культуре (первый и второй пласты – это фольклор и классическая музыка); представляют исследуемый элемент как «подкатегорию» эстетики (наряду с красотой, прекрасным, возвышенным, безобразным, искусством в целом); уточняют термин «эстрада»

(от франц. *estrada*) как «место», то есть *сценическая площадка*, где предполагается действие и выход на сцену *артистов*, то есть исполнителей; представляют эстраду как тип *синтетического искусства*, включающего фрагменты таких видов искусства, как театр, кино, балет, хореография и других, а также эстрадно-джазовый жанр. В процессе рассмотрения предпосылок эстрадно-

джазового жанра определяется механизм и имманентная специфика осмысления данного вида музыки, которая включает в себя: эстрадно-джазовый вокал (соло, дуэт и другие), бэк-вокал (подпевки), набор музыкальных инструментов: ритм-секцию – рояль, электрогитары (бас, ритм и соло), ударные инструменты, и так называемую духовую секцию – труба, тромбон, кларнет, саксофон и т.п.

Примечания

1. Астафьева О. Н. Культурная политика: динамика теоретических подходов и фундаментальных концептуализаций // Исторические повороты культуры : сборник научных статей (к 70-летию профессора И. В. Кондакова) / Научно-образовательный центр «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления РАНХиГС, Научно-образовательное культурологическое общество (Московское отделение НОКО) ; общая редакция и составление О. Н. Астафьевой. Москва : Согласие, 2017.
2. Волобуев В. А. Эстетика как средство познания современного искусства // Искусство в системе эстетического познания и художественной практики : сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции / Департамент образования города Москвы, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МПГУ), Институт гуманитарных наук, Общеуниверситетская кафедра философии и религиоведения ; [редакционная коллегия: Б. Н. Бессонов и др.]. Москва : МГПУ, 2015.
3. Конен В. Дж. Третий пласт: Новые массовые жанры в музыке XX века / [Рос. ин-т искусствознания]. Москва : Музыка, 1994. 160 с.
4. Кузнецов Е. М. Из прошлого русской эстрады : исторические очерки / предисл. Н. П. Смирнова-Сокольского. Москва : Искусство, 1958. 367 с.
5. Сиднева Т. Б. Эстетика : учебник для студентов творческих вузов, обучающихся по специальностям: «Музыкально-инструментальное искусство», «Вокальное искусство», «Дирижирование», «Композиция», «Музыковедение», «Музыкальная звукорежиссура» / М-во культуры Российской Федерации, Нижегородская государственная консерватория имени М. И. Глинки, Кафедра философии и эстетики. Изд. 2-е, перераб. и доп. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородской консерватории, 2016. 200 с.
6. Политковская К. В., Волобуев В. А. Культурологические особенности становления эстрадно-джазовой музыки // Музыка и время. 2017. № 11. С. 33–37.
7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова и др. 8-е издание. Москва : Республика ; Современник, 2009. 846 с.
8. Хренов Н. А. Русская культура и культурология как новая наука // Исторические повороты культуры : сборник научных статей (к 70-летию профессора И. В. Кондакова) / Научно-образовательный центр «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления РАНХиГС, Научно-образовательное культурологическое общество (Московское отделение НОКО) ; общая редакция и составление О. Н. Астафьевой. Москва : Согласие, 2017.
9. Эстрада // Культура и культурология : словарь / ред.-сост. А. И. Кравченко. Екатеринбург :

Деловая книга ; Москва : Академический Проект, 2003.

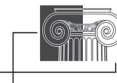
10. Эстрадное искусство // Эстетика : словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. Москва : Политиздат, 1989. 447 с.

11. Сохор А. Н. Наше оружие – наши песни // Вопросы социологии и эстетики музыки : в 3 томах. Том 3. Ленинград : Советский композитор, 1983. 303 с.

References

1. Astafyeva O. N. Kul'turnaia politika: dinamika teoreticheskikh podkhodov i fundamental'nykh kontseptualizatsii [Cultural policy: dynamics of theoretical approaches and fundamental conceptualizations]. In: Astafyeva O. N., ed. *Istoricheskie povoroty kul'tury. Sbornik nauchnykh statei (k 70-letiiu professora I. V. Kondakova)* [Historical turns of culture. The collection of scientific articles (to the 70 anniversary of professor I. V. Kondakov)]. Moscow, Publishing House "Soglasie", 2017.
2. Volobuev V. A. Estetika kak sredstvo poznaniia sovremennogo iskusstva [Aesthetics as learning tool of the modern art]. In: Bessonov B. N., etc., eds. *Iskusstvo v sisteme esteticheskogo poznaniia i kbudozbestvennoi praktiki. Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Art in the system of esthetic knowledge and art practice. The collection of scientific articles on materials of an interuniversity scientific and practical conference]. Moscow, Publishing house of Moscow City University, 2015.
3. Konen V. Dzh. *Tretii plast. Novye massovye zhanry v muzyke XX veka* [The third layer. New mass genres in music of the 20th century]. Moscow, Publishing House "Music", 1994. 160 p.
4. Kuznetsov E. M. *Iz proshlogo russkoi estrady: istoricheskie ocherki* [From the past of the Russian platform: historical sketches]. Moscow, Art Publishing House, 1958. 367 p.
5. Sidneva T. B. *Estetika* [Aesthetics]. Nizhny Novgorod, Publishing house of Nizhny Novgorod State Conservatory, 2016. 200 p.
6. Politkovskaya K. V., Volobuev V. A. Cultural Peculiarities of the Formation Pop-jazz Music. *Music and Time*. 2017, no. 11, pp. 33–37. (In Russian)
7. Frolova I. T., etc., eds. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. 8nd edition. Moscow, Publishing House "Republik", Publishing house "Sovremennik", 2009. 846 p.
8. Khrenov N. A. Russkaia kul'tura i kul'turologiia kak novaia nauka [Russian culture and cultural science as new science]. In: Astafyeva O. N., ed. *Istoricheskie povoroty kul'tury. Sbornik nauchnykh statei (k 70-letiiu professora I. V. Kondakova)* [Historical turns of culture. The collection of scientific articles (to the 70 anniversary of professor I. V. Kondakov)]. Moscow, Publishing House "Soglasie", 2017.
9. Estrada [Variety]. In: Kravchenko A. I., ed. *Kul'tura i kul'turologiia. Slovar'* [Culture and cultural science. Dictionary]. Ekaterinburg, Moscow, Publishing house "Delovaya kniga", Publishing house "Academic Project", 2003.
10. Estradnoe iskusstvo [Variety art]. In: Belyaev A. A., etc., ed. *Estetika. Slovar'* [Aesthetics. Dictionary]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1989. 447 p.
11. Sokhor A. N. *Nashe oruzhie – наши песни* [Our weapon – our songs]. *Voprosy sotsiologii i estetiki muzyki, v 3 tomakh. Tom 3* [Questions of sociology and esthetics of music, in 3 volumes. Vol. 3]. Leningrad, Publishing House "Soviet composer", 1983. 303 p.

*

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА В МИСТЕРИИ ЦАМ И В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

УДК 793.31

А. А. Жигмитова

Российский институт истории искусств

Статья посвящена танцам мистерии Цам в исполнении буддийских лам-монахов Бурятии. Безусловно, мистерияльные танцы пришли из Тибета, но не стоит отрицать и тот факт, что буддизм, с одной стороны, оказал сильное влияние на местную традиционную культуру, с другой – сам оказался под воздействием народной (добуддийской) культуры. Так, многие элементы жестикуляции танца лам в мистерии Цам напоминают или напрямую воспроизводят кинетику древних бурятских охотничьих ритуальных действий, национальной борьбы, традиционных обрядовых игр. После гонений в 1930-е годы на религиозные конфессии мистерияльный обряд оказался в забвении и только спустя 85 лет восстановлен в дацане Калачакры (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). В связи с этим остро встал вопрос возрождения и реконструкции танцевальной мистерияльной культуры, воссоздания не только канонической буддийской пластики, но и сохранения в ней исконных бурятских элементов. Отсюда актуальным представляется сравнительный анализ пластики танцоров мистерии с пластикой народных бурятских танцев, национальной борьбы и традиционных ритуально-обрядовых действий.

Ключевые слова: Буддизм, ламаизм, мистерия Цам, танцы в масках, буддийская пляска богов, национальная бурятская борьба, охотничьи танцы, пластика, маски.

A. A. Zhigmitova

Russian Institute of Art History, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
St. Isaac's Square, 5, 190000, Saint Petersburg, Russian Federation

CHOREOGRAPHIC PLASTIC IN THE MYSTERY OF THE TSAM AND BURYAT'S TRADITIONAL CULTURE

Article is devoted to dances of a mystery Tsam performed by Buddhist lamas monks of Buryatia. Certainly, mysteriological dances came from Tibet, but you should not deny also the fact that the Buddhism, on the one hand, exerted strong impact on local traditional culture, about another, it appeared under the influence of national (dobuddiysky) culture. So, many elements of

ЖИГМИТОВА АРЮНА АРСАЛАНОВНА – аспирантка сектора фольклора Российского института истории искусств, г. Санкт-Петербург

ZHIGMITOVA ARYUNA ARSALANOVNA – doctoral student of the Sector folklore, Russian Institute of Art History, St. Petersburg

e-mail: aryuna_88@mail.ru
© Жигмитова А. А., 2017

gesticulation, dance of lamas in a mystery Tsam remind or directly reproduce kinetics of ancient Buryat hunting ritual actions, national fight, traditional ceremonial games. After persecutions in the 1930th g on religious faiths the mysteriological ceremony appeared in oblivion and only 85 years later is restored in Kalachakra's datsan (Ulan-Ude, the Republic of Buryatia). In this regard sharply there was a question of revival and reconstruction of dancing mysteriological culture, reconstruction not only initial Buddhist plasticity, but and preservation in it primordial Buryat elements. From here the comparative analysis of plasticity of dancers of a mystery with plasticity of national Buryat dances, national fight and traditional ritual and ceremonial actions is submitted relevant

Keywords: Buddhism, lamaism, mystery Tsam, dances in masks, Buddhist dancing of the gods, national struggle, Buryat wrestling, hunting dances, plastics, masks.

Для цитирования: Жигмитова А. А. Хореографическая пластика в мистерии Цам и в традиционной культуре бурят // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 121–130.

В конце XVII века в Бурятию прошёл буддизм, точнее, его позднее северное направление – ламаизм. Направление сложилось в XV веке в традиции Гелугпа, главой которой является Далай-лама (лама «мудрости» – почитается как воплощение Авалокитешвары). С приходом ламаизма на территорию Бурятии связано развитие многих видов художественной деятельности: литературы, музыки, танца, изобразительного искусства. И среди них особое место занимают храмовые представления, прежде всего уникальная мистерия Цам.

Мистерия Цам – один из наиболее красочных театрализованных обрядов в практике ламаизма. Название «Цам» происходит от тибетского слова «чам», что означает «танец». Действительно, пластический, танцевальный язык является одним из главных компонентов мистерии, определяет её визуальную, содержательную и смысловую стороны. По сути, мистерия Цам представляет собой пантомимическую пляску богов, исполняемую буддийскими монахами-ламами, с использованием разнообразных масок. Тибетский Далай-лама V Агванлуvsан-

жамц ещё в XVII веке называл Цам танцем «божьей радости».

Мистерияльный театр возник в Бурятии в конце XIX века, когда русская администрация дала санкцию на исполнение в Забайкальских дацанах Цамхурала, полагая, что красочная мистерия увеличит приток богомольцев в буддийские храмы. После гонений в 1930-е годы на религиозные конфессии мистерияльный обряд оказался в забвении и только спустя 85 лет был восстановлен в дацане Калачакры (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия). В связи с этим остро встал вопрос возрождения и реконструкции танцевальной мистерияльной культуры, воссоздания не только канонической буддийской пластики, но и сохранения в ней исконных бурятских элементов. Отсюда актуальным представляется сравнительный анализ пластики танцоров мистерии с пластикой народных бурятских танцев, национальной борьбы и традиционных ритуально-обрядовых действий.

В наше время публичное исполнение священных танцев буддийской мистерии Цам докшитов (Цам в масках) устраивается ежегодно, начиная с 2011-го, в лет-

нее время в монастырской ограде, под открытым небом и собирает большое количество верующих из самых отдалённых мест Республики Бурятия.

Сегодня, по словам ламы Буды Цыденова, «мистерия Цам докшитов не приурочена к определённым датам. Она проводится летом, поскольку зимой такое представление не покажешь на улице»¹. Однако мы можем предположить, что исполнение мистерии раньше было приурочено к поворотным моментам годового круга. Так, Цам докшитов проходил в июне-июле и воспринимался как праздник летней луны (веха, разделяющая год на две части: летнюю и зимнюю). Нужно отметить, что буддийский календарь является лунным, в отличие от солнечного календаря, принятого у христиан, потому не имеет строго определённой даты проведения хуралов, традиционных обрядов и праздников. К летнему времени издавна были приурочены различные традиционные календарные праздники и обряды бурят [см.: 4, с. 43], однако одним из самых ярких праздников летней луны является всё же мистерия Цам – возрожденный хурал в день *Майдафи*.

*Майдафи*² – праздник, устраиваемый каждое 3-е число последней летней луны. Этот хурал в честь пятого будущего ламы проводится внутри храма и на площадке у входа в него. Скульптурное изображение *Майдафи* ставится в колесницу, в неё впряжен деревянный конь на колесиках,

обтянутый плюшем и украшенный богатой сбруей. Шествие лам, музыкантов с инструментами дацанского оркестра, колесницы и мирян совершается вокруг территории дацана (храма), двигаясь (по направлению солнца) по внутреннему периметру монастырской стены. Ламы останавливаются у каждой стены и читают мантры (молитвы). Отсюда и название – «Круговращение *Майдафи*».

На площадке перед дацаном рисуют несколько концентрических кругов мелом или известью, отмечая пространство, где будут танцевать маски мистерии. Круги выступают в мистерии не просто как место действия, прежде всего они отражают традиционную модель мира, в которой круг, сферическая конструкция с обозначенным центром являются едва ли не главной мировоззренческой доминантой, символизируя центр Вселенной и её кольцевидную структуру. Неотъемлемым атрибутом любого дацана является картина «*Сансарын Хурдэ*» – Колесо бытия. Это мир, у которого нет ни начала, ни конца; символ движения, где нет вечного и постоянного, а есть непрерывная смена состояний. С этим связан и обязательный ритуал: при посещении дацана каждый человек должен пройти по кругу, читая молитвы и вращая круглые барабаны, расположенные по периметру дацана.

В бурятской традиционной культуре круг также имеет особое сакральное значение. Он присутствует в жилище (юрте), приспособленном к быстрой транспортировке, где нет острых углов; в орнаменте национальной одежды; в круговом обходе священных мест; это и круговой танец *ёохор*, связанный с солярным культом, – танцующие всегда двигаются

¹ Интервью автора статьи с Будой Цыденовым, настоятелем дацана Калачакры на Верхней Березовке в г. Улан-Удэ, Республика Бурятия. 14.10.2016 года.

² Майтрея – бодхисатва, будущий Будда. Учитель человечества, владыка, наречённый «Состраданием».

слева направо по направлению движения солнца.

Буддийская церковь пышно обставляла свои богослужения, используя для этой цели различные виды искусства: живопись, музыку, танец, пантомиму. Понятно, что философия, сюжеты, сама церемония, первостепенные персонажи, костюмы и пр. представляют собой бурятский вариант буддийских религиозных действий. Тем не менее отдельные элементы художественного языка мистерии восходят к традиционной культуре бурят, например, включение интермедий с комическим стариком, особенности обрядового танца, приёмы национальной борьбы, использование народных музыкальных инструментов и мелодий, детали костюма, речевые клише и пр.

Когда предки бурят были кочевым народом, они добывали себе пропитание охотой, рыбной ловлей, сбором диких съедобных растений. Впоследствии появились первые охотничьи танцы. Охота и скотоводство были одной из форм труда. Охотник должен был хорошо знать повадки зверей, птиц, уметь их выслеживать, метко стрелять. По словам Э. Е. Манзарханова, некоторые движения ритуальных охотничьих танцев стали основой традиционного танцевального рисунка: «... были целые танцевальные циклы – *тетериин надаан* (танец тетерева), *шоньин надаан* (волчья пляска), *бабгайн надаан* (медвежья пляска), *бойр надаан* (танец глухарей), танцы, связанные с облавной охотой в определённый период [6, с. 97]».

Танец – это ритмически организованное ритуально-игровое поведение, имеющее пластическую форму. В бурятской традиционной культуре охотничьи танцы

в первую очередь являлись своего рода тренировкой перед предстоящей охотой, «их целью была мобилизация внимания и воли коллектива охотников, повторение приёмов мастерства, выражение смелости, ловкости, находчивости, наблюдательности при ловле зверя [10, с. 200]». При этом ритуальные танцы наделялись элементом зрелищности, в них явно проступало эстетическое начало. Каждый исполнитель воспроизводил повадки животного, то есть «возникало действие, совершаемое от лица другого персонажа, что является одним из главных признаков театрального искусства [10, с. 200]». Однако не менее важно, что вся культура танца, борьбы, состязаний (кинетическая культура) является особым видом духовной деятельности, в которой пластика человека реализует его представление о мире и самом себе, о формах взаимодействия человека с реальным и воображаемым миром.

В связи с этим стоит напомнить определение мистерии Цам и основы её – танца – уже упомянутым Далай-ламой Агваанлуvsанжамц: «Танец – это когда приоритет отдаётся движению рук, цам – это когда приоритет отдаётся движению ног, гармония – это когда приоритет отдаётся им обоим [цит. по: 3, с. 37]».

В мифологии бурятского народа существуют многочисленные повествования о происхождении тех или иных животных, птиц, что нашло отражение в традиционной культуре бурят и в мистериальных масках. Напомним, что в бурятской мифологии богато представлен именно тотемно-генеалогический цикл, в котором утверждается родство людей (родов, этнических групп) с тем или иным животным, птицей, рыбой, вера в спо-

собность духов воплощаться в человека, принимать облик какого-либо представителя местной фауны. Так, например, Бык считался прародителем племён эхиритов и булагатов, пестрый Налим – отцом эхиритов, от Девы-Лебедя пошли хоринские буряты, Орел – предок первых шаманов [7, с. 197]. К этим представлениям восходят многие обычаи, они нашли отражение в героическом эпосе бурят, в сказках и легендах, а также в традиционных масках мистерии Цам. Можно с уверенностью сказать, что пластика, присутствующая зооморфным и орнитоморфным маскам мистерии, передаёт знания о пластике этих персонажей, выработанные ещё в охотничьих танцах, и соответствует мифологическому осмыслению поведения тех или иных представителей животного мира.

Особый пластический рисунок присутствует и в национальной бурятской борьбе. Определённые его элементы также связаны или обусловлены ритуальными танцами охотников и бурятской мифологией.

Борьба является важнейшей составной частью традиционной культуры бурят. В течение столетий здесь сложился оригинальный вид единоборства – *Бухэ барилдаан*. В бурятском фольклоре имеется множество легенд о сильнейших богатырях, состязавшихся не только на праздниках за титул сильнейшего, но и способных дать отпор врагам и злым духам.

Борьба ежегодно проводилась в рамках празднования Нового года по лунному календарю и в летний праздник *Сурхарбан* (бурятский спортивный праздник). Раньше он назывался «Эрын гурбан наадан» – «Три игрища мужчин»,

в него входили национальная борьба, стрельба из лука, конные скачки.

Национальная борьба всегда воспринималась не только как развлечение, но, прежде всего, как культовое действие, в котором заложен глубокий сакральный смысл. Эти спортивные состязания стали проводиться и во время дацанских праздников. Участвовать и побороться за звание сильнейшего мог любой желающий. Состязание может длиться от нескольких секунд и до пяти минут. В борьбе допускаются любые борцовские действия с соперником до касания третьей точки выше и ниже пояса. У каждого участника должен быть свой представитель, как правило, это известные борцы в прошлом. Их задача – защищать и давать советы своему борцу, держать его головной убор во время схватки.

Для нас важно отметить наличие так называемого танца Орла, который исполняется перед поединком каждым участником и в завершении – победителем, обходящим поле поединка по часовой стрелке.

Танцуя, борец имитирует полёт птицы, плавно размахивая руками. Одновременно со взмахом рук делается шаг одной ногой, а корпус тела немного наклоняется вперёд, после чего делается небольшая пауза и затем те же движения повторяются при шаге с другой ноги. Борцы кружатся вокруг своей оси, взмахивая руками. Также в их арсенале – стойка на месте, при том что верх корпуса тела поворачивается из стороны в сторону, руки распротёрты на уровне груди, подобно длинным крыльям. В данном танце борцы очень пластичны. Здесь мы можем провести параллель с охотничьими танцами, когда охотник подра-

жал своей будущей добыче, птице в том числе. Этот особый язык стал использоваться в традиционных играх и танцах бурят. Таким образом борцы показывают свою ловкость и силу, в каком-то смысле выполняя и свой ритуал победителя. Так же как и в охотничьих танцах, перед началом состязания они настраивают себя на победу.

Сравнивая пластику древних охотничьих танцев, национальной борьбы, последующие танцевальные циклы и мистериальные танцы, мы можем говорить о схожести в жестах и некоторых телодвижениях. Так, по ходу разыгрывания мистериального действия своеобразный танец-борьбу демонстрируют персонажи Як (Буйвол, Бык) и Олень. Как и в традиционных охотничьих плясках, их танец основан на скакании то на одной, то на другой ноге, из стороны в сторону¹. Руки находятся на уровне груди. Но как только персонажи заканчивают кружиться вокруг себя или скакать вперёд-назад, руки принимают другое положение, совершая махи вперёд. Подражательными можно назвать некоторые позы и движения масок Слона, Крокодила. Во время танца одна нога может быть немного согнута, туловище чуть наклонено вперёд, а руки тем временем направлены вверх². [Улан-Удэ, 2011]. Несомненно, покачивание из стороны в сторону, перепрыгивание с одной ноги на другую, движения рук, или напоминающие взмахи крыльев, или поднятые вверх, призывающие все силы духов к победе, сродни пластике традиционных ритуальных танцев охотников и проходу борца в

начале и конце поединка. Подобно тому, как, завершив танец победителя, борец уходит с площадки, и ламы-танцоры, выполнив свою пантомиму, удаляются поочередно в двери дацана (храма).

По сути, те же жесты и движения наблюдаются и у комического персонажа мистерии Цам. Это *Сагаан Убгун* (Белый Старец) – всеми любимый персонаж народной традиции, который включён в буддийский пантеон богов и является неперенным участником мистериального действия. Он – интермедийный персонаж мистерии, который «разбавляет» все остальные устрашающие и грозные маски. Белый Старец выходит на площадку в характерной для старика одежде – белый халат, монгольская обувь, в руке трость, а маска представляет серобородого и седовласого простолюдина. Его пантомиму сложно назвать танцем, но, тем не менее, там присутствуют те же самые движения – переступы с одной ноги на другую, подпрыгивания со взмахом рук вверх. Разумеется, его неточные и тяжелые движения, трясущиеся руки, бесконечные падения обусловлены ролью и амплуа, установкой на комический эффект.

Антропоморфные маски, изображающие главных божеств (докшитов, гениев-хранителей буддийской веры), духов-покровителей определённой местности, в зависимости от роли и смысла, который в них вкладывался, имели свой рисунок танца. Так, маска докшита Чжамсарана, наделённая тремя глазами, четырьмя клыками, торчащими из открытого рта, требовала особой пластики – это была медленная, торжественная поступь грозного божества. Маски же зооморфные во многом сохраняли

¹ Мистерия Цам в храме Калачакры: видеозапись (из личного архива автора). Улан-Удэ, 2011.

² Там же.

«охотничий» колорит, хотя дополнялись пластикой, обусловленной требованиями театрализованной мистерии. Приведём красочное описание танца Быка и Оленя, принадлежащее Дм. Даурскому: «Под скорый темп музыки бык и олень исполняют быстрый танец, затем приостанавливаются, враждебно смотрят друг на друга и проделывают ряд неприязненных угрожающих движений. С наклоненными головами, яростно потрясая рогами, они готовы броситься один на другого, но ... подошедшая маска “хохимая” не допускает. Они, сдерживая ярость, топчутся на месте и, услышав учащённый темп музыки, начинают стремительный танец на внутреннем круге¹.

Темпоритм движений масок в мистерии во многом определяется, в отличие от ритуальных танцев, характером музыки, исполняемой буддийским оркестром во время представления мистерии Цам.

Если в бурятской борьбе, например, танец Орла исполняется без инструментального аккомпанемента, под свист, крик и стук ладоней, то мистериальные танцы исполняются исключительно под звуки ламаистского оркестра. Инструментарий не особо разнообразен, но имеет деление на группы: ударные, духовые. В состав традиционного тибетского оркестра вошли такие бурятские народные инструменты, как *бишхуур* (деревянный инструмент, по типу и звучанию близок к гобою), *ухэр-бурээ* (большой медный духовой инструмент, представляющий каноническую трубу; традиционно считается, что инструмент предназначен для подражания реву крупного живот-

ного – быка [5, с. 29–30]), *хэнгэрэг* (барабан с деревянным корпусом, обтянутый телячьей кожей; играют деревянными палочками), *дэншик* (две тонкие медные тарелочки, соединённые ремешками между собой, при ударе друг о друга издают мелодичный звон), *дамафа* (ударный инструмент, состоящий из двух деревянных конусообразных барабанчиков, соединённых вершинами конусов, а широкие стороны обтянуты мембраной; к скрепляющей части привязываются на нити кожаные шарики, которые при встряхивании инструмента ударяются об одну и другую мембраны). Если борцы могут импровизационно позволить себе медленные и затяжные движения, то ламы-танцоры полностью зависимы от темпа исполнения музыки.

Достаточно непростым является вопрос о влиянии шаманизма на пластическую культуру бурятского народа. По мнению ряда исследователей, бурятский героический эпос – улигер (у монголов и бурят – общее название для народных сказаний в жанре героико-исторического эпоса), поначалу исполнялся шаманами. Действительно, в мифологический и эпический материал включены шаманские заклинания, призывы духов, а некоторые, мифологические по происхождению, петроглифы и предметы культа обнаруживаются в рисунках на шаманских бубнах, шаманских онгонах, то есть изображениях антропоморфных духов, и т.д. [7, с. 196–197].

Охотничьи танцы, где исполнители, облачившись в шкуру животного, стремились как можно точнее воспроизвести характер его движений, связываются в этнографической литературе «с верованиями бурятских шаманов, с фигурой ша-

¹ *Даурский Дм.* По Забайкалью. Путевые заметки // Сибирь, № 249, от 03.11.1910.

мана, который выступал в них как главное действующее лицо ... многие из подобных игр и увеселений бытовали в форме шаманской мистерии [1, с. 39–40]».

Можем ли мы утверждать, что определённая пластика рук, наклоны головы или движения ног, характерные для шаманских камланий, были заимствованы бурятскими ламами для исполнения мифологических персонажей мистерии Цам? Безусловно, полного копирования и заимствования быть не могло. Ясно одно: буддизм, шаманизм и традиционная культура бурят, бытуя в одной местности, у одного и того же населения, как привнесли каждый своё, так и вобрали в себя те или иные специфические черты различных областей культуры. Также не нужно забывать, что с искусством национальных танцев, традиционной борьбой и играми, театрализованными праздничными увеселениями буряты знакомились с детства, постепенно, в естественных условиях овладевая всеми тонкостями своей культуры.

Так, борьбой занимались с раннего детства, в каждой, даже самой отдалённой части республики любой желающий, в том числе ребёнок, находясь по ту сторону происходящего, наблюдал и ловил своим взглядом каждое движение борца и одновременно становился соучастником данного мероприятия. Всё увиденное мальчики могли повторить у себя во дворе, подражая взрослым борцам. Немногие продолжали заниматься данным видом спорта профессионально, но в качестве любителя пробовал почти каждый. И что немаловажно: сегодняшние ламы-танцоры являются теми самыми ребятами, которые с детства были включены в традиционную культуру.

Таким образом, не случайна параллель между танцами мистерии, национальной борьбой и танцами охотников. Конечно, мистерия Цам пришла из Тибета, где главный кинетический рисунок, без сомнения, заимствован из тибетских религиозных действий (хождение по кругу, плавное движение лам внутри очерченных кругов, кружение на одной и другой ногах, неподвижная стойка в момент высшего напряжения и сосредоточенности на «роли» и т.д.). В мистерии Цам, в соответствии с религиозным канонами, воплощение образа персонажа (визуальное и кинетическое) строго регламентировано, детально расписаны положения рук, ног, головы, спины при передаче необходимой информации о герое. Исполнители нередко как бы воспроизводят иконографические позы божеств буддийского пантеона. При этом традиции и канон, лежащие в основе практически всех видов искусства Востока, не оставались неизменными, они развивались, видоизменялись. И как мы пытаемся показать, движения и жесты танцоров-лам в определённой степени сохраняли элементы традиционной пластики или под воздействием этнической культурной памяти приближали канонические буддийские движения к собственно бурятским традиционным движениям и жестам, подвергая всё это мистериальному осмыслению.

Не стоит забывать и тот факт, что ламы-монахи, обучающиеся в тибетских монастырях, в основном были выходцами из Забайкальских степей. Так что закономерно, что в пластике действующих лиц мистерии Цам, в танцах масок (где-то совершенно явственно, где-то завуалированно) прослеживаются элементы народной хореографии и ритуальной борьбы

бурят. Это, во-первых, особое положение рук, во-вторых, перескакивания с одной ноги на другую, в-третьих, покачивания всего тела из стороны в сторону.

Кроме того, следует иметь в виду, что бурятская традиционная культура лишь в XVIII–XIX веках «подверглась некоторой переработке ламаизмом, завоевавшим к этому времени ведущие позиции в разных областях жизни бурят, особенно забайкальских. Однако эта переработка

часто ограничивалась механической заменой шаманских богов и духов именами персонажей ламаистского пантеона [7, с. 196]», и традиционные многовековые обычаи, обряды, в том числе и особенности национальной пластики, продолжали не только сохраняться, но, видоизменяясь, трансформируясь, влияли на религиозные (ламаистские) действия, в частности, на кинетический рисунок масок мистерии Цам.

Примечания

1. Авдеев А. Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. Москва ; Ленинград, 1959.
2. Асалханова М. В. Истоки сценографии бурятского театра: от обряда до первых профессиональных спектаклей : дис. ... кандидата искусствоведения : 17.00.01 / Асалханова Марина Викторовна ; Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства. Санкт-Петербург, 2005.
3. Батсухийн З., Найдакова В. Ц. Монгольский театр: первая половина XIX века – начало XXI века : краткий очерк. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2006. 319 с.
4. Герасимова К. М., Галданова Г. Р., Очирова Г. Н. Традиционная культура бурят. Улан-Удэ : Бэлиг, 2000.
5. Китов В. В. Оркестр бурятских народных инструментов : История оркестрового исполнительства на бурятских народных инструментах : учебное пособие. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИИ, 2001. 320 с.
6. Манзарханов Э. Е. Особенности пластического искусства в драматическом театре Запада и Востока : дис. ... кандидата искусствоведения : 17.00.01 / Манзарханов Эдуард Евгеньевич. Улан-Удэ, 2006. 197 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия : в двух томах / главный редактор С. А. Токарев. Москва : Советская Энциклопедия, 1987. Том 1. А-К (Корейская мифология). 720 с.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия : в двух томах / главный редактор С. А. Токарев. Москва : Советская Энциклопедия, 1987. Том 2. К (Корибанты) – Я. 671 с.
9. Найдакова В. Ц. Буддийская мистерия Цам в Бурятии / Российская академия наук, Сибирское отделение, Бурятский научный центр, Бурятский институт общественных наук. Улан-Удэ : Бурятский институт общественных наук, 1997. 40 с.
10. Найдакова В. Ц. Народное драматическое творчество бурят // Фольклорный театр народов СССР : [сборник статей] / АН СССР, ВНИИ искусствознания ; отв. ред. О. Н. Кайдалова. Москва : Наука, 1985.
11. Цыбиков Г. Ц. О национальных праздниках бурят // Избранные труды : в двух томах / отв. ред. Р. Е. Пубаев ; Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский институт общественных наук. 2-е издание, перераб. Новосибирск : Наука. Сибирское отд-ние, 1991. Том 2.

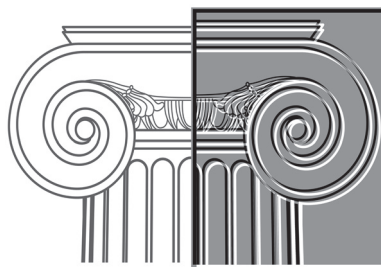
References

1. Avdeev A.D. *Proiskhozhdenie teatra. Elementy teatra v pervobytnoobshchinnom stroe* [Origin of theater. Elements of theater in a primitive-communal system]. Moscow, Leningrad, 1959.

2. Asalkhanova M. V. *Istoki stsenografii buriatskogo teatra: ot obriada do pervykh professional'nykh spektaklei. Diss. kand. iskusstv. [The origins of the scenography of the Buryat theater: from the rite to the first professional performances. Cand. history of arts sci. diss.]*. St. Petersburg, 2005.
3. Batsukhiin Z., Naidakova V. Ts. *Mongol'skii teatr: pervaiia polovina XIX veka – nachalo XXI veka. Kratkii ocherk [Mongolian theater: the first half of the 19th century – the beginning of the 21st century. Short sketch]*. Ulan-Ude, Publishing house of East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2006. 319 p.
4. Gerasimova K. M., Galdanova G. R., Ochirova G. N. *Traditsionnaia kul'tura buriat [Traditional culture of the Buryats]*. Ulan-Ude, 2000.
5. Kitov V. V. *Orkestr buriatskikh narodnykh instrumentov. Istoriiia orkestrivogo ispolnitel'stva na buriatskikh narodnykh instrumentakh [Orchestra of Buryat folk instruments. History of orchestral performance on Buryat folk instruments]*. Ulan-Ude, Publishing house of East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2001. 320 p.
6. Manzarkhanov E. E. *Osobennosti plasticheskogo iskusstva v dramaticheskome teatre Zapada i Vostoka. Diss. kand. iskusstv. [Features of plastic art in drama theater of the West and East. Cand. history of arts sci. diss.]*. Ulan-Ude, 2006. 197 p.
7. Tokarev S. A., ed. *Mify narodov mira. Entsiklopediia. V 2 tomakh. Tom 1 [Myths of people of the world. Encyclopedia. In 2 volumes. Vol. 1]*. Moscow, State Scientific Publishing House "The Soviet Encyclopedia", 1987. 720 p.
8. Tokarev S. A., ed. *Mify narodov mira. Entsiklopediia. V 2 tomakh. Tom 2 [Myths of people of the world. Encyclopedia. In 2 volumes. Vol. 2]*. Moscow, State Scientific Publishing House "The Soviet Encyclopedia", 1987. 671 p.
9. Naidakova V. Ts. *Buddiiskaia misteriiia Tsam v Buriatii [Buddhist mystery Tsam in Buryatia]*. Ulan-Ude, Publishing house of Buryat Institute of Social Sciences, 1997. 40 p.
10. Naidakova V. Ts. *Narodnoe dramaticheskoe tvorchestvo buriat [Folk drama art is drilled]*. In: Kaidalova O. N., ed. *Fol'klornyii teatr narodov SSSR. Sbornik statei [Folklore theater of the people of the USSR. Collection of articles]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1985.
11. Tsybikov G. Ts. *O natsional'nykh prazdnikakh buriat [On the national holidays of the Buryats]*. *Izbrannye trudy, v 2 tomakh. Tom 2 [Chosen works, in 2 volumes. Vol. 2]*. 2nd edition. Novosibirsk, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1991.

*

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ИТОГОВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

УДК 316.4:93

Е. В. Литовкин

Московский государственный институт культуры, Рязанский филиал

В статье рассматриваются различные точки зрения на итоги Октябрьской социалистической революции в России 1917 года как для страны в целом, так и в сфере социально-культурной деятельности. Дается авторское толкование причин такого явления. По мнению автора, одной из важных причин такого положения является отсутствие в обществе и на государственном уровне общепризнанной оценки итогов Октябрьской революции, а также наличие в исторической науке субъективного элемента, что способствует формированию различных взглядов.

В статье также показаны отрицательные и положительные итоги Октябрьской революции в области социально-культурной сферы на начальном этапе Советской страны и в последующие годы, когда предпринимались многие действия и решения, способствующие не только развитию досуговой сферы, но и её превращению в средство насаждения коммунистической идеологии, коммунистического воспитания широких народных масс.

Ключевые слова: история, революция, многообразие взглядов, причины и итоги революции в России, социально-культурная деятельность.

E. V. Litovkin

Moscow State Institute of Culture, Ryazan branch, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Lenina str., 1/70, 390023, Ryazan, Ryazan region, Russian Federation

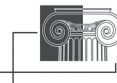
DEVELOPMENT OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY IN THE LIGHT OF THE RESULTS OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

The article examines various points of view on the results of the October Socialist Revolution in Russia in 1917, both for the country as a whole and for social and cultural activities. Author's interpretation of the reasons for this phenomenon is given. In the opinion of the author, one of the important reasons for this situation is the absence in the society and at the state level of a generally

ЛИТОВКИН ЕГОР ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности факультета организации и управления Московского государственного института культуры (Рязанский филиал)

LITOVKIN EGOR VASILYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of social and cultural activities, Faculty of the organization and management, Moscow State Institute of Culture, Ryazan branch

e-mail: egor.litovkin@mail.ru
© Литовкин Е. В., 2017

recognized evaluation of the results of the October Revolution, as well as the presence of a subjective element in historical science, which contributes to the formation of different views. The article also shows the negative and positive results of the October Revolution in the social and cultural sphere at the initial stage of the Soviet state and in subsequent years. When many actions and decisions were taken that contributed not only to the development of the leisure sector, but also its transformation into a means of implanting communist ideology, the communist education of the broad masses of the people.

Keywords: history, revolution, diversity of views, causes and results of the Revolution in Russia, social and cultural activity.

Для цитирования: Литовкин Е. В. Развитие социально-культурной деятельности в свете итогов Октябрьской революции 1917 года // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 132–139.

Социально-культурная деятельность в России прошла долгий исторический путь, где советский период занимает большое место. К сожалению, данный период ещё не нашел должного научного осмысления как с положительных, так и отрицательных сторон. Сегодняшняя социально-культурная деятельность прямо или опосредованно вбирает в себя и развивает весь опыт прошлого, в том числе и советский, который является частью её сущности, итогом научно-практической деятельности предшествующих поколений. Поэтому изучение советского периода истории социально-культурной деятельности является важным условием объективного понимания природы и своеобразия нынешней социально-культурной деятельности как социокультурного и педагогического явления.

Интерес к советскому периоду вообще и социально-культурной деятельности в частности возрос в связи с проведением в стране различных мероприятий, посвященных 100-летию Октябрьской революции 1917 года, которые ещё раз подтвердили наличие в нашем обществе различных взглядов на её итоги. К юбилею революции было издано большое количество книг, монографий, статей,

проведено множество «круглых столов», теле- и радиопередач, и в большинстве случаев в них содержатся диаметрально противоположные мнения. Одни отмечают огромное положительное значение революции для нашей страны, и даже человечества, другие считают, что она отбросила Россию на десятилетия назад¹.

Большое количество авторов отмечает всемирно-историческое значение этого события. Потому что материалистические идеи марксизма-ленинизма якобы не утратили своего значения и поныне. Так, Китай, Куба продолжают строить социализм, а реформаторы Латинской Америки, Африки и Азии вдохновляются идеями этого учения. Следует признать, что революция в России кардинально повлияла на социальную политику западных стран в отношении улучшения положения широких народных масс, способствовала разрушению колониальной системы, содействовала поиску новых путей общественного развития в противовес марксистско-ленинским идеям, например, таких, как конверген-

¹ См. публикации И. Р. Тагирова [4], А. С. Тимошина [5], Д. О. Чуракова [6]; цикл передач на ТВ «Культура» Феликса Разумовского «Кто мы?» и другие.

ция, общество всеобщего благоденствия и другие.

Противники этой точки зрения считают революцию 1917 года трагедией для России, потому что она унесла жизни миллионов невинных людей, уничтожила интеллектуальный и материальный потенциал России, накопленный за многовековую историю страны, противопоставила себя всему миру, отвергла преемственность в духовной сфере. Вожди революции вознамерились переделать человека, отвергли религию, семью, частную собственность, деньги и т.д. Для достижения своих социально-политических целей использовали насилие, жестокость. Это привело к замкнутости страны, бесправию, диктатуре во всех сферах жизни, экономическому развалу и застою.

Есть сторонники и другой точки зрения, которые считают, что эти методы и негативные явления свойственны всем революциям, что это как неизбежность их начального этапа. И что на последующих стадиях это компенсируется не только восстановлением утерянного, разрушенного, но и приведёт к созданию более справедливого общества, социально-экономическому, духовному развитию страны.

И действительно, революции приводят к определённым положительным изменениям, устраняя некоторые негативные формы общественной и экономической жизни страны. Но при этом умалчивается существенный факт – какой ценой это достигнуто. И если поставить на весы истории достижения и заплаченную цену за них с моральной точки зрения, где человек является главной ценностью, то станет очевидной несоиз-

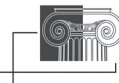
меримость утраченного с достижениями революционных преобразований.

В этом многоголосии взглядов на Октябрьскую революцию 1917 года в России нам видится не только историческая и политическая актуальность данного события, но ещё в большей степени педагогическая значимость.

Как известно, история обладает мощным воспитательным ресурсом, особенно по отношению к детям, молодёжи, студентам. А если учесть тот факт, что многие авторы западных стран стремятся представить нашу страну и наших людей жестокими, отсталыми, становиться понятным, насколько это важно объективно, с научных позиций и без эмоций подходить к оценке итогов Октябрьской революции 1917 года, как и к истории страны в целом.

В связи со столетием Октябрьской революции 1917 года в России нам, педагогам, студенты часто задают такие вопросы: почему произошла Октябрьская социалистическая революция в России; почему была такая жестокость; почему так много различных точек зрения на революционные события; каковы итоги революции 1917 года и другие. Мы выскажем своё мнение на эти и прочие вопросы.

Человечество уже не одно столетие ищет такое устройство общества, в котором не было бы эксплуатации, были бы все равны и счастливы. Одной из таких красивых идей и была идея Маркса о построении на земле коммунистического общества. Говорят, что, когда с этой идеей познакомился первый канцлер Германии Отто фон Бисмарк, то он сказал, что это интересная идея, вот бы её опробовать в какой-либо стране, которую не

жалко, например в России. А поскольку и другие западные страны были заинтересованы в ослаблении России, то они прямо или косвенно способствовали революционному движению в России.

Безусловно, главная причина революции в России – это внутренние социально-экономические, духовные проблемы страны, прежде всего – нерешённый земельный вопрос, потому что 85% населения составляло крестьянство, а также ошибочное вступление России в Первую мировую войну, которая обострила все проблемы страны, вызвала голод и послужила спусковым крючком для революции.

Эту мысль недавно подтвердил в беседе на телевидении сегодняшний секретарь Дома Романовых Александр Закастов, заявив, что было допущено большое количество ошибок как со стороны царского правительства, так и со стороны большевиков.

Многообразие современных толкований исторических событий 1917 года в России и советского периода вообще вытекает, по нашему мнению, из трёх важнейших положений.

Первое – это конституционное право граждан России. Так, в 13 статье Конституции Российской Федерации (1993) записано:

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Также в Конституции обращается внимание на то, что в стране должно быть толерантное отношение к различным мировоззрениям, идеологиям, ценностным ориентациям.

Это право позволило по-разному оценивать и истолковывать исторические события, что мы и наблюдаем сегодня. Это относится не только к советскому периоду, но и вообще к истории России. Так, период Ивана IV, Петровские реформы в России по-разному оцениваются историками, хотя и прошло уже много веков. Одни авторы считают методы Ивана Грозного варварскими, реформы Петра I насильственными, а Н. А. Бердяев называл их большевистскими.

При этом следует обратить особое внимание на то, что конституционное право на многообразие мнений относится не только к гражданам, партиям, обществам, но и к государству, которое имеет право на собственную идеологию, политику и претворение их в жизнь в рамках законодательного права.

Также необходимо признать, что ещё у многих людей, и особенно чиновников, воспитанных в советском единомыслии, многообразие мнений вызывает раздражение, недоумение. Это свидетельствует о том, что в нашем обществе ещё у многих не сформировалось толерантное отношение к другим идеям, взглядам, другим точкам зрения.

Вторая особенность многообразия взглядов на революцию связана с тем, что история как наука содержит в себе не только объективные знания (время, пространство, факты), но и субъективные истолкования историками (авторами) объективных фактов. Другими словами, в истории как общественной науке имеет место элемент субъективности. И тому можно найти много примеров. Так, российскими и зарубежными историками совершенно по-разному трактуются события Первой и Второй мировых войн.

Или ещё пример: в годы советской власти украинский Бандера рассматривался как предатель, а сегодня на Украине он считается национальным героем, которому ставятся памятники.

Третья особенность многообразия взглядов на революцию 1917 года заключается в том, что её последствия, как и вообще всех революций, носят как положительный, так и отрицательный характер. К сожалению, в общественном сознании, средствах массовой информации, книгах наша революция чаще всего рассматривается односторонне, преувеличиваются её достижения или всё представляется в негативном свете. То есть нет диалектического подхода к итогам революции, а именно – показа как положительных, так и отрицательных последствий.

И не только для объективности, но и для воспитания детей, подростков, молодёжи нельзя ударяться в крайность. Если мы будем под видом объективности излагать, показывать только негативные стороны нашей истории, что, к сожалению, сегодня имеет место быть и что делают западные страны, то нетрудно догадаться, какое представление о нашей стране, о нас сложится и кто такую страну будет уважать. И самое главное – на чём будет формироваться мировоззрение наших детей, подростков, молодёжи?

И наоборот, если будем захваливать итоги Октябрьской революции 1917 года, то у молодёжи будет складываться не объективное и даже лживое представление о прошлом.

Более обобщённый и объективный подход к оценке Октябрьской революции 1917 года в России дали официальные лица государства. Так, Президент Рос-

сийской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию сказал, что «уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия», а также обратил внимание на то, что «и в культуре, и в политике, в СМИ и общественной жизни, в полемике по экономическим вопросам никто не может запретить свободно мыслить и открыто высказывать свою позицию [3]».

Министр культуры России В. Р. Мединский в речи на открытии «круглого стола» «Сто лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации» предложил для общественного обсуждения пять тезисов: «признание преемственности исторического развития от Российской империи через СССР к современной Российской Федерации; осознание трагизма общественного раскола; уважение к памяти героев обеих сторон, искренне отстаивавших свои идеалы и невинных в массовых репрессиях и военных преступлениях; осуждение идеологии революционного или контрреволюционного террора; понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутривосточной борьбе [2]».

Также надо признать, что за годы советской власти в стране были значительные успехи и достижения в различных областях, в том числе и в сфере социально-культурной деятельности. Так, революция 1917 года способствовала преобразованию России из аграрной страны в индустриальную, была ликвидирована неграмотность, создана сеть школ, средних и высших учебных заведений. Революция активизировала широкие народные массы в сфере культуры, творчества,

была создана государственная досуговая сфера, которая называлась сначала внешкольное образование, с 1920 года – политико-просветительная работа, с 1946 года – культурно-просветительная работа, с 1985 года – культурно-досуговая деятельность, а с 1994 года – социально-культурная деятельность.

До советской власти государственной досуговой сферы, как таковой, не было, были общественные организации, частные и некоторые государственные учреждения, деятельность отдельных людей в этой области.

После революции в январе 1918 года при Наркомпросе был создан Внешкольный отдел, который должен был создать государственную сеть внешкольных учреждений по всей стране и контролировать её деятельность.

В 1918 году в Петербурге был открыт Институт внешкольного образования, который положил начало подготовки профессиональных кадров для досуговой сферы, а в июне 1930 года начал свою работу Московский государственный библиотечный институт, который в 1964 году был переименован в Московский государственный институт культуры [1, с. 113].

В 1919 году состоялся Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, который заложил научные основы нашей сферы. На съезде были приняты две важные резолюции:

- первая резолюция «О научной постановке вопросов внешкольного образования», в которой ставилась задача научной разработки методов и организационных форм внешкольного образования и создания Экспериментального научно-исследовательского института;

- вторая резолюция «О теории внешкольного образования», в которой отмечалось, что теория внешкольного образования является частью общей теории народного образования, которая получила название андрагогика (образование и воспитание взрослых).

К сожалению, в 1930-е годы началась жесткая идеологизация досуговой сферы. В науке стала отрицаться альтернативность взглядов, что привело к догматизму и к свертыванию научных исследований.

Много было сделано советским государством для развития нашей сферы в послевоенные годы. Досуговая сфера была выделена из системы образования в самостоятельную область, что способствовало более эффективному решению многих организационно-управленческих, кадровых и методических вопросов. Была определена сеть культурно-просветительных учреждений для каждого типа поселения (село, районный и областной центр). В каждом селе должны были быть сельский клуб или изба-читальня, сельская библиотека, а в районном центре – районный Дом культуры, районная библиотека, детская библиотека, кинотеатр, парк культуры и отдыха, танцевальная площадка, стадион, Дворец пионеров. С переходом страны на 41-часовую рабочую неделю увеличилось количество свободного времени, что способствовало распространению самодеятельного художественного творчества, в котором участвовали десятки миллионов человек. Широкое развитие получили радио, кино, телевидение.

В каждой области были открыты средние учебные заведения и постоянно действующие курсы повышения квалифи-

кации работников культуры и культурно-просветительных учреждений. В 1949 году в библиотечных институтах были открыты факультеты культурно-просветительной работы, а в 1960-е годы библиотечные институты были переименованы в институты культуры, сеть которых стала активно развиваться.

Нельзя не сказать и о больших достижениях Советской страны в области высшего профессионального образования. Так, по признанию зарубежных специалистов, в Советском Союзе была создана лучшая в мире система художественного образования. Во всём мире востребованы наши музыканты, дирижёры, хореографы. К сожалению, эту лучшую советскую систему художественного образования за годы перестройки разрушили бесконечными реформами. То же самое можно сказать и о системе общего образования. Когда в СССР запустили первого человека в космос, американцы

стали искать причину, почему не они это сделали, и, проанализировав, пришли к выводу, что отстают в образовании. У китайцев, например, до сих пор применяется советская система образования с использованием элементов бакалавриата и британской системы образования.

История нашей страны несколько не хуже и не лучше историй западных стран, в ней содержится много негативного, о чём сожалеем, и много того, чем должны гордиться. Главное, чтобы мы из своего минувшего делали правильные выводы и не повторяли ошибки прошлого. А социально-культурная деятельность, как правильно заметил Н. Н. Ярошенко, «должна быть по достоинству оценена государством и обществом как мощный инструмент консолидации и накопления созидательного потенциала национальной идентичности россиян. Ибо эта задача из истории и настоящего всем своим содержанием устремлена в будущее [7, с. 76]».

Примечания

1. *Абрамов К. И.* История Московского государственного университета культуры и искусств (1930–1941 гг.) / под общ. ред. Э. К. Беспаловой. Москва : МГУКИ, 2002. 131 с.
2. *Мединский В. Р.* Речь на открытии «круглого стола» «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации» [Электронный ресурс] // Российское военно-историческое общество : [веб-сайт]. Электрон. дан. 20 мая 2015 года. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-1721>
3. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://base.garant.ru/71552000/>
4. *Тагиров И. Р.* О цивилизационных уроках российской революции // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2013. № 3. С. 162–168.
5. *Тимошин А. С.* Русская идентичность как причина Октябрьской революции 1917 года (к 100-летию Октябрьской революции) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). С. 78–81.
6. *Чураков Д. О.* 1917 год: Русская государственность в эпоху смут, реформ и революций. Москва : Прометей, 2017.
7. *Ярошенко Н. Н.* Потенциал социально-культурной деятельности в процессе формирования национальной идентичности россиян // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 70–78.

References

1. Abramov K. I. *Istoriia Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (1930–1941 gg.)* [History of Moscow State University of Culture and Arts (1930–1941)]. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2002. 131 p.
2. Medinsky V. R. *Rech' na otkrytii kruglogo stola “100 let Velikoi rossiiskoi revoliutsii: osmyslenie vo imia konsolidatsii”* [The speech at opening of a round table “100 years of the Great Russian revolution: judgment for consolidation”]. Available at: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-1721>
3. *Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniuu ot 1 dekabria 2016 goda* [The message of the Russian President V. V. Putin to Federal Assembly of December 1, 2016]. Available at: <http://base.garant.ru/71552000/>
4. Tagirov I. R. About civilization lessons of the Russian revolutions. *Bulletin of Kazan state university of culture and arts*. 2013, no. 3, pp. 162–168. (In Russian)
5. Timoshin A. S. Russian Identity as a Cause of the October Revolution of 1917 (to the 100th Anniversary of the October Revolution). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017, no. 1 (397), pp. 78–81. (In Russian)
6. Churakov D. O. *1917 god: Russkaia gosudarstvennost' v epokhu smut, reform i revoliutsii* [1917: The Russian statehood during an era of distempers, reforms and revolutions]. Moscow, Publishing House “Prometheus”, 2017.
7. Yaroshenko N. N. Potential of welfare activity in the course of formation of national identity of Russians. [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 4 (60), pp. 70–78. (In Russian)

*

К ВОПРОСУ ТРУДОУСТРОЙСТВА ГРАЖДАН С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 304.4:364

Е. Н. Благирева

Российская государственная специализированная академия искусств

В статье проводится анализ общественных отношений, связанных с реализацией в Российской Федерации права на труд гражданами с инвалидностью, а также определены основные механизмы совершенствования законодательства Российской Федерации в данной сфере.

Ключевые слова: качество жизни, образование, культурные ценности и культурные блага, возможности, создание специальных условий, конкурентоспособность, эффективность.

E. N. Blagireva

Russian State Specialized Academy of Arts (RSSAA), Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Rezervyuy proezd, 12, 121165, Moscow, Russian Federation

ON THE ISSUE OF EMPLOYMENT OF PERSONS WITH DISABILITIES IN RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the social relations associated with the implementation in the Russian Federation the right to work of citizens with disabilities, and identified the main mechanisms of improvement of the legislation of the Russian Federation in this sphere.

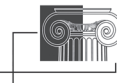
Keywords: quality of life, education, items of cultural value and cultural benefits, accessibility, creation of special conditions, competitiveness, efficiency.

Для цитирования: Благирева Е. Н. К вопросу трудоустройства граждан с особыми потребностями в Российской Федерации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 140–146.

БЛАГИРЕВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, доцент, первый проректор – проректор по общественным связям и социальным проектам Российской государственной специализированной академии искусств, Советник Министра культуры Российской Федерации на общественных началах

BLAGIREVA ELENA NIKOLAEVNA – Ph.D. (Economics), Associate Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector for Public Relations and Social Projects of The Russian State Specialized Academy of Arts (RSSAA), Counsellor to the Minister of Culture of the Russian Federation on a voluntary basis

e-mail: rgsai@mail.ru
© Благирева Е. Н., 2017

В Российской Федерации проживает около 12,6 млн инвалидов, подавляющее большинство из них – лица пенсионного возраста.

На сегодняшний день трудовой потенциал граждан с особыми потребностями составляет чуть меньше одного миллиона трудоспособного возраста, или 25% от их численности. В целом по стране существует 33 тыс. квот для трудоустройства инвалидов, из них инвалидами заняты лишь 11 тыс. рабочих мест. При этом около 22 тыс. рабочих мест являются невостребованными со стороны инвалидов [7].

Основная проблема состоит в том, что экономика предоставляет рабочие места инвалидам по остаточному принципу (это, как правило, низко квалифицированные и недостаточно оплачиваемые рабочие места).

Профессиональная подготовка лиц с инвалидностью и их трудоустройство должны быть тесно взаимосвязаны.

Приоритетными направлениями подготовки кадров должны стать востребованные на рынке труда и, соответственно, хорошо оплачиваемые специальности.

Проблеме трудоустройства инвалидов в Российской Федерации уделяется особое внимание на государственном уровне.

В частности, в ходе состоявшейся 5 декабря 2017 года в Российской государственной специализированной академии искусств встречи Президента Российской Федерации В. В. Путина с представителями общественных организаций инвалидов и профессиональных и экспертных сообществ было уделено особое внимание проблемам трудоустройства инвалидов.

По итогам встречи Правительству Российской Федерации даны поручения по корректировке программ профессиональной подготовки лиц с инвалидностью и совершенствованию механизмов трудоустройства инвалидов в сфере бизнеса и производства с тем, чтобы рабочие места предоставлялись инвалидам по уровню их квалификации, а не по остаточному принципу [7].

Особое внимание при решении вопросов повышения уровня занятости лиц с инвалидностью необходимо уделять совершенствованию взаимодействия образовательных организаций и работодателей.

В Российской Федерации обеспечение конституционного права граждан с особыми потребностями на труд – задача государственного значения.

Проблема трудоустройства инвалидов является одной из первостепенных в деле комплексного процесса их реабилитации.

Законодательством Российской Федерации закреплён необходимый уровень правовых гарантий для инвалидов по их трудоустройству.

В частности, ст. 21 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусмотрено, что работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приёма на работу инвалидов в размере от 2 до 4 процентов среднесписочной численности работников. Работодателям, численность работников которых составляет не менее чем 35 человек и не более чем 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации

Федерации может устанавливаться квота для приёма на работу инвалидов в размере не выше 3 процентов среднесписочной численности работников [4].

Согласно Закону города Москвы от 22 декабря 2004 года № 90 «О квотировании рабочих мест» для работодателей, среднесписочная численность работников которых составляет более 100 человек, устанавливается квота в размере 2 процентов от среднесписочной численности для трудоустройства инвалидов [2]. В Ярославской области для работодателей, численность работников которых превышает 100 человек, установлена квота для приёма на работу инвалидов в размере 4 процентов от среднесписочной численности работников [3].

Вместе с тем, даже при наличии на рынке труда вакансий и квотирования рабочих мест, трудоустройство инвалидов на практике затруднено, поскольку предоставляемые рабочие места не учитывают особенности ограничений их жизнедеятельности.

Государством предпринимаются определённые меры, направленные на повышение уровня трудоустройства инвалидов до среднего показателя по всем категориям безработных граждан.

К 2020 году Минтруд России ставит задачу удвоить численность занятости инвалидов [8].

Достижение указанной цели станет возможным только благодаря слаженной работе государственных структур и работодателей при комплексном подходе в решении этой сложной проблемы.

Во-первых, Минтрудом России разработан законопроект по сопровождению граждан с особыми потребностями при решении вопросов занятости, пред-

усматривающий установление механизма реализации органами службы занятости полномочий по выполнению региональных программ содействия занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе инвалидов [6].

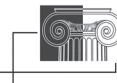
Во-вторых, прорабатывается вопрос принципиального изменения механизма квотирования рабочих мест для граждан с особыми потребностями, где для работодателей предусмотрены поощрения в связи с созданием новых или сохранением имеющихся рабочих мест для данной категории населения.

В-третьих, разрабатываются стимулы для работодателей, которые примут граждан с особыми потребностями сверх квоты.

Кроме того, в целях оказания методической помощи государственным учреждениям службы занятости населения, работодателям, профессиональным сообществам, образовательным и другим организациям по исключению случаев проявления дискриминации при решении вопросов занятости инвалидов приказом Минтруда России от 9 ноября 2017 года № 777 утверждены методические рекомендации по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости [5].

Министерство образования и науки Российской Федерации активно проводит работу по профориентации и профессиональной подготовке, в частности посредством проведения Национального чемпионата конкурсов профессионального мастерства для людей с инвалидностью «Абилимпикс».

Министерство культуры России, в свою очередь, координирует деятельность организаций отрасли культуры по

достижению максимальных показателей в части трудоустройства инвалидов.

Вопросы обеспечения прав инвалидов, в том числе права на труд, находятся в Минкультуры России на постоянном контроле.

В целях неукоснительного выполнения положений законодательства Российской Федерации и нормативных правовых актов по вопросам занятости инвалидов и обеспечения доступной среды Минтсёрством культуры России предусмотрена персональная ответственность руководителей организаций отрасли культуры.

Показатель трудоустройства инвалидов включен в планы мероприятий («дорожные карты») по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг организаций отрасли культуры.

В сфере культуры и искусства сложилась уникальная система подготовки кадров, при которой обучающиеся уже в процессе освоения образовательной программы и прохождения практики участвуют в деятельности творческих коллективов, что в большинстве случаев гарантирует их трудоустройство после окончания обучения в вузе.

При этом значительная часть из числа профессорско-преподавательского состава вузов отрасли культуры одновременно работает в учреждениях культуры (театральных, концертных организациях и т.д.), что также способствует дальнейшему трудоустройству выпускников в данные учреждения культуры.

При рассмотрении вопроса трудоустройства инвалидов в организации отрасли культуры необходимо учитывать специфику деятельности данных орга-

низаций, характеризующуюся наличием определённых требований к состоянию здоровья и физическим данным сотрудников, в связи с чем работа лиц с инвалидностью по целому ряду должностей не представляется возможной.

Согласно данным, полученным Минкультуры России по результатам проведения мониторинга доступности культурных благ для инвалидов в 2016 году, квоты по созданию рабочих мест для инвалидов в среднем обеспечили 46% организаций отрасли культуры, в том числе:

- 70% парков культуры и отдыха;
- 67% образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минкультуры России, и 33% образовательных организаций высшего образования субъектов Российской Федерации;
- 65% кинотеатров и кинозалов;
- 56% библиотек, подведомственных Минкультуры России, и 56% библиотек субъектов Российской Федерации;
- 54% музеев, подведомственных Минкультуры России, и 51% музеев субъектов Российской Федерации;
- 50% детских школ искусств;
- 43% цирковых организаций субъектов Российской Федерации;
- 19% зоопарков;
- 17% театральных и концертных организаций, подведомственных Минкультуры России, и 25% театральных и концертных организаций субъектов Российской Федерации;
- 10% подведомственных Минкультуры России профессиональных образовательных организаций и 90% профессиональных образовательных организаций субъектов Российской Федерации.

При этом количество сотрудников-инвалидов в организациях отрасли куль-

туры в России составляет 15 178 человек, из них:

- 5 658 человек в театральных, концертных организациях и культурно-досуговых учреждениях;
- 3 693 человека в библиотеках;
- 2 036 человек в детских школах искусств;
- 2 030 человек в музеях;
- 538 человек в профессиональных образовательных организациях отрасли культуры;
- 476 человек в вузах отрасли культуры;
- 308 человек в парках культуры и отдыха;
- 251 человек в цирках;
- 188 человек в кинотеатрах и кинозалах [9, с. 206–231].

В целях осуществления системной работы по повышению уровня занятости инвалидов в сфере культуры и искусства Министерством культуры России приняты следующие меры:

1. Создана база вакансий в организациях отрасли культуры всех организационно-правовых форм, содержащая в том числе вакансии для инвалидов [1].

Данная база вакансий активно используется как гражданами, ищущими работу, так и работодателями. В настоящее время на уровне органов управления культурой субъектов Российской Федерации осуществляется работа по формированию региональных баз вакансий в организациях отрасли культуры.

2. Создаются дополнительные условия мотивации инвалидов к занятию творческой деятельностью, а также для совершенствования системы выявления и сопровождения молодых дарований в целях их профессионального становления и развития, в том числе посредством формирования всероссийской базы данных лауреатов творческих инклюзивных конкурсов.

3. Прорабатывается вопрос создания Инклюзивного Дома искусств как экспериментальной площадки по распространению инновационных инклюзивных методик и практик обучения по образовательным программам в области искусств, для обмена профессиональным опытом, творческими достижениями, а также для трудоустройства творчески одарённых лиц с инвалидностью.

Примечания

1. Данные о вакансиях в организациях сферы культуры и искусства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Минкультуры России : [веб-сайт]. Электрон. дан. 2 сентября 2017 года. URL: <https://www.mkrf.ru/press/current/vacancy/> (дата обращения: 17.11.2017).
2. О квотировании рабочих мест : закон города Москвы от 22.12.2004 года № 90 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2005. № 3.
3. О квотировании рабочих мест : постановление Губернатора Ярославской области от 21.12.2004 года № 859 // Губернские вести. 2004. № 71.
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 года № 181-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563.
5. Об утверждении методических рекомендаций по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости: приказ Минтруда России от 09.11.2017 года № 777 // Официальные документы в образовании : бюллетень. 2017. № 33 (641), ноябрь.

6. Проект федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 года № 1032-1 “О занятости населения в Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // Единый портал раскрытия информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://www.regulation.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2017).
7. Стенограмма встречи Президента Российской Федерации В. В. Путина с представителями инвалидного сообщества 05.12.2017 года в Российской государственной специализированной академии искусств [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 5 декабря 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56277> (дата обращения: 06.12.2017).
8. Стенограмма выступления Министра труда и социальной защиты Российской Федерации Максима Топилова на заседании Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. 9 марта 2017. URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/2> (дата обращения: 06.12.2017).
9. Якунов А. Н., Блазирева Е. Н. Доступность культурных благ для инвалидов в Российской Федерации в 2016 году : научное исследование. Москва : Научная библиотека, 2017. 774 с.

References

1. *Dannyye o vakansiyakh v organizatsiyakh sfery kul'tury i iskusstva Rossiyskoy Federatsii [Data on vacancies in the organizations of the sphere of culture and art of the Russian Federation]*. Available at: <https://www.mkrf.ru/press/current/vacancy/> (accessed: 17.11.2017).
2. О квотировании рабочих мест: закон города Москвы от 22.12.2004 года № 90 [About quoting of jobs: law of the city of Moscow from 12/22/2004 years No. 90]. *Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy [Bulletin of the Mayor and Government of Moscow]*. 2005, no. 3.
3. О квотировании рабочих мест: постановление Губернатора Ярославской области от 21.12.2004 года № 859 [About quoting of jobs: resolution of the Governor of the Yaroslavl region from 12/21/2004 of year, No. 859]. *Gubernskie vesti [Provincial bulletin]*. 2004, no. 71.
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1995 года № 181-FZ [About social protection of disabled people in the Russian Federation: federal law from 11/24/1995 of year No. 181-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Russian Federation Code]*. 1995, no. 48, art. 4563.
5. Об утверждении методических рекомендаций по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости: приказ Минтруда России от 09.11.2017 года № 777 [About the approval of methodical recommendations about identification of signs of discrimination of disabled people at the solution of questions of employment: order of Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation from 11/9/2017 of year, No. 777]. *Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii: biulleten [Official documents in education: bulletin]*. 2017, no. 33 (641).
6. *Proekt federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 19 aprelya 1991 goda № 1032-1 “O zaniyatosti naseleniia v Rossiiskoi Federatsii” [The draft federal law “About introduction of amendments to the Law of the Russian Federation of April 19, 1991 No. 1032-1 “About employment of the population in the Russian Federation”]*. Available at: <http://www.regulation.gov.ru> (accessed: 06.12.2017).
7. *Stenogramma vstrechi Prezidenta Rossiiskoi Federatsii V. V. Putina s predstaviteliami invalidnogo soobshchestva 05.12.2017 goda v Rossiiskoi gosudarstvennoi spetsializirovannoi akademii iskusstv [The shorthand report of a meeting of the President of the Russian Federation V.V. Putin with representatives of community for disabled 12/5/2017 years in the Russian State*

Specialized Academy of Arts (RSSAA)]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56277> (accessed: 06.12.2017).

8. *Stenogramma vystupleniia Ministra truda i sotsial'noi zashchity Rossiiskoi Federatsii Maksima Topilina na zasedanii Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii* [The shorthand report of a speech of the Minister of Labour and Social Protection of the Russian Federation Maxim Topilin at a meeting of the Government of the Russian Federation]. Available at: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/2> (accessed: 06.12.2017).

9. Yakupov A. N., Blagireva E. N. *Dostupnost' kul'turnykh blag dlia invalidov v Rossiiskoi Federatsii v 2016 godu: nauchnoe issledovanie* [Availability of the cultural benefits for disabled people in the Russian Federation in 2016: scientific research]. Moscow, Publishing house "Scientific library", 2017. 774 p.

*

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

УДК 37.035

О. Ю. Мацукевич¹, М. В. Салтыкова²

¹Московский государственный институт культуры

²Академия гражданской защиты МЧС России

В статье анализируется процесс формирования патриотизма на основе интериоризации ценностей духовной культуры, выраженных в категориях и формах русского языка. Особую актуальность приобретает этнофункциональный подход, подразумевающий изучение русского языка с целью формирования тезауруса языковой личности, языковых концептов, определяющих духовные ценности этноса, включающих понятийные, образные, поведенческие и культурные измерения; национальное воспитание, отказ от воспитания по западному образцу; приобщение к русской культуре.

Ключевые слова: патриотизм, глобализм, языковая личность, воспитание, менталитет, русский язык, национальная идентичность.

O. Yu. Matsukevich¹, M. V. Saltykova²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²Academy of Civil Defence Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, The Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, microdistrict Novogorsk, 141435, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

FORMATION OF YOUTH PATRIOTISM IN THE PROCESS OF EDUCATION OF LANGUAGE PERSONALITY: ETHNO-FUNCTIONAL APPROACH

Patriotism formation process based on supersubstantial cultural values interiorization expressed in the categories and forms of Russian language is analyzed in this article. Ethnofunctional approach which imply studying of the Russian language to form language personality's thesaurus, language

¹МАЦУКЕВИЧ ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

MATSUKEVICH OLGA YURYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of the Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

²САЛТЫКОВА МАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат педагогических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии гражданской защиты МЧС России

SALTYKOVA MARINA VIKTOROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), scientific employee of the Research Center, Academy of Civil Defence Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

e-mail: olgmats@yandex.ru¹, saltuikovamarina@mail.ru²

© Мацукевич О. Ю., Салтыкова М. В., 2017

concepts determining/defining ethos's supersubstantial values including conceptual, figurative, behavioral and cultural dimensions, ethnic upbringing, rejection of the western way of bringing up, introducing to the Russian culture.

Keywords: patriotism, globalism, language personality, education, mentality, Russian, national identity.

Для цитирования: Мацукевич О. Ю., Салтыкова М. В. Формирование патриотизма молодёжи в процессе воспитания языковой личности: этнофункциональный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 147–152.

Проблема данной статьи состоит в выявлении этнофункционального подхода воспитания языковой личности, который оптимизирует процесс формирования патриотизма. В контексте педагогического исследования особую актуальность приобретают следующие вопросы: что представляет собой понятие языковой личности, какова специфика этнофункционального подхода в воспитании языковой личности и его влияния на процессы формирования патриотизма молодёжи?

Роман В. В. Набокова «Дар» начинается эпиграфом: «Дуб – дерево, роза – цветок, олень – животное, воробей – птица, Россия – наше отечество, смерть неизбежна».

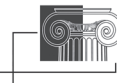
Эта лингвокультурная максима, приведённая в качестве примера была заимствована писателем из учебника русской грамматики П. Смирновского (1915). В этой максиме этимологически закодированы высшие ценности любви к Родине, служения Отечеству.

Экстраполируя данный языковой ребус на нестабильность современного мира и разрушение целостности языкового пространства, можно предположить, что вероятен риск утраты самобытности воспитательной системы формирования патриотизма в молодёжной среде.

Наблюдая натиск глобализационных изменений социально-культурного пространства, отечественный философ Г. С. Померанц предупреждает что «... культура, не нашедшая опоры в вечном, падёт под напором перемен ... Решающей становится не экономика, а педагогика, начиная с детского сада ... И это подготовит людей к переоценке ценностей, к переходу от инерции неограниченного расширения техногенного мира к цивилизации созерцания, духовного роста и равновесия с природой [3]».

Любовь к Родине и патриотические настроения культивируются с детства, усиливаются в процессе воспитания языковой личности, основанном на аксиологии культурной идентичности, более глубоком изучении русского языка, литературы, культуры и истории России.

Само определение языковой личности было предложено Ю. Н. Карауловым и А. В. Сухаревым. В этом определении понятие языковой личности характеризуется интегрированным личностным качеством, ядром которого является самоидентификация, основанная на феномене ментальности как средстве национального самосознания, выраженного в категориях и формах родного языка, соединяющего в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества

национального характера в типичных его проявлениях.

Как следствие, система воспитания языковой личности представляет собой процесс формирования патриотизма, основанного на интериоризации ценностей духовной культуры, выраженных в категориях и формах русского языка. «Важнейшим носителем культуры является язык, разрушение которого ведёт за собой разрушение культуры, что, согласно Л. Н. Гумилеву, обуславливает и разрушение природных ареалов обитания этносов, разрушение языка является инструментом разрушения этносреды в целом [6, с. 448]».

В качестве воспитательных средств подразумевается изучение русского языка с целью формирования тезауруса языковой личности на основе освоения языковых концептов, определяющих духовные ценности этноса, включающих понятийные, образные, поведенческие и культурные измерения; национальное воспитание, отказ от воспитания по западному образцу; приобщение к русской культуре.

В трудах основоположника национальной системы образования и воспитания К. Д. Ушинского мы находим подтверждение того, что «... родной язык является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было ещё ни книг, ни школ, и продолжающим учить его и тогда, когда появилась цивилизация... [8]». Поэтому диалектика воспитания языковой личности предполагает ментальный переход «... от расширения вовне к внутреннему росту, от захваченности центробежными процессами к созерцанию духовного центра и покаянию за отрыв от него... [5]».

Развивая данный подход, А. В. Сухарев подчёркивает, что «национальная идентичность является единственным фактором, позволяющим народу данной страны сохранить свою целостность и культуру в рамках государства, так как в период всеобщей глобализации физические границы государств не имеют принципиального значения. Только идентификация с определённой нацией, народом может являться тем критерием, который поможет сохранить самобытные культурные, эстетические, моральные и другие ценности, а это является одним из составляющих такой ценностной установки, как патриотизм [6]».

По нашему мнению, идеи глобализма, мультикультурализма и толерантности, активно внедряемые в постсоветском пространстве, незаметно повлияли на ментальность нашего народа. В. В. Колесов назвал этот объективно существующий процесс «покушением на русскую ментальность, ибо национальная идентичность предполагает мирозозерцание в категориях и формах родного языка в процессе познания, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях [2]».

Активное применение цифровых технологий, экспансия иноязычных заимствований в значительной степени обеднили коммуникативную практику функционирования родного языка, гибкость и художественность речи.

В частности, в исследовании взаимообусловленности формирования патриотизма с практикой освоения языкового ландшафта М. В. Циулина показала, что данный процесс зависит от степени реализации когнитивной (речемыслитель-

ной) и кумулятивной (накопительной) функций русского языка [9].

Очевидно, что Интернет позволяет сейчас в кратчайшие сроки получать ту или иную информацию. Дистанционное высшее образование получает всё большее распространение как в России, так и во всём мире. Однако в этом объективном прогрессе есть и существенные недостатки, ибо интернет-образование в определённой мере является поверхностным. В данном контексте Г. С. Померанц не без оснований обозначает эти мировые тенденции как «глобальная пошлость». По мнению философа, «... возникает иллюзия, что глобализм и пошлость – синонимы. И глобализм уже поэтому вызывает яростное сопротивление... [3]».

Наша точка зрения во многом основывается на методологических трудах современных исследователей феномена патриотизма, среди которых М. В. Циулина, А. Н. Вырщикова, М. Б. Кусмарцев, О. В. Лебедева и другие.

В частности, О. В. Лебедева указывает на то, что «... как всякое чувство, патриотизм требует глубины переживания, но, возбуждаемый лишь при помощи внешних средств, он принимает ложное направление, становится поверхностным, обезличивается. Патриотические и национальные чувства, как и всё нравственное, очень деликатные и нежные, прячутся от всякой фальши, неправды и лицемерия, требуют свободы, не терпят никакого стеснения. Искусственное внешнее побуждение не поддерживают, а убивают их. На них нельзя влиять принудительно, можно только косвенно. Патриотизм есть чувство, вера, которые нельзя вполне продемонстрировать [цит. по: 6]».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Патриотизм невозможно навязать сверху, прививать, используя для этого различные административные ресурсы.

Согласно точке зрения А. Н. Вырщикова и М. Б. Кусмарцева, «в обыденном сознании патриотизм определяется как чувство глубокое, древнее, запечатанное в человеческом гено типе, что делает характер данного понятия внеисторическим, его объём наднациональным и метатерриториальным, а содержание кросскультурным, надконфессиональным, надпартийным, надкорпоративным и т.д. [1]».

Идеи глобализации современного образования в определённой мере конфликтуют с закономерностями воспитания языковой личности, ибо общей системы воспитания для всех народов не существует. У каждого народа функционирует проверенная веками национальная система воспитания, предполагающая освоение ценностей мировой культуры.

В процессе воспитания языковой личности целесообразно придерживаться этнофункциональной методологии, разработанной А. В. Сухаревым [см. 5; 6]. В дискурсе государственной стратегии образования и концепции национальной безопасности следует обратить особое внимание на сохранение языкового пространства и соблюдение режима информационной безопасности [1; 4].

Думается, что тезис Г. С. Померанца о том, что «... одна из особенностей великих культурных миров – способность к историческому повороту... Лидерами станут страны, которые лучше других сумеют создать новый стиль жизни,

включить паузу созерцания в череду дел... Школы могут и должны учить паузе созерцания: через искусство, через литературу ... используя медитативную лирику, медитативную прозу... [3]», – уже сегодня успешно подтверждает активный процесс расширения социально-культурных форм воспитания языковой личности и формирования патриотизма молодёжи. Среди наиболее популяр-

ных на сегодня у россиян социально-культурных форм следует назвать такие, как всероссийский диктант, поэтические турниры, лингвистические олимпиады, фестивали авторской песни, историко-культурных реконструкций, празднование фольклорных праздников, реализация волонтерских проектов «Русского мира», поддержка соотечественников за рубежом и многие другие.

Примечания

1. Выршичков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе : монография. Волгоград : Авторское перо, 2006.
2. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности // Мир русского слова. 2000. № 2. С. 55.
3. Померанц Г. С. Пауза созерцания. Эссе [Электронный ресурс]. URL: https://lib.rnvoz.ru/bigzal//pomeranc_essay/pauza_sozercaniya (дата обращения: 20.01.2017).
4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена распоряжением Правительства РФ № 996-р 29 мая 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: https://минобрнауки.рф/открытое_министерство/стратегия (дата обращения: 25.05.2017).
5. Сухарев А. В. Развитие русской ментальности / Российская академия наук, Институт психологии РАН. Москва : Ин-т психологии РАН, 2017. 398 с.
6. Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии / Российская академия наук, Институт психологии РАН. Москва : Ин-т психологии РАН, 2008. 575 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 25.01.2017).
8. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 томах. Москва : Педагогика, 1989. 528 с.
9. Цибулина М. В. Патриотическое воспитание школьников возможностями социообразовательной среды : монография. Челябинск : Цицеро, 2012. 202 с.

References

1. Vyrshchikov A. N., Kusmartsev M. B. *Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennoy rossiiskoy obshchestve* [Patriotic education of youth in the modern Russian society]. Volgograd, Publishing House "Avtorskoe pero", 2006.
2. Kolesov V. V. O logike logosa v sfere mental'nosti [On the logics of the logos in the sphere of mentality]. *The World of Russian Word (Mir russkogo slova)*. 2000, no. 2, p. 55.
3. Pomerants G. S. *Pauza sozertsaniya. Esse* [A pause of contemplation. Essay]. Available at: https://lib.rnvoz.ru/bigzal//pomeranc_essay/pauza_sozercaniya (accessed: 20.01.2017).
4. *Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF № 996-r 29 maia 2015 goda* [The strategy of development of education in the Russian Federation until 2025: it is approved by the order of the Government

of the Russian Federation No. 996-r 29 of May, 2015]. Available at: https://минобрнауки.рф/открытое_министерство/стратегия (accessed: 25.05.2017).

5. Sukharev A. V. *Razvitie russkoi mental'nosti [The development of the Russian mentality]*. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, 2017. 398 p.

6. Sukharev A. V. *Etnofunktional'naiia paradigma v psikhologii [Ethno-functional paradigm in psychology]*. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, 2008. 575 p.

7. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabria 2015 goda N 683 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii" [The decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 "About the Strategy of national security of the Russian Federation"]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (accessed: 25.01.2017).

8. Ushinsky K. D. *Pedagogicheskiye sochineniia, v 6 tomakh [Pedagogical works, in 6 volumes]*. Moscow, Publishing House "Pedagogy", 1989. 528 p.

9. Tsiulina M. V. *Patrioticheskoe vospitanie shkol'nikov vozmozhnostiami sotsioobrazovatel'noy sredy [Patriotic Education of Schoolchildren by the Possibilities of the Socio-Educational Environment]*. Chelyabinsk, Publishing House "Cicero", 2012. 202 p.

*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

УДК 37.03:502

Е. В. Мартинович

Московский государственный институт культуры

На современном этапе экологическое образование является одним из важнейших направлений обеспечения устойчивого социально-экономического развития государства, целью которого является воспитание внутренней культуры личности, становление её активной гражданской позиции, формирование стремления к защите окружающей среды. К основным педагогическим условиям, способным обеспечить эффективность процесса формирования экологической культуры, относятся: развитие экологической культуры будущих специалистов как составляющей общей культуры личности; целенаправленное проектирование информационно-экологической образовательной среды; обеспечение положительной мотивации будущих специалистов к формированию экологической культуры; воспитание потребности к постоянному профессиональному самосовершенствованию будущих специалистов; привлечение студентов к природоохранной деятельности.

Ключевые слова: экология, культура, социоприродная система, экологическое воспитание и образование, экологический кризис, экологическая культура, экологические проблемы, коэволюционное развитие.

E. V. Martinovich

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AS PEDAGOGICAL PROBLEM

At present environmental education is one of the most important directions of providing the stable socio-economical development of the country. It is aimed at the training the internal culture of a person, the formation of the individual's active civic stand, the person's tendency to protect the environment. The main pedagogical conditions to provide the efficiency of the process of the

МАРТИНОВИЧ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры педагогики и психологии факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

MARTINOVICH ELENA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: elenavladmart@yandex.ru

© Мартинович Е. В., 2017

formation of ecological culture are: the development of ecological culture of future professionals as a part of the person's culture, purposeful projection of informational and ecological educational environment, providing the positive motivation of future specialists to forming ecological culture, the education of necessity of constant professional self-development of future specialists, students' involvement in nature protection activity.

Keywords: ecology, culture, socio-natural system, environmental education and training, ecological crises, ecological culture, ecological problems, coevolutional development.

Для цитирования: Мартинович Е. В. Формирование экологической культуры студентов в вузе как педагогическая проблема // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 153–160.

В современном обществе остро стоит проблема преодоления негативных тенденций влияния человечества на окружающую среду, ведущим направлением решения которой является формирование экологического сознания и экологической культуры молодого поколения. Обострение проблемы взаимоотношений общества и природы вызывает необходимость в формировании личности, способной гармонично сосуществовать с природой и рационально использовать её богатства. В конце XX века человечество оказалось в тяжелейшей ситуации: стало очевидным, что парадигма общественного развития, господствовавшая на протяжении последних столетий, в основе которой было потребительское, безответственное отношение к природе и ресурсов, себя исчерпала. Стало ясно, что жизнедеятельность человека, человечества входит в противоречие с фундаментальными принципами существования биосферы как целостности и порождает новые глобальные проблемы, ставящие под сомнение дальнейшее существование человека.

Необходимость скорейшего преодоления острого ресурсно-экологического кризиса, всестороннего оздоровления окружающей среды, устранения причин экологических катастроф обусловила

признание доминантной идеологией функционирования земной цивилизации в XXI веке концепцию устойчивого развития, направленную на обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач, сохранение благоприятного состояния окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения жизненных потребностей нынешнего и будущих поколений.

В Стратегии ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития [6] подчёркивается, что, в отличие от предыдущих стратегий развития человечества, где ответственность за состояние окружающей среды возлагалась прежде всего на правительства государств, устойчивое развитие предполагает ответственность всех граждан за состояние окружающей среды, и вопросы защиты окружающей среды могут быть успешно решены только при участии в этом процессе всех граждан. Соответственно, каждый гражданин должен иметь доступ к информации и возможность участвовать в принятии решений, касающихся окружающей среды.

То есть ведущей целью усвоения природоохранных знаний является создание основы для формирования личности, способной принимать решения и дей-

ствовать в интересах сохранения окружающей среды.

В современном мире сложились модели производства и потребления, не соответствующие условиям нормального сосуществования человека и природы. Одним из мощнейших рычагов выхода из кризиса, который сложился в отношениях человека с природой, является экологическое образование.

Отмечая социальную направленность экологических проблем, Н. Ф. Реймерс указывал, что одним из путей выхода из экологического кризиса является регулируемая коэволюция в системе «общество – окружающая среда» [4, с. 193].

На современном этапе человечество должно понять свою неотделимость от природы, пересмотреть свои принципы и убеждения, оценить истину, которую сформулировал 400 лет назад английский философ Ф. Бэкон: «Мы не можем управлять природой иначе, чем подчиняясь ей [1, с. 16]».

По нашему мнению, формирование природоохранных знаний должно осуществляться в контексте реализации программы образования, которая выступает катализатором продвижения принципов устойчивого развития общества.

Под эгидой Организации Объединённых Наций была разработана Глобальная программа действий для образования в интересах устойчивого развития, которая основывается на применении двуединого подхода и содержит четыре основные характеристики.

Ведущим учреждением по её реализации выступает ЮНЕСКО, которое координирует усилия национальных правительств по включению принципов образования для устойчивого развития в обра-

зовательные программы и национальные стандарты качества образования.

В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывает содержание основных характеристик образования для устойчивого развития и способности его эффективного осуществления. Решение этого круга проблем уместно, на наш взгляд, начать с внедрения перспективных для современного образования методов обучения: интерактивного обучения и ориентированного на интересы обучающихся, которые обеспечивают исследовательский, прикладной характер становления личности, нацеленный на усвоение знаний, обновление образовательной среды (физической, виртуальной и онлайн-овой) с целью поощрения обучающихся к тому, чтобы действовать, руководствуясь принципами устойчивого развития.

Способность действовать зависит в первую очередь от того, насколько личность обладает знаниями об окружающей среде и конкретными навыками воздействия (практической деятельности) на неё. Высокий уровень усвоения экологических знаний, умений и навыков является основой деятельности личности.

Экологическая культура личности будущего специалиста, на наш взгляд, может стать определённой гарантией сохранения социальной и природной систем, обеспечения их коэволюционного развития, если рассматривать её как структурный компонент общей культуры и целенаправленно формировать в воспитательно-образовательном процессе вуза.

Феномен экологической культуры является достоянием XX века, однако экологическую компоненту культуры

можно проследить уже с самого начала появления человека. Эта компонента проявлялась в совокупности экокультурных норм, запретов и разрешений.

Тенденции гуманизации и индивидуализации учебного процесса заставляют пересмотреть не только содержание, технологии и организационные формы учебного процесса, но и совершенно по-другому поставить проблемы воспитания, образования и развития личности, формирования её общей культуры.

Проблема формирования общей культуры будущих специалистов, которая сочетает профессионализм, интеллигентность, социальную зрелость и творческий потенциал, может быть решена в учебном заведении путём системной, научно обоснованной организации различных видов занятий студентов, поскольку их общая и профессиональная культура формируется в процессе разнообразной деятельности, а развитие и самоопределение зависят от ширины, диапазона и содержания этой деятельности.

Если рассматривать общую культуру как процесс воспитания, систематического целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности, то воспитание профессиональной культуры – это формирование системы таких социальных качеств, которые непосредственно обеспечат творческий уровень трудовой и профессиональной деятельности будущего специалиста, определят его личностные характеристики, потребность в самосовершенствовании.

Поэтому одной из основных целей обучения будущих специалистов в вузе является повышение их общекультурного уровня развития, учитывая «степень активного отношения к духовной куль-

туре, потенциальную и реальную культурную деятельность, систему затрат на неё, мотивацию и избирательность, эстетические вкусы, оценки, показатели нравственного развития личности [2, с. 558]».

Учебно-воспитательный процесс вузов в большей степени направлен:

- на формирование у студентов образа современного специалиста с высоким уровнем общей и профессиональной культуры и морально-этических качеств;
- на культивирование у студентов норм, ценностей и традиций профессиональной среды;
- на формирование умений критической оценки, творческой профессиональной рефлексии и прогнозирования социальных последствий инновационной деятельности;
- на формирование творческой профессиональной рефлексии [3; 5].

На уровне общей культуры будущих специалистов формируется соответствующий уровень их экологической культуры, который предполагает:

- овладение системой научных знаний, взглядов, убеждений, формирование ответственного отношения к природе;
- воспитание понимания целостности, единства окружающей среды, неразрывной связи её компонентов, взаимозависимости природных процессов;
- непосредственное вовлечение будущих специалистов в природоохранную деятельность, связанную с изучением и сохранением окружающей среды;
- развитие умения принимать ответственные решения по вопросам охраны природы, а также мотивации к направленной экологической деятельности, соблюдению норм экологически грамотного поведения по защите собствен-

ного здоровья и сохранению окружающей среды.

Приобщение к культуре как процесс усвоения традиций, обычаев, ценностей и норм культуры происходит в течение всей жизни человека, но период студенчества является одним из самых благоприятных. В процессе инкультурации студент овладевает содержанием фундаментальных духовных феноменов, отраженных в продуктах культуры: языке, ценностях, нормах, произведениях искусства и т.д.; приобретает способность действовать, ориентируясь на созданные обществом и принятые им установки, ценности и образцы.

Мы считаем, что для формирования экологической культуры студентов как структурного компонента общей и профессиональной культуры необходимы:

- рассмотрение всего учебно-воспитательного процесса в контексте культуры и его направления на формирование культурного человека;
- пополнение содержания учебных дисциплин составляющими, способствующими развитию общей культуры студентов;
- ориентация воспитательной деятельности на повышение культурного уровня будущих специалистов;
- нацеленность на формирование внутренней культурной среды вуза;
- разумное соотнесение традиционного и инновационного в процессе профессиональной подготовки студентов.

Формирование экологической культуры будущих специалистов в контексте с их общей культурой может быть достигнуто решением следующих задач:

- последовательное формирование бережного отношения к миру природы;

- воспитание понимания современных проблем окружающей среды и осознания их актуальности для всего человечества, своей страны и родного края;

- развитие личной ответственности за состояние окружающей среды на национальном и глобальном уровнях;

- усвоение лучших достижений общечеловеческой и национальной культур, формирование понимания многогранной ценности природы;

- содействие переходу приобретённых знаний в личные убеждения, исключая возможность лицемерия относительно природы; развитие потребности в общении с ней;

- развитие умений принимать ответственные решения по проблемам окружающей среды, овладение нормами экологически грамотного поведения;

- усвоение и использование во взаимосвязях человека с природой народных традиций и лучших достижений мировой практики.

Культура реализует свою функцию развития личности только в том случае, когда она активизирует, побуждает личность к деятельности. В связи с этим нам представляется, что формирование экологической культуры личности должно осуществляться на основе деятельностного подхода.

Ведь именно деятельность является тем механизмом, который позволяет превратить совокупность внешних на человека воздействий в развивающие его изменения. При этом процесс культурного развития приобретает оптимальный характер, когда человек становится субъектом собственной деятельности.

Именно применение деятельностного подхода позволяет человеку выступить в

качестве самоорганизованного объекта, наделённого такими характеристиками, как способность превращать мир предметов и идей, создавать новые ценности; способность к нравственному выбору; способность к рефлексии и саморефлексии; способность к формированию активной жизненной позиции; способность к саморазвитию; способность самостоятельно вносить коррективы в свою деятельность, способность к формированию и отстаиванию собственной точки зрения, собственной позиции; готовность и способность к профессиональной деятельности, к формированию умений и навыков выполнения профессиональных задач на уровне инноваций и творчества, как во время учебных занятий, так и при прохождении практик, овладение профессиональными функциями.

Также и формирование экологической культуры будущих специалистов невозможно там, где не сложилась культура совместной деятельности, межличностного общения.

Поэтому обновление требований к профессиональной культуре студента автоматически дополняется перечнем требований к общей культуре специалиста любого состава, ведь научное знание может существовать лишь в определённой культурной среде.

Внедрение в образовательную среду технологии формирования экологической культуры с учётом динамичных процессов, происходящих в обществе, в соответствии с требованиями проектирования новой образовательной среды, которая должна отвечать современным тенденциям развития культуры, экономики, производства, технологий, предусматривает:

- анализ комплекса глобальных экологических проблем современности, синтез новой системы экологических морально-этических норм и принципов;

- системный принцип экологических знаний как базы для дальнейшего формирования экологического сознания человека, которое будет отвечать общечеловеческим гуманистическим идеалам;

- комплексный подход в экологическом образовании, что обеспечивает реализацию принципа «экологическое образование в течение жизни», на всех этапах получения образования по образовательным-квалификационным уровням.

Экологизация образования включает: систему экологических знаний, систему умений и навыков по рациональному природопользованию, систему практических действий. Важным компонентом экологического образования является междисциплинарный подход, пронизывающий все учебные дисциплины, особенно психолого-педагогические дисциплины, экологическими знаниями, что поможет будущему специалисту сформировать базу знаний, максимально приближённую к конкретным проблемам, связанным с будущей деятельностью. В современных условиях глобального экологического кризиса будущий специалист в определённой области должен владеть глубокими профессиональными знаниями, опираясь на собственное экологическое сознание, решать практические задачи в профессиональной сфере, учитывая экологический фактор.

Инновационные подходы к формированию экологической культуры требуют изменения содержательной (концепции обучения и воспитания, учебные программы, планы) и методической (формы,

методы организации учебной деятельности, характер контроля) составляющих образовательной среды.

Важным аспектом формирования экологической культуры является национальная составляющая, учитывающая исторический опыт этноса во взаимодействии с окружающей средой, отношение к окружающей среде. Именно национальная экологическая культура является основой для экологического воспитания и экологического образования в течение жизни. Экологическая составляющая мировоззрения, наряду с теоретическими знаниями, может сочетаться с бытовыми знаниями в виде народных обычаев, традиций.

Важная роль в осознании человеком своего места в природной среде принадлежит экологической этике.

Экологическая этика – учение об основах отношений с природой, основанных на признании морального статуса природы, высокой оценке её ценностей, уважении к праву на гармоничное существование всех составляющих природных экосистем. Предметом экологической этики и изучения основ нравственного отношения человека к природе является анализ стереотипов человеческого поведения, которые приводят к экологическим проблемам, поиск нравственных

идеалов отношения человека к природе, которые позволят преодолеть экологический кризис. Экологическая этика призвана выявлять новые принципы и новые подходы к взаимоотношениям в системе «человек – природа», новые модели поведения, которые будут способствовать решению экологических проблем.

Таким образом, при оптимизации процесса экологического образования и формирования экологической культуры студентов необходимо внедрять инновационные педагогические технологии и практические проекты, основанные на интерактивной, творческой и эвристической деятельности. Значимость экологической культуры будущих специалистов состоит в её практико-ориентированном, деятельностном характере, так как для сохранения равновесия в современной социоприродной системе нужны умения и навыки по рациональному природопользованию, конкретные природоохранные действия. Формирование этих важных умений и навыков практической ежедневной деятельности составляет сущность экологической культуры личности. В этой связи направлением дальнейших исследований может стать разработка критериев, инструментария определения экологической культуры личности и общества в целом.

Примечания

1. *Бэкон Фр.* Мы не можем управлять природой иначе, чем подчиняться ей // Экологические афоризмы, пословицы, поговорки : справочное пособие / сост. Н. Ф. Церцек ; введ. и науч. ред. д-ра биол. наук, проф. В. М. Константинова. Москва : Либеря-Бибинформ, 2007.
2. *Деркач А. А.* Акмеологические основы развития профессионала. Москва; Воронеж : Изд-во Московского психолого-социального института ; МОДЭК, 2004. 752 с.
3. *Новикова Е. П.* Ориентация на гуманистические традиции и ценности как идеология инновационных образовательных процессов // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 128–136.

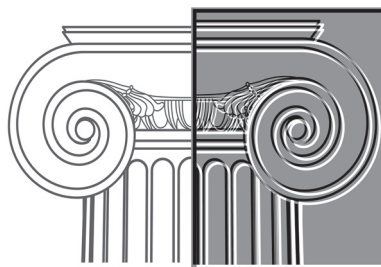

4. Реймерс Н. Ф. Экология: теория, законы, правила, принципы и гипотезы. Москва : Журнал «Молодая Россия», 1994. 367 с.
5. Селигеева И. Р. Формирование общей культуры будущего учителя в системе профессионально-педагогического образования : На примере подготовки учителя изобразительного искусства : дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Селигеева Ирина Ростиславовна. Воронеж, 2004. 185 с.
6. Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития, принята на совещании высокого уровня (Вильнюс, 17–18 марта 2005 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.iseu.bsu.by/wp-content/uploads/2016/05/resolution_vilnius.pdf

References

1. Bekon Fr. [Bacon Francis] Мы не можем управлять природой иначе, чем подчиняясь ей [We cannot control nature differently than by submitting to it]. In: Tsertsek N. F., comp., Konstantinov V. M., ed. *Ekologicheskie aforizmy, poslovitsy, pogovorki: справочное пособие [Ecological aphorisms, proverbs, sayings: handbook]*. Moscow, Liber publisher, 2007.
2. Derkach A. A. *Akmeologicheskie osnovy razvitiia professionala [Acmeological basis of professional development]*. Moscow, Voronezh, Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute, Publishing house “MODEK”, 2004. 752 p.
3. Novikova E. P. Orientatsiia na gumanisticheskie traditsii i tsnnosti kak ideologiiia innovatsionnykh obrazovatel'nykh protsessov [Orientation to humanistic traditions and values as ideology of innovative educational processes]. *Siberian Pedagogical Journal*. 2006, no. 5, pp. 128–136.
4. Reimers N. F. *Ekologiiia: teoriia, zakony, pravila, printsipy i gipotezy [Ecology: theory, laws, rules, principles and hypotheses]*. Moscow, 1994. 367 p.
5. Seligeeva I. R. *Formirovanie obsbchei kul'tury budushchego uchitel'ia v sisteme professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniia. Na primere podgotovki uchitel'ia izobrazitel'nogo iskusstva. Diss. kand. ped. nauk [Formation of the general culture of the future teacher in the system of professional and pedagogical education. On the example of the training of the teacher of fine arts. Cand. ped. sci. diss.]*. Voronezh, 2004. 185 p.
6. *UNECE STRATEGY FOR EDUCATION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT adopted at the High-level meeting of Environment and Education Ministries (Vilnius, 17–18 March 2005)*. Available at: http://www.iseu.bsu.by/wp-content/uploads/2016/05/resolution_vilnius.pdf (In Russian)

*

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПОДДЕРЖКА И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ

УДК 021

Г. А. Иванова

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты библиотечной педагогики, её роль и возможности в решении актуальных проблем чтения подрастающего поколения. Проблемы чтения раскрываются в контексте идей «Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации». Показан вклад учёных в исследование проблем чтения подрастающего поколения. Раскрыт опыт вузовской подготовки специалистов в области детского и юношеского чтения.

Ключевые слова: концепция, библиотечная педагогика, детское и юношеское чтение, читательское развитие, программа, библиотека, образование, педагог-библиотекарь.

G. A. Ivanova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SUPPORT AND DEVELOPMENT OF CHILDREN'S AND YOUNG PEOPLE'S READING AS A PRIORITY AREA OF LIBRARY PEDAGOGY

The theoretical and methodical aspects of library pedagogy, its role and possibilities in solving actual problems of reading the rising generation are considered in the article. The problems of reading are revealed in the context of the ideas of the "Concept of the Program for Support of Children and Youth Reading in the Russian Federation". The contribution of scientists to the study of the problems of reading the younger generation is shown. The experience of university training of specialists in the field of children's and youthful reading is revealed.

ИВАНОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры управления информационно-библиотечной деятельностью социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации

IVANOVA GALINA ALEXANDROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of management of library and information activities, Faculty of humanities and social studies, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation

e-mail: g.ivanova@inbox.ru
© Иванова Г. А., 2017

Keywords: concept, library pedagogy, children's and youthful reading, reader development, program, library, education, teacher-librarian.

Для цитирования: Иванова Г. А. Поддержка и развитие детского и юношеского чтения как приоритетное направление библиотечной педагогики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 162–167.

В XXI веке проблемы чтения подрастающего поколения привлекают внимание теоретиков и практиков во всём мире. Во многих странах мира осуществляется государственная и общественная поддержка чтения и книги, реализуются национальные программы и инициативы поддержки детского и семейного чтения [2; 8].

В нашей стране Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям и Российским книжным союзом инициирована «Национальная программа поддержки и развития чтения». Программа ориентирует различные социальные институты, в том числе и библиотеки, на воспитание детей и подростков творческими читателями, способными вбирать в себя интеллектуальный, духовно-нравственный, социальный, эстетический опыт народа, отражённый в произведениях печати. Итоги первого этапа Программы (2007–2010) нацелили на дальнейшее решение проблем в области детского и юношеского чтения.

В 2017 году распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена «Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации».

Чётко обозначена цель программы – «повышение статуса чтения, читательской активности и улучшение качества чтения, развитие культурной и читательской компетентности детей и юношества, а также формирование у подра-

стающего поколения высоких гражданских и духовно-нравственных ориентиров [5, с. 8]».

Сегодня важно найти оптимальные пути для реализации широких образовательных и воспитательных возможностей литературы, что означает – научить каждого человека с раннего детства читать творчески, увлечённо. Такое чтение – тяжёлый, сложный труд, но он необходим для становления и развития личности.

Значение работы по воспитанию школьников творческими читателями возрастает ещё и потому, что на юных читателей обрушивается мощный поток различных изданий, для освоения которых необходимы соответствующая подготовка, вкус, умение анализировать различные литературные источники. Нужна хорошая школа творческого общения с произведениями искусства слова.

Творческие читатели необходимы и с точки зрения развития самой литературы. Об этом писали А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский. Заботой о творческом читателе, способном воспринимать нравственно-эстетическое богатство литературы, пронизаны труды К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, Н. А. Рубакина, Л. С. Выготского, Н. К. Крупской, В. А. Сухомлинского, М. А. Рыбниковой, П. П. Блонского, А. М. Левидова. Немало интересных идей о творческом чтении высказано В. Ф. Асмусом, К. С. Стани-

славским, С. Я. Маршаком, С. В. Михалковым, К. И. Чуковским.

Исследования последних лет демонстрируют рост внимания к изучению проблем чтения в меняющейся социокультурной среде. Различные аспекты данной тематики получили освещение в трудах ведущих в этой области учёных: В. А. Аскаровой, В. А. Бородиной, Н. А. Голубевой, Н. Е. Добрыниной, Ю. П. Мелентьевой, И. М. Немчиной, Т. Д. Полозовой, Н. Н. Светловской, Н. Н. Сметанниковой, И. Н. Тимофеевой, И. И. Тихомировой, В. П. Чудиновой и других. Труды этих учёных обогащают теорию и методiku читательского развития детей и юношества новыми подходами.

Осмысление теоретических и методических аспектов воспитания творческих читателей позволяет не только увидеть сложность этого процесса, влияние на него средств массовой информации, системы образования (и не только литературного), культуры общества, окружающей среды, но и осознать значимость библиотеки как основного социального института поддержки и развития чтения.

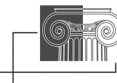
В последние годы в библиотечном деле возрождается сфера библиотечной педагогики [3; 6]. Педагогическая функция становится одной из главных в библиотечной деятельности [7]. В трудах учёных рассматриваются различные аспекты теории и практики детского и юношеского чтения [1], педагогические и психологические основы педагогики чтения, библиотечные ресурсы детского и юношеского чтения, вопросы подготовки педагогов-библиотекарей как руководителей детского и семейного чтения [4; 6].

Поддержка и развитие детского и юношеского чтения – это процесс, тре-

бующий высокого профессионализма педагогов, библиотекарей и других организаторов детского и юношеского чтения.

В Московском государственном институте культуры в течение более восьмидесяти лет осуществляется подготовка библиотекарей как специалистов в области детского и юношеского чтения. Накоплен большой положительный опыт междисциплинарного подхода в формировании у студентов общекультурных и профессиональных компетенций, обеспечивающих способность приобщения юного поколения к книге, воспитания детей и подростков творческими читателями.

Особая роль в формировании студентов как профессионалов в области чтения принадлежит специальным дисциплинам. Неотъемлемой частью профессионального образования детских и школьных библиотекарей является литература для детей и юношества. Издано большое количество программ, учебников, учебных пособий по отечественной и зарубежной литературе для детей и юношества. Среди авторов видные учёные, преподаватели вузов: И. Н. Арзамасцева, А. И. Борщевская, А. Я. Зиман, И. В. Иноземцев, Н. К. Кременцова, Н. Б. Медведева, И. Г. Минералова, Т. И. Михалева, С. А. Николаева, Н. Н. Орлова, Т. Д. Полозова, Е. П. Привалова, Ф. И. Сетин, И. С. Чернявская, по учебникам которых обучалось не одно поколение библиотекарей-педагогов. Заслугой многих авторов является стремление к обобщению и осмыслению огромного потока литературы, вошедшей в круг детского и юношеского чтения, написание учебной литературы как итога исследований наиболее

эффективных путей, форм и методов организации чтения юного поколения.

В наши дни студенты осваивают глубоко продуманную, с учётом воспитательных целей и задач, панораму литературы, предназначенную для детского и подросткового чтения. В 2007 году увидела свет монография Т. И. Михалевой «Современный подросток в современном мире: проблема формирования личности подростка в литературе 1960-х – 2000-х годов», которая сразу же привлекла к себе внимание не только студентов, но и библиотекарей-практиков. Эта книга нацеливает студентов на формирование у подростков интереса к произведениям Р. Погодина, А. Лиханова, А. Алексина, Ю. Яковлева и других авторов, рассматривающих темы нравственного становления растущего человека.

В процессе обучения студентов большое внимание уделяется их подготовке к исследовательской работе в области детского и юношеского чтения. Студенты изучают: монографию И. М. Немчиной «Детское чтение в России: актуализация проблем» (2007), книгу В. П. Чудиновой «Развитие “нации читателей”»: роль чтения и библиотек» (2014), учебное пособие Н. Е. Добрыниной «Изучение читателей-детей и подростков в России XIX–XX веков» (2006) и другие работы. В центре их внимания – история изучения и современное состояние детского и подросткового чтения в России и за рубежом, инновационная деятельность детских, школьных библиотек и юношеских библиотек.

Будущие специалисты изучают современные периодические издания для детей. Рассматривают различные типы медиа, в том числе и Интернет как источ-

ник информации о детской книге и средство её продвижения к юным читателям. Студенты анализируют сайты, ориентированные на детскую, подростковую и юношескую аудиторию, способствующие благотворному влиянию электронной культуры на чтение юного поколения.

Для профессиональной подготовки будущих библиотекарей как специалистов в области чтения особо значимы такие учебные дисциплины, как социология, педагогика и психология детского и юношеского чтения, иллюстрация детской книги, библиография литературы для детей и юношества, библиотечная работа с детьми и юношеством за рубежом, а также актуальные курсы по выбору.

Следует отметить, что государственная итоговая комиссия отмечает высокий уровень теоретической и методической подготовки выпускников МГИК как специалистов в области детского и юношеского чтения. Их профессионализм проявляется в способности творческого подхода к работе, направленной на развитие личности растущего человека через чтение, книгу и не книжные виды документов, начиная с раннего возраста.

Высокий уровень профессионализма выпускников, особенно без отрыва от производства, проявляется в их инновационной деятельности, для которой характерно:

- создание авторских проектов и программ с уникальным опытом активизации чтения детей и подростков и их развития;
- создание информационной предметно-эстетической среды, оказывающей благотворное воздействие на разностороннее развитие детей и воспитание их как творческих читателей;

- создание системы педагогической работы, построенной на принципах преемственности, последовательности и творческого сотрудничества с юными читателями, педагогами и родителями;

- использование новых информационных технологий как необходимое условие приобщения детей и подростков к чтению и развития у них информационной культуры.

Следовательно, вузы культуры располагают большими возможностями в деле подготовки специалистов по детско-юношескому чтению.

В настоящее время необходимо возрождать в ряде вузов ранее ликвидированные кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми и юно-

шеством. Специализированные кафедры смогут успешно работать как научно-исследовательские центры детского и юношеского чтения, проводить регулярно международные и российские научные конференции по проблемам поддержки и развития чтения и подготовки педагогов-библиотекарей.

Важно решить вопрос о целевой подготовке специалистов в области детского чтения, уделить внимание литературе для детей и юношества в учебных планах по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Продолжать и развивать лучшие традиции библиотечной педагогики – актуальная задача на современном этапе развития нашего общества.

Примечания

1. Бородина В. А. Теория и технология читательского развития в отечественном библиотековедении : в 2 частях. Москва : Школьная библиотека, 2006. Часть 1 : Научные и методологические основы. 2006. 335 с.
2. Иванова Г. А., Чудинова В. П. Библиотечно-информационное обслуживание детей и юношества за рубежом : учебное пособие. Москва : РШБА, 2012. 376 с.
3. Иванова Г. А. Библиотечная педагогика : учебное пособие. Москва : МГИК, 2015. 224 с.
4. Иванова Г. А., Тихомирова И. И. Психология чтения школьников : учебно-методическое пособие для педагогов-библиотекарей. Москва : РШБА, 2016. 328 с.
5. Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2017 года № 1155-р // Школьная библиотека. 2017. № 7. С. 5–12.
6. Тихомирова И. И. Библиотечная педагогика, или Воспитание книгой: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург : Профессия, 2011. 384 с.
7. Тихомирова И. И. Педагогическая деятельность школьного библиотекаря : учебно-методическое пособие. Москва : РШБА, 2014. 464 с.
8. Чудинова В. П. Развитие «нации читателей»: роль чтения и библиотек. Москва : РГДБ, 2014. 178 с.

References

1. Borodina V. A. *Teoriia i tekhnologiiia chitatel'skogo razvitiia v otechestvennom bibliotekovedenii, v 2 chastiakh. Chast' 1 [The theory and technology of reader's development in domestic library science. In 2 parts. Part 1]*. Moscow, Published by "School library", 2006. 335 p.
2. Ivanova G. A., Chudinova V. P. *Bibliotekno-informatsionnoe obsluzhivanie detei i iunoshestva za rubezhom [Library and information services for children and youth abroad]*. Moscow, Publishing house of the Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2012. 376 p.

3. Ivanova G. A. *Bibliotecznaia pedagogika [Library pedagogy]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2015. 224 p.
4. Ivanova G. A., Tikhomirova I. I. *Psikhologiya chteniia sbkol'nikov [Psychology of reading students]*. Moscow, Publishing house of the Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2016. 328 p.
5. Kontseptsiiia programmy podderzhki detskogo i iunosheskogo chteniia v Rossiiskoi Federatsii: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 3 iiunia 2017 goda № 1155-r [Concept of the program of support of children's and youthful reading in the Russian Federation: it is approved by the order of the Government of the Russian Federation of June 3, 2017 No. 1155-r]. *Sbkol'naia biblioteka [School library]*. 2017, no. 7, pp. 5–12.
6. Tikhomirova I. I. *Bibliotecznaia pedagogika, ili Vospitanie knigoi [Library pedagogy or Education book]*. St. Petersburg, "Professija" Publishing House, 2001. 384 p.
7. Tikhomirova I. I. *Pedagogicheskaia deiatel'nost' sbkol'nogo bibliotekaria [Pedagogical activity of the school librarian]*. Moscow, Publishing house of the Association of School Librarians of the Russian World (RSBBA), 2014. 464 p.
8. Chudinova V. P. *Razvitie "natsii chitatelei": rol' chteniia i bibliotek [Development of "nation of readers": role of reading and libraries]*. Moscow, Publishing house of the Russian State Children's Library, 2014. 178 p.

*

ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОВОВВЕДЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ И ПРЕПЯТСТВИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 004:303.09

Л. Л. Делицын

Московский государственный институт культуры

Сложившиеся подходы к определению нововведений (инноваций) важную роль отводят экономической эффективности (прибыли, сокращению издержек), либо широкому распространению и значительному влиянию новшеств на общество. Подобные определения подчёркивают успех значительных нововведений, имевших место в прошлом и оставивших дополнительный след в виде статистических данных, а также исследований, выполненных на их основе, однако могут служить и препятствием для изучения значительной части современных информационных технологий, поскольку даже в случае тех из них, которые получили широкое распространение, доказать наличие прибыли у организаций-производителей либо очень сложно (Интернет-браузеры, онлайн-мессенджеры, электронная коммерция), либо невозможно (свободно распространяемое программное обеспечение). На наш взгляд, с целью ускорения теоретического развития и практического применения моделей распространения новых информационных технологий допустимо ослабить требования к экономической эффективности с целью акцентирования массовости процесса принятия решений.

Ключевые слова: информационные технологии, распространение нововведений, принятие решений

L. L. Delitsyn

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

DEFINITIONS OF INNOVATION AS AN INSTRUMENT AND/OR AN OBSTACLE FOR NEW INFORMATION TECHNOLOGY DIFFUSION MODELING

The existing approaches to the definition of innovations (innovations) play an important role in economic efficiency (profit, cost reduction), or the wide spread and significant impact of innovations on society. Such definitions underscore the success of significant innovations that took place

ДЕЛИЦЫН ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ – доктор технических наук, профессор кафедры информатизации культуры и электронных библиотек социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

DELITSYN LEONID LEONIDOVICH – Full Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Informatization of Culture and Electronic Libraries, Faculty of humanities and social studies, Moscow State Institute of Culture

in the past and left an additional trace in the form of statistical data, as well as the studies carried out on their basis, but can also serve as an obstacle to studying a significant part of the widely spread information technologies today, since even in the case of those of which are widely spread, it is very difficult to prove the profitability of the manufacturing organizations (Internet browsers, online messengers, e-commerce), whether about impossible (free software). In our opinion, in order to accelerate the theoretical development and practical application of models for the diffusion of new information technologies, it is permissible to weaken the requirements for economic efficiency with the aim of emphasizing the mass character of the decision-making process.

Keywords: information technology, diffusion of innovations, quantitative models

Для цитирования: Делицын А. А. Определения нововведения как инструмент и препятствие при изучении распространения новых информационных технологий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 168–182.

В литературе на русском языке известны десятки определений нововведения, или инновации, и сколько-либо полный их анализ способен служить предметом отдельного исследования. В одном лишь учебнике В. А. Медынского проведено сравнение двадцати восьми определенных понятия «нововведение» [14], причём, на наш взгляд, большинство из них могут подходить, скорее, в качестве препятствия, чем инструмента для целей количественного моделирования распространения новых информационных технологий (ИТ) или для решения такой задачи, как выбор проекта в сфере ИТ для инвестирования [см.: 1–4]. Наиболее часто определение пытаются построить так, чтобы отделить инновации от новых идей вообще, при этом критерии отнесения идей к полезным или бесполезным различаются. Ряд авторов при этом подчёркивает необходимость наличия значительного экономического эффекта, например, прибыли или возврата на инвестиции [8; 19]. Другие авторы считают более важным указать, что инновации не ограничиваются продуктами и услугами, но включают также организационные изменения, новые практики и идеи [10; 11; 17; 26].

Причины обилия определений заключаются как в сложности изучаемого явления, так и в разнообразии целей, поставленных исследователями. На наш взгляд, задача количественного моделирования распространения новых информационных технологий становится достаточно важной, чтобы установить характер её соотношений с инноватикой, то есть областью знаний, посвящённой нововведениям.

Актуальность моделирования обусловлена усложнением принятия решений современными руководителями различных отраслей, будь то издательская, образовательная, финансовая или иная. Это связано как с обилием новых информационных технологий, их массовым распространением, сокращением времени разработки, внедрения, замещения, так и с глобальной конкуренцией большого числа разработчиков.

В итоге, на стол руководителя попадает огромный объём разнородных данных, и принимать решения приходится в условиях высокой неопределённости. Решения принимаются в быстро меняющейся внешней среде, в условиях дефицита времени и устаревания компетенций руководителя.

Одним из инструментов информационной поддержки принятия решений являются количественные модели распространения нововведений, которые позволяют анализировать последствия управленческих решений, сценарии и строить прогнозы.

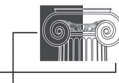
Модели распространения нововведений, в свою очередь, также базируются на теории принятия решений. Когда человек, домохозяйство или организация принимают решение о том, принять или отвергнуть новую идею, товар, услугу или практику, они учитывают ряд факторов [1; 2; 26], которые можно свести к двум агрегированным показателям: *привлекательность* и *неопределённость* новшества [4]. При этом индивиды редко формализуют свои представления, а организации, напротив, используют весьма проработанные формальные процедуры принятия решений. Оба указанных показателя включают большое количество составляющих (признаков), причём те, кто решает, принять или не принять нов-

шество, придают этим признакам разный вес [4].

Рассмотрим, например, такое новшество, как космический туризм, и поставим себя на место лица, принимающего решение и пытающегося выделить основные факторы. Некоторые сочтут, что в путешествии на космическом такси главное – это стоимость билета, а для других важнее всего безопасность экскурсии. Различные аспекты новшества будут оценены по-разному, и реакция на одни и те же показатели также будет разной. Первые смельчаки отправляются в космос уже сегодня, невзирая на необходимость затратить миллионы долларов, а консерваторы предпочтут дождаться времени, когда на Луну слетают все родственники и знакомые и кто-нибудь подарит бесплатный билетик. Результаты онлайн-опроса о намерении отправиться в космос семнадцати тысяч респондентов, проведённого автором данной статьи в августе 2008 года на интернет-портале Рамблер, представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Итоги опроса компании Рамблер, проведённого в августе 2008 года на сайте www.rambler.ru

Безусловно, чем новее и непривычнее идея, тем сложнее предсказать, что из неё получится, и тем выше неопределённость результата её использования. Чтобы человек, семья или фирма рискнули использовать новую идею, результат должен выглядеть чрезвычайно привлекательно. Но как измерить эту привлекательность? Привлекательность – агрегированный показатель, который складывается из большого количества факторов [1; 2; 4]. Авторы определений не придают этим факторам равного веса, но подчёркивают важность именно тех частных факторов, которые составляют сферу их научных интересов, обосновывая преимущественное право своего научного направления в исследовании инноваций. Так, авторы-социологи сочтут важным указать на значительность изменений в жизни человека и общества, которые повлечёт за собой использование нововведения, авторы-экономисты – снижение издержек и прибыль фирмы, психологи предложат измерить субъективную полезность новинки для того, кто принимает решение.

Авторы, следующие экономической традиции, предпочитают делать акцент на принятии решений фирмами или иными организациями, а в качестве важнейших факторов, влияющих на использование инноваций, выделяют экономические (располагаемый личный доход индивида, размер фирмы). При этом подчёркивается полезность или результативность нововведения и в качестве основного свойства выделяется способность принести прибыль, повысить эффективность производства или сократить издержки: *«инновацию (нововведение) можно определить как первое практическое применение нового научно-технического (тех-*

нологического), организационно-экономического, производственного или иного решения [8]».

Авторы этого определения отдельно вводят понятия *«новшество»* и *«изобретение»*. Новшество при этом трактуют как потенциальную инновацию, новое решение до его коммерциализации: *«новшества и изобретения становятся инновациями после их коммерциализации (внедрения) [8]»*. Такое разграничение не является общепринятым, и другой коллектив авторов полагает, что слово *«инновация»* является синонимом нововведения, или новшества, и может использоваться наряду с ними [16]. В свою очередь, *внедрение* определяется как распространение нововведений; достижение практического использования прогрессивных идей, изобретений, результатов научных исследований (инноваций). Ключевой термин здесь – *распространение*. Очевидно, под *внедрением* здесь понимается такой этап развития нововведения, на котором нововведение распространяется, то есть используется за пределами того круга учёных, инженеров, творческих работников, которые совершили изобретение или создали новое произведение и изготовили опытные образцы. На этом этапе использовать новшество начинают те, кто не является его производителями или создателями, – более широкие круги потребителей.

Весьма широкое определение инновации даёт Ю. В. Яковец: *«само по себе понятие инновации (нововведения) расшифровывается довольно просто: это внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов (видов, способов), повышающих результативность этой деятельности [19]».*

В то время как Ю. В. Яковец видит цель инноваций в повышении результативности деятельности, коллектив авторов под руководством А. К. Казанцева и Л. Э. Миндели специально выделяет созданную потребительскую стоимость и экономию затрат: *«нам более импонирует определение инновации как результата творческого процесса в виде созданных (либо внедренных) новых потребительных стоимостей, применение которых требует от использующих их лиц либо организаций изменения привычных стереотипов деятельности и навыков. При этом важнейшим признаком инновации в условиях рыночного хозяйствования должна выступать новизна его потребительских свойств. Техническая же новизна играет второстепенную роль. Таким образом, понятие инновации распространяется на новый продукт или услугу, способ их производства, новшество в организационной, финансовой, научно-исследовательской и других сферах, любое усовершенствование, обеспечивающее экономию затрат или создающее условия для такой экономии [16]».*

Как сокращение затрат, так и продажа продуктов с новыми потребительскими свойствами, безусловно, могут иметь результатом рост прибыльности предприятия, и наоборот, прибыльные предприятия имеют возможность разрабатывать новые продукты. Показатели затрат и прибыли – ключевые в экономике, и уже в первых эконометрических моделях распространения нововведений уровень распространения инноваций был поставлен в зависимость от размера и прибыльности предприятий [22; 25].

На наш взгляд, наиболее точные определения инноваций могут служить

полезным инструментом для отсеивания от грантов изобретателей, которые обращаются за государственной поддержкой, однако фактически препятствуют изучению распространения новых информационных технологий. Руководствуясь одним из определений инноваций, исследователь не может приступить к изучению значительной части широко распространённых сегодня информационных технологий. В частности, чрезвычайно сложно было бы доказать право называться инновациями не только космическому туризму, но и таким широко известным сегодня технологиям и продуктам, как мобильная связь 3G, сеть Интернет и её поисковые системы, онлайн-энциклопедии, программное обеспечение с открытым кодом (включая операционную систему Linux и браузеры WWW), IP-телефония и видеочаты (например, широко известный Skype), а также предоставление программного обеспечения в качестве услуги (SaaS) [7]. Сложно было бы обосновать и наличие существенных изменений в жизни пользователей перечисленных выше нововведений по сравнению с теми, кто воздерживается от их использования. Отметим три монографии, в которых значительное место занимает доказательство наличия таких изменений в жизни пользователей мобильной связи и Интернета [9; 15; 20].

Увы, распространение мобильной связи стандарта 3G в Европе имело итогом отнюдь не прибыли, но банкротство компаний, внедривших новый стандарт. Сеть Интернет в течение двадцати лет не выходила за пределы государственных, научных и учебных учреждений США, а её коммерциализация началась лишь в 90-е годы XX века. Все поисковые си-

стемы Интернета, которые лидировали по популярности в 90-е годы XX века, обанкротились, а сама эпоха получила бесславный ярлык времён «Интернет-пузыря». Интернет-браузеры и свободное программное обеспечение распространяются бесплатно и поэтому не могут напрямую приносить прибыль. Российские электронные магазины могут обладать миллиардными оборотами, но при этом крупнейшие из них в течение двадцати лет либо так и не стали прибыльными, либо прошли через процедуру банкротства. Не приносит прибыли основная масса приложений в социальных сетях и онлайн-мессенджеры.

Безусловно, исследователь, желающий изучать распространение новых явлений в обществе, может изучать их в статусе *новшеств*, или изобретений, внедрённых на массовый рынок, но не приносящих прибыль организациям-производителям. Однако литература, посвящённая распространению *новшеств*, отсутствует, в отличие от литературы, посвящённой инновациям, что объяснимо, поскольку длительно хранятся и становятся предметом детального изучения лишь сведения и статистические данные об успешных новшествах, а все остальные – забываются и теряются. Если новшество не получило широкого распространения, то скорее всего отсутствуют и статистические данные, которые позволили бы применять количественные методы для его изучения. В частности, массовые социологические опросы не позволяют изучать нововведения, которыми пользуется менее процента населения. Прогнозирование распространения новинок, которые ещё не внедрены, – это практически важная за-

дача, которая, как правило, решается при помощи аналогий с нововведениями, которые были весьма успешны, а значит, будучи неправомерно использованы в качестве аналогов, создадут почву для чрезмерно завышенных ожиданий.

Исследователю неизбежно задают вопрос, на каком же основании количественные модели распространения *инноваций* применяются к распространению *новых информационных технологий*, которые представляют собой всего лишь *новшества*, но отнюдь не удовлетворяют определениям инновации, или нововведения, поскольку их экономическая эффективность не доказана, а общественная значимость является спорной. Сложно отрицать обоснованность сомнения в правомерности использования закономерностей, послуживших основой для построения модели нововведений, доказавших свою состоятельность, для прогнозирования радужного будущего проектов, имеющих с этими основательными инновациями прошлого мало общего. Следует признать, что все широко используемые модели распространения инноваций можно уподобить историям со «счастливым концом», герои которых живут вечно и счастливо. Иными словами, подразумевается, что жизненный цикл нововведения, будь то телеграф, мобильная связь или сеть Интернет, – если и не бесконечен, то значительно длиннее периода прогнозирования. Кстати, в случае таких инноваций, как телеграф, жизненный цикл действительно оказался внушительным и составил более ста пятидесяти лет. С другой стороны, такие устройства, как пейджеры, наладонники и планшеты, вышли из обихода очень быстро, поэтому про-

гнозы, экстраполирующие их использование в бесконечность, оказались грубо ошибочными. Фактически, при построении количественных моделей распространения нововведений используется цензурированная выборка, то есть изучаются только крупные успешные новшества, а неуспешные – отбрасываются. Здесь исследователь нововведений довольно ограничен в инструментарии, поскольку если на изучение успешных новшеств шанс получить финансирование обычно существует, то провалы и катастрофы приходится изучать за счёт собственных ресурсов. Хорошо известны логистические модели роста количества советских учёных, однако у автора нет сведений о работах, в которых была бы построена модель двукратного падения числа научных работников в постсоветскую эпоху. Объективная причина отсутствия интереса к эпохам упадка заключается в том, что для закрытия проекта лицам, принимающим решения, обычно достаточно приближённой оценки ситуации как неблагоприятной и высокая точность не требуется.

Исключив из рассмотрения короткоживущие новшества, мы, тем не менее, не избавляемся от противоречия, состоящего в том, что современные информационные технологии могут оставаться жизнеспособными в течение десятилетий, но не приносить прибыли производителям. Наиболее очевидным примером является бесплатное, свободно распространяемое программное обеспечение, которое создаётся в первую очередь трудом энтузиастов и которому прочат важную роль в будущей российской цифровой экономике. Нет сомнений в том, что потребители нововведений извлекают из них

выгоду или снижают издержки, однако не всегда удаётся найти извлекающих материальную выгоду производителей и подсчитать соответствующий экономический эффект.

При другом подходе, который можно условно назвать «социологическим», в первую очередь выделяют коммуникативные аспекты распространения инноваций в обществе, в этом случае наиболее важны уровень образования индивидов и интенсивность контактов с инноваторами. Одна из основных сложностей в изучении инноваций состоит в том, что на распространение нововведений влияют обе группы факторов.

В качестве примера приведём определение Ю. А. Карповой: *«инновация – новшество, прогрессивный результат творческой деятельности, который находит широкое применение и приводит к значительным изменениям в жизнедеятельности человека, общества, природы [10]»*. Таким образом, Ю. А. Карпова определяет инновацию как полезную, прогрессивную новинку, получившую широкое распространение, при этом специально подчёркивая творческий характер деятельности изобретателя. Ю. А. Карповой выделены две особенности инноваций, отличающие их от других новшеств: значительность и успешное внедрение [10]. Как отмечает Ю. А. Карпова, широкое распространение инновации означает её восприятие индивидуальным и общественным сознанием, порождение значимых изменений, которые отличаются прогрессивностью и могут относиться к любой сфере жизнедеятельности общества и человека. Что касается творческого характера деятельности изобретателя, то, на наш взгляд,

включение этого аспекта в определение помогает обосновать включение изучения креативности в поле исследований нововведений.

Наиболее заметные технологические новшества последних десятилетий – это Интернет и мобильная связь [9; 15; 20]. Они охватили более половины населения земного шара и привели к значительным изменениям в деятельности человека. Так, мобильная телефонная связь, которая лишь в 1981 году начала распространение на массовом рынке, к 2009 году охватила 4,6 миллиарда абонентов. Отметим, что сколь бы убедительны ни были доводы в защиту важности и значительности тех или иных нововведений, всегда найдутся и скептики, которые сочтут их ничтожными или попросту вредными. Более того, достаточно вспомнить героин, который врачи прописывали как лекарство от кашля, средство для борьбы с насекомыми «ДДТ» и силиконовые импланты, чтобы удостовериться в существовании многочисленных побочных, в том числе и вредных для человека, эффектов некоторых нововведений. Однако споры о пользе или вреде от инноваций не должны мешать изучению процесса их распространения, поскольку к моменту, когда польза нововведения становится достаточно убедительно обоснованной, прикладная ценность изучения её распространения обычно уже близка к нулю.

Представители российской школы математического и информационного моделирования в социологии стремятся расширить область применения понятия нововведения. Так, по В. Ж. Келле, А. П. Михайлову и В. А. Шведовскому, «инновация (нововведение) – понятие,

указывающее на то, что в общество внесится нечто новое, способствующее его дальнейшему продвижению [11]».

Ю. М. Плотинский предлагает называть «инновациями в широком смысле слова» любые «новые способы что-либо делать [17]». Такой подход позволяет своевременно начать изучение распространения новых идей и практик, не дожидаясь окончательного обоснования их полезности или эффекта от них, но оставляет за кадром вопрос о том, кто уполномочен решать, какие способы что-либо делать следует считать новыми, а какие – традиционными. Должен ли уровень новизны инноваций определяться специальным законом, государственной политикой [13], постановлением правительства, списком критических технологий, набором правил, решением уполномоченного или, может быть, мнением экспертного сообщества¹?

¹ Автору довелось наблюдать дискуссию между академиком одной из общественных академий и профессором, возглавляющим два диссертационных совета. После того, как академик продемонстрировал баночку с водой, очищенную предлагаемым им способом, профессор поинтересовался, является ли эта вода «живой»? Пока академик оправдывался (он очищал воду при помощи излучения, так что её правомернее было бы назвать «мёртвой»), профессор поставил вопрос, можно ли считать столь тривиальную воду инновацией? После ожесточенной перепалки дискуссия ненадолго затихла, пока не пришёл черед доклада профессора. Но не успел профессор изложить свою концепцию инновационного общества, как сторонники академика озадачили его вопросом, как же он смеет называть себя учёным, а свою работу – научной, если признает частную собственность? Слаженной команде академика удалось полностью заблокировать работу конференции. Если такой конфликт разгорелся вокруг баночки с чистой водой, то можно себе представить, насколько болезненным может оказаться признание какого-нибудь другого новшества инновацией! История злоключений мно-

Иногда предлагается использовать пороговое значение широкой распространённости, например, считать новым явление, которым охвачено не менее половины или трёх четвертей общества, в противном случае относить явление к традиционным [18].

На наш взгляд, наиболее продуктивный для целей изучения распространения нововведений подход должен включать в их определение не те характеристики, которые будут измерены лишь постфактум, например, итоговый уровень распространения или экономический эффект, а те, которые предоставляют инструмент изучения новшества, начиная с момента его изобретения. В определении Э. Роджерса подчёркивается связь распространения инноваций с процессом принятия решений: *«инновация – это идея, практика или объект, который воспринимается как новый индивидом или иной единицей, принимающей решение об её использовании [26]»*. Это определение играет ключевую роль в синтезированной Э. Роджерсом теории распространения нововведений («диффузии инноваций»), и в нём содержится ответ на поставленный выше вопрос – кто именно выносит вердикт о достаточном уровне новизны инновации. При таком подходе в ранг инновации новшество возводит лицо, принимающее решение о потреблении, даже если это не государство и не экспертное сообщество, а студент, посредственно успевающий по всем пред-

жества новшеств, от производства сахара из свеклы и мытья рук перед осмотром больного до распространения гибридных сортов кукурузы и образовательных реформ, приводит к выводу о том, что новинку должен считать полезной в первую очередь тот, кому предстоит ей пользоваться.

метам. Не менее важно и то, что в ходе распространения инноваций принимают решения многочисленные индивиды или группы, а не, например, один решительный реформатор-визионер.

Вкратце, по Э. Роджерсу, инновация – это то, что воспринимает в качестве новшества индивид или организация, принимающие решение – принять или отвергнуть, при этом процесс принятия решений является массовым. Такое определение позволяет изучать процесс распространения даже таких новшеств, которые пока не признаны инновациями экспертным сообществом.

Компромиссный подход можно обнаружить в определении, данном Н. М. Лебедевой и Е. Г. Ясиным, которые предлагают разделить период существования новшества на два этапа, причём лишь на втором из них новшество заслуживает статус инновации: *«если креативность подразумевает выдвижение новых идей, то отличительным признаком инновации является воплощение их на практике. Отсюда следует, что инновация не является таковой до того момента, пока она успешно не внедрена и не начала приносить прибыль. Поэтому в узком, экономическом, смысле инновация есть продукт (новая конструкция, технология, организационный приём и т.п.), воплощённый в товаре, который пользуется спросом на рынке в силу своей новизны [12]»*.

Необходимо отметить, что Е. Г. Ясин и Н. М. Лебедева отличают социальные нововведения от материально-технических (технологических), хотя в цитируемом определении не содержится ответа на вопрос, должны ли социальные инновации приносить прибыль. Кроме того,

так же как и Ю. А. Карпова [10], авторы стремятся включить в сферу инноваций исследования креативности.

Однако, на наш взгляд, нельзя считать доказанной связь между *установкой на инновативность*, которую проявляют студенты в ходе описанных в статье Е. Г. Ясина и Н. М. Лебедевой экспериментов, и установкой на реализацию новых товаров с высокой прибылью.

Напротив, за инновативностью скрывается способность к творчеству и толерантность к изменениям и риску, которые зачастую отнюдь не способствуют выходу на самоокупаемость, снижению издержек и выплатам дивидендов акционерам.

Мы полагаем, что как изучение креативности, изобретательской деятельности, так и изучение распространения новшеств составляют весьма обширную область знаний, в то время как поле исследований инноваций как экономически эффективных новшеств, приносящих прибыль, напротив, является чрезвычайно узким, хотя и вызывающим острый интерес, поскольку подобные инновации нужны государству и обществу.

В случае приведённого выше списка широко распространённых новых информационных технологий уверенно можно говорить лишь о повышении производительности труда. Профессор В. Н. Лившиц, соавтор фундаментального учебника по оценке эффективности инвестиционных проектов [3], обратил внимание автора данной статьи на сложность измерения результативности внедрения информационных технологий и пошутил, что тому, кто справится с такой задачей, можно немедленно присуждать учёную степень доктора наук.

Полезность некоторых нововведений прошлого сегодня кажется очевидной, однако у современников вызывала сомнения не только их экономическая эффективность, но и их научная обоснованность. В середине XIX века, когда существование микробов ещё не было продемонстрировано Пастером, не удалось обосновать необходимость мыть руки перед приёмом родов – практики, которую не сумел внедрить в Австрии молодой врач Игнац Земмельвейс. Экономическая эффективность этого нововведения, которое значительно снизило смертность рожениц в венской клинике, также отрицалась, поскольку считалось, что в публичной клинике для бедных появлялись на свет в основном будущие преступники. Доказательство экономической эффективности, сокращения затрат и роста производительности труда в случае педагогических и культурных инноваций может занять десятилетия, что лишает исследователя стимула изучать распространение таких явлений в качестве нововведений. В то же время с помощью моделей распространения нововведений давно и успешно изучаются новшества, для которых аспект коммерциализации не является определяющим, в том числе распространение здорового образа жизни, методы планирования семьи, членство стран в международных организациях [24].

Отрасль знаний, изучающую закономерности развития инновационных процессов, называют инноватикой. Предметом инноватики является не только распространение инноваций, но и процесс изобретения, формирования новшеств, исследование восприимчивости к новшествам, формы организации и госу-

дарственное регулирование инновационной деятельности и так далее. Наиболее заметные сегодня нововведения, такие как мобильная связь и сеть Интернет, уже находятся на ступени массового распространения, хотя далеко не все приносят прибыль, а некоторые предоставляются потребителям бесплатно.

Безусловно, вопросы о том, зачем распространяются инновации, каков их эффект, следует ли всемерно способствовать их распространению или, напротив, их тормозить, имеют первостепенное значение. Однако при изучении распространения нововведений предмет изучения предполагает ответ не на вопрос «зачем?», а на вопрос «как это происходит?».

Остановимся теперь на определениях *распространения*, или *диффузии*, нововведений, отчётливо характеризующих различия в подходах различных исследовательских групп. В коллективной монографии под редакцией В. М. Аньшина и А. А. Дагаева подчёркивается связь нововведений с экономической системой: *«диффузия нововведений – процесс их распространения в экономике. Более конкретно этот процесс выражается в вытеснении старых технологий новыми, а также в принятии потребителями новых, не имеющих аналогов технологий, ведущих к формированию новых потребностей [8]»*.

В этом определении не делается акцента на том, каким образом потребители узнают о новых технологиях, как они принимают решения и важен ли при этом обмен информацией между субъектами. Напротив, в определении Э. Роджерса распространение (диффузия) понимается как распространение по коммуникаци-

онным каналам в социальной системе, что подразумевает информационный обмен между её членами: *«диффузия – это процесс, в ходе которого инновация с течением времени распространяется (коммуницируется) по определённым каналам между членами социальной системы [26]»*.

Несмотря на то, что термины «диффузия» и «распространение» зачастую используются в инноватике как синонимы, диффузию следует считать частным видом процесса распространения нововведений. Последний включает в себя также, во-первых, *принуждение*, при котором нововведение распространяется централизованно и процессы коммуникации и принятия решений обладают существенной спецификой. В частности, внедрение новых информационных технологий в организациях может заканчиваться провалом вследствие сопротивления сотрудников, которые находят новшество сложным и бесполезным [21]. Во-вторых, за рамками рассмотрения обычно остаются такие важные каналы распространения нововведений, как обучение в образовательном учреждении и в семье.

Диффузией же правильнее называть такой вид распространения, когда информация о новинках передаётся при межличностном общении и при помощи средств массовой информации. Основная масса количественных моделей распространения, безусловно, моделирует именно диффузию, в то время как модели, учитывающие обучение в семье и школе [5; 6], пока являются редкими, а изучение внедрения новых информационных технологий в организациях путём принуждения [21] представляет собой,

фактически, обособленный поток научных работ и практических методик.

Не отрицая необходимости обоснования актуальности изучаемых новшеств и важности исследований связи показателей их распространения с экономическим эффектом (как для потребителя, так и для производителя), мы обращаем внимание на то, что преждевременные попытки доказательства, что эти новшества однажды приобретут статус инноваций (сократят затраты, повысят производительность труда или принесут прибыль), носят искусственный и поверхностный характер и напрасно расходуют время исследователя.

В случае информационных технологий, которые сменяют друг друга быстро, время, необходимое для доказательства экономического эффекта, может значительно превысить время жизни самой технологии. Потенциальная польза от использования количественных моделей распространения новых технологий наиболее велика на начальном этапе распространения новшества, когда его итоговая результативность является максимально неопределённой. В то же время количественный инструментарий получил из-

вестность именно в качестве моделей «диффузии инноваций», или нововведений, а не «новшеств» или «новинок».

Безусловно, приходится признать ограниченную полезность этого банка моделей, основанного почти исключительно на наиболее крупных и удачных нововведениях прошлого для прогнозирования будущего технологий, среди которых обязательно окажутся и провальные. Однако данные о распространении таких менее успешных технологий будут накоплены лишь в том случае, если они будут изучаться с использованием количественных моделей, а прогресс будет достигаться по мере попыток объяснения расхождений между прогнозами и действительностью.

Поэтому подход, который позволит перейти к изучению более сложных (и актуальных на практике) сценариев развития, должен позволять широко истолковывать понятие нововведения (инновации) [11; 17], при этом подчёркивая важность массового принятия решений [26], и ускорять применение уже известных количественных моделей [17; 21; 24; 4–7] как инструмента поддержки управленческих решений.

Примечания

1. *Бабаскин С. Я.* Инновационный проект. Методы отбора и инструменты анализа рисков. Москва : Дело, 2009. 240 с.
2. *Бретт А.* Оценка коммерциализуемости технологий : пер. с англ. // Коммерциализация технологий. Мировой опыт – российским регионам : сборник статей / сост. и общ. ред. Н. М. Фонштейн. Москва : Moscow News, 1995. С. 7–47.
3. *Виленский П. А., Лившиц В. Н., Смоляк С. А.* Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика / Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Институт системного анализа РАН, Центральный экономико-математический институт РАН. 4-е издание, перераб. и доп. Москва : Дело, 2008. 1104 с.
4. *Делицын А. Л.* Инструментарий для отбора венчурным фондом инновационных проектов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 4 (81). С. 296–306.

5. Делицын А. А. Обобщенная модель CGS распространения нововведения в растущей популяции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2012. Том 164. С. 180–191.
6. Делицын А. А. Сравнительный анализ распространения Интернета в России и некоторых европейских странах // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 23–39.
7. Делицын А. А., Мацневский Н. С. Некоторые вопросы информационно-аналитической поддержки венчурного инвестирования в новый способ предоставления программного обеспечения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 7. С. 76–83.
8. Инновационный менеджмент : учебное пособие / Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации ; [Аншин В. М. и др.] ; под ред. В. М. Аншина, А. А. Дагаева. Москва : Дело, 2003. 527 с.
9. К мобильному обществу: утопии и реальность / под. ред. Я. Н. Засурского. Москва : Изд-во Московского университета, 2009. 304 с. (21 век: Информация и общество).
10. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020300 «Социология». Москва [и др.] : Питер, 2004. 185 с.
11. Келле В. Ж., Михайлов А. П., Шведовский В. А. О пределах инновационных заимствований // Социология (4М). 2001. № 13. С. 114–122.
12. Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. Том 3, № 2. С. 16–26.
13. Лисин Б. К. Блеск и нищета инновационной сферы // Инновации. 2007. № 7 (105). С. 8–10.
14. Медынский В. Г. Инновационный менеджмент : учебник по специальности «Менеджмент организации». Москва : Инфра-М, 2008. 294 с.
15. Национальные модели информационного общества / отв. ред. и сост. Е. Л. Вартанова ; науч. ред. Н. В. Ткачева. Москва : ИКАР, 2004. 410 с.
16. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика : учебник / Л. С. Барютин и др. ; под ред. А. К. Казанцева, Л. Э. Миндели. 2-е издание, перераб. и доп. Москва : Экономика, 2004. 518 с.
17. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям. 2-е издание, перераб. и доп. Москва : Логос, 2001. 294 с.
18. Радаев В. В. Экономическая социология : учебное пособие для вузов. Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 608 с.
19. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века / Международный Институт П. Сорокина – Н. Кондратьева. Москва : Экономика, 2004. 444 с.
20. Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qiu J. L., Sey A. Mobile communication and society: a global perspective. *A project of the Annenberg Research Network on international communication*. The MIT Press, 2007. 331 p.
21. Davis F. D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology. *MIS Quarterly*, 1989, no. 13 (3), pp. 319–340.
22. Griliches Z. Hybrid Corn: An Exploration in the Economics of Technological Change. *Econometrica*. 1957, vol. 25, pp. 501–522.
23. Grübler A. *Technology and Global Change*. Cambridge University Press, 1998. 452 p.
24. Mahajan V., Peterson R. A. Models for innovation diffusion. *Sage Publications*. 1985, 2004. 88 p.
25. Mansfield E. Technical Change and the Rate of Imitation. *Econometrica*. 1961, vol. 29, pp. 741–766.
26. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. *Free Press*. 1990.

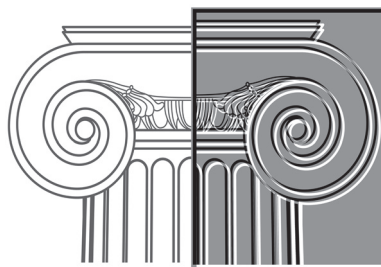
References

1. Babaskin S. Ya. *Innovatsionnyi proekt. Metody otbora i instrumenty analiza riskov [Innovative project. Methods of selection and instruments of risk analysis]*. Moscow, Publishing house "Delo", 2009. 240 p.
2. Brett A. Otsenka kommersializuemosti tekhnologii [Assessment of a kommersializuyemost of technologies]. In: Fonshteyn N. M., ed. *Kommertsializatsiia tekhnologii. Mirovoi opyt – rossiiskim regionam. Sbornik statei [Commercialization of technologies. International experience – to Russian regions. Collection of articles]*. Moscow News, 1995. Pp. 7–47.
3. Vilensky P. L., Livshits V. N., Smolyak S. A. *Otsenka effektivnosti investitsionnykh proektov: Teoriia i praktika [Assessment of efficiency of investment projects: Theory and practice]*. 4th edition. Moscow, Publishing house "Delo", 2008. 1104 p.
4. Delitsyn L. L. Instrumentarii dlia otbora venchurnym fondom innovatsionnykh proektov [Tools for selection of innovative projects by venture fund]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2009, no. 4 (81), pp. 296–306.
5. Delitsyn L. L. Generalized CGS MODEL of innovation diffusion in a growing population. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2012, vol. 164, pp. 180–191. (In Russian)
6. Delitsyn L. L. Comparative Analysis of Internet Diffusion in Russia and Some European Countries. *Moscow University Journalism Bulletin. Series 10. Journalism*. 2010, no. 4, pp. 23–39. (In Russian)
7. Delitsyn L. L., Matsievsky N. S. Nekotorye voprosy informatsionno-analiticheskoi podderzhki venchurnogo investirovaniia v novyi sposob predstavleniia programmno obespечeniia [Some questions of information and analytical support of venture investment into a new way of providing the software]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii [Bulletin of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. 2001, no. 7, pp. 76–83.
8. Anshin V. M., Dagaev A. A., eds. *Innovatsionnyi menedzhment [Innovative management]*. Moscow, Publishing house "Delo", 2003. 527 p.
9. Zasursky Ya. N., ed. *K mobil'nomu obshchestvu: utopii i real'nost' [Towards a mobile society: utopias and reality]*. Moscow, Publishing house of the Lomonosov Moscow State University, 2009. 304 p.
10. Karpova Yu. A. *Vvedenie v sotsiologiiu innovatiki [Introduction to sociology of innovation]*. Moscow, etc., PITER Publishing House, 2004. 185 p.
11. Kelle V. Zh., Mikhailov A. P., Shvedovsky V. A. O predelakh innovatsionnykh zaimstvovaniia [About limits of innovative loans]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. 2001, no. 13, pp. 114–122.
12. Lebedeva N. M., Yasin E. G. Kul'tura i innovatsii: k postanovke problem [Culture and innovations: to statement of a problem]. *Foresight and STI Governance*. 2009, vol. 3, no. 2, pp. 16–26.
13. Lisin B. K. Blesk i nishcheta innovatsionnoi sfery [Gloss and poverty of the innovative sphere]. *INNOVATIONS*. 2007, no. 7 (105), pp. 8–10.
14. Medynsky V. G. *Innovatsionnyi menedzhment [Innovative management]*. Moscow, Publishing house "Infra-M", 2008. 294 p.
15. Vartanova E. L., comp., Tkachev N. V., ed. *Natsional'nye modeli informatsionnogo obshchestva [National models of information society]*. Moscow, Publishing house "IKAR", 2004. 410 p.
16. Baryutin L. S., etc., Kazantseva A. K., Mindeli L. E., eds. *Osnovy innovatsionnogo menedzhmenta. Teoriia i praktika [Bases of innovative management. Theory and practice]*. 2nd edition. Moscow, Economics Publishing House, 2004. 518 p.
17. Plotinsky Yu. M. *Modeli sotsial'nykh protsessov [Models of social processes]*. 2nd edition. Moscow, Logos Publishing House, 2001. 294 p.

18. Radaev V. V. *Ekonomicheskaja sotsiologija [Economic sociology]*. Moscow, Publishing house of the National Research University Higher School of Economics, 2008. 608 p.
19. Yakovets Yu. V. *Epokhal'nye innovatsii XXI veka [Epoch-making innovations of the 21st century]*. Moscow, Economics Publishing House, 2004. 444 p.
20. Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qiu J. L., Sey A. Mobile communication and society: a global perspective. *A project of the Annenberg Research Network on international communication*. The MIT Press, 2007. 331 p.
21. Davis F. D. Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology. *MIS Quarterly*, 1989, no. 13 (3), pp. 319–340.
22. Griliches Z. Hybrid Corn: An Exploration in the Economics of Technological Change. *Econometrica*. 1957, vol. 25, pp. 501–522.
23. Grübler A. *Technology and Global Change*. Cambridge University Press, 1998. 452 p.
24. Mahajan V., Peterson R. A. Models for innovation diffusion. *Sage Publications*. 1985, 2004. 88 p.
25. Mansfield E. Technical Change and the Rate of Imitation. *Econometrica*. 1961, vol. 29, pp. 741–766.
26. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. *Free Press*. 1990.

*

НОВЫЕ КНИГИ

О
МОНОГРАФИИ Е. В. МАРЕЕВОЙ
«ПРОБЛЕМА ДУШИ В КЛАССИЧЕСКОЙ
И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ»
(Москва : Академический Проект, 2017)

УДК 008:128

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры

Дана рецензия на фундаментальное исследование одной из метафизических проблем не только философии, но и мировой культуры – феномена души – известного российского учёного-философа Елены Валентиновны Мареевой. Подчёркивается, что исследование представляет собой глубокий анализ указанного феномена и будет особенно ценно для молодых исследователей, педагогов и студентов, мотивированных на гуманитарно-творческие сферы культуры.

Ключевые слова: философия, метафизика, душа, исследование, культура.

M. M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

ABOUT THE MONOGRAPH BY E. V. MAREEVA “THE PROBLEM
OF THE SOUL IN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL PHILOSOPHY”

A review is given of a fundamental study of one of the metaphysical problems not only of philosophy but also of world culture – the phenomenon of the soul – of the famous Russian philosopher Elena Valentina Mareeva. It is emphasized that the study is a deep analysis of this phenomenon and will be especially valuable for young researchers, teachers and students motivated by the humanitarian and creative spheres of culture.

Keywords: philosophy, metaphysics, soul, research, culture.

Для цитирования: Шибаева М. М. О монографии Е. В. Мареевой «Проблема души в классической и неклассической философии» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 184–188.

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры теории, истории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

SHIBAIEVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department Theory, History of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: skyday.vm@yandex.ru
© Шибаева М. М., 2017

Душа обязана трудиться...
А. С. Пушкин

Жанр рецензии на фундаментальное исследование вряд ли допускает введение эпиграфа как узаконенной традиции для других культурных текстов. Однако по мере углубления в монографию Е. В. Мареевой «Проблема души в классической и неклассической философии» [2] мои читательские впечатления всё чаще вызвали в памяти пушкинское «Душа обязана трудиться».

И это, разумеется, не случайно. Книга Е. В. Мареевой выявляет не только качественные характеристики проведенного исследования одной из метафизических проблем не только философии, но, по сути, мировой культуры: весь контекст отражает сопряженность авторских интенций с «энергетикой» душевной причастности к историческому опыту постижения феномена души – и как понятия, и как открытого вопроса.

Появление такого рода исследования (первый вариант которого увидел свет ещё в 2003 году и перерабатывался несколько лет) – уже Авторский Поступок в свете явных тенденций последних десятилетий. Я имею в виду смещение внимания в сторону квазиинтеллектуальных «брендов» и моду на темы оккультного характера, с одной стороны, и приверженность к произвольным толкованиям и оценкам фундаментальных проблем человеческого бытия и культуры как области смыслов и значений, с другой. В ситуациях доминирования массовой культуры, мировоззренческого инфантилизма и этического релятивизма само обращение к проблеме, вынесенной в заглавие книги Е. В. Мареевой, делает

честь исследователю и укрепляет надежду на перспективу поворота. Не вспять, а в сферу подлинного философствования, преодолевающего скепсис относительно целесообразности постижения «вечных» вопросов, в ряду которых – и феномен души.

Актуальность и значимость рецензируемой монографии связаны ещё с возрастанием удельного веса пошлости, которая, по справедливому суждению автора, «проявляется в агрессивном отрицании духовной стороны жизни или её скептическом принижении в пользу полноты телесной жизни и материального благополучия [2, с. 407]».

Содержательная насыщенность рецензируемого текста полностью согласуется с его структурой и названиями глав и разделов, которые логически связаны друг с другом убежденностью автора

в том, что «философия самоопределяется при решении проблемы человека и именно там, где человек предстаёт в качестве противоречивого единства духовного и физического, души и тела [2, с. 9]». Верность Е. В. Мареевой принципам научной объективности и историзма сочетается, на мой взгляд, ещё с одним важным моментом: с корректностью интерпретации позиции каждого из философов относительно духовной инстанции человека.

Рецензируемый текст очень серьёзен как в проблемном, так и смысловом отношении. Читать его отнюдь не легко, но очень интересно и, бесспорно, полезно с профессиональной точки зрения. И не только потому, что в книге представлено разнообразие толкований самого концепта «душа» и суждений относительно дихотомии телесного и духовного начал в человеке, но и осуществлено сопоставление «разночтений» по поводу вопроса о значимости идеального в человеческом бытии.

Важны и те фрагменты книги, в которых уделяется внимание и вопросу о своеобразии человеческой души. Так, в связи с воззрениями Фомы Аквинского, автор книги отмечает, что в границах данного вопроса «заключено *начало и исток*, из которого, по сути, рождаются три разных трактовки человеческой души – *античное* у Аристотеля, *христианское* у самого Аквината, наконец, *ренессансное* у Помпонацци [2 с. 171]». Перспективна, на мой взгляд, и постановка на последней странице книги проблемы *самовозрастания* души, которую, по убеждению Е. В. Мареевой, «рассудочной логикой ... не объяснить [2, с. 452]». Тот же самый тезис об ограниченности логоцентризма

проецируется и на проблему бессмертия души, которая, возможно, станет в качестве самостоятельной проблемы ещё в одной книге такого вдумчивого глубокого исследователя, как Елена Валентиновна Мареева.

Эвристический потенциал книги в значительной мере обусловлен систематическим сопряжением взглядов мыслителей, принадлежащих к разным хронотопам культуры. Отсюда контекстуальный характер исследования: идеи философов Античности, Средневековья и Возрождения, не говоря уже о Новом времени с его апологией рационализма как оптимального метода постижения истины, соседствуют на страницах книги с суждениями мыслителей, писавших на стыке модернизма и постмодернизма.

К чести автора, отечественный опыт рефлексии над полемикой вокруг проблем души представлен именами не только религиозных философов, но и советских: П. П. Гайденко, Э. В. Ильенкова, М. А. Лифшица, А. Ф. Лосева, В. М. Межуева и других. Правда, их суждения и оценки не вынесены в отдельный раздел, но, быть может, именно сопоставление идей философов разных поколений и стран усиливает познавательную ценность текста Е. В. Мареевой.

Объём монографии (около 30 п.л.) «оправдан» проблемно-тематическим пространством раскрытия философских исканий и обретений на пути постижения феномена человеческой души. В связи с этим стоит воспроизвести названия семи глав книги: 1. Античность: постановка проблемы; 2. Проблема души в платонизме; 3. Споры о душе в истории аристотелизма; 4. Феномен души в преддверии и в границах трансцендентализма;

5. Неклассическая философия: проблема фрагментации души; 6. Русская философия о душе и идеале: между классической и неклассической традицией; 7. Об идеальном, сознании, душе (новые повороты проблемы).

При кажущемся непропорциональном соотношении глав об античном опыте рефлексирования над духовной сутью человека по сравнению с другими эпохами в контексте монографии глубокое раскрытие и истолкование получили философский идеализм, естественно-научный материализм и культурно-историческая методология, а также ряд содержательно-полюемических граней постклассической философии. Содержательность монографии Е. В. Мареевой подтверждает мысль Ю. М. Лотмана о том, что «текст в своей синхронности может опираться разными своими частями на память различной глубины... [1, с. 75]».

Ценной с гносеологической и педагогической точки зрения представляется мне стилистическая выверенность текста. С первых страниц и до последнего абзаца реализована сложная задача авторского «прорыва» к современному читателю: глубокое осмысление воззрений мыслителей разных культурно-исторических эпох на проблемы души творчески сопровождается убедительным, лишенным дидактики разъяснением сути той или иной позиции. Заслугой Е. В. Мареевой является сочетание аналитического и интерпретационного способов раскрытия

индивидуальных подходов ярких представителей классической и неклассической философии к теме души.

Ещё одним достоинством монографии Е. В. Мареевой представляется мне то, что перед читателем развёртывается не только интеллектуальная панорама философских взглядов на проблемы души, но и именной континуум блестящих мыслителей от Античности до наших дней. Одно только перечисление «знаковых» имён, представляющих философское пространство сменяющих друг друга культурно-исторических эпох, вывело бы нас далеко за пределы допустимого объёма жанра рецензии. И потому позволю ограничиться следующим предположением: при условии заинтересованного «вживания-вчувствования» в книгу она предстаёт, говоря словами Ю. М. Лотмана, как «пространство собственных имён», что особенно ценно для молодых исследователей, педагогов и студентов, мотивированных на гуманитарно-творческие сферы культуры.

Таков краткий обзор явных для меня достоинств книги Е. В. Мареевой, дающий мне надежду на то, что он привлечёт внимание читателей к этому тексту как доказательству того, что «Служенье муз не терпит суеты, // Прекрасное должно быть величавым» (А. С. Пушкин). Муза автора книги – тот «Эрос духа», который в каждую эпоху, включая и нашу, вдохновляет на постижение самых сложных проблем и явлений «жизни человеческого духа».

Примечания

1. Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. Москва : Центр книги ВГБИЛ имени М. И. Рудомино, 2010. 416 с.
2. Мареева Е. В. Проблема души в классической и неклассической философии : монография. Москва : Академический Проект, 2017. 454 с.

References

1. Lotman Yu. M. *Cemu ucbatsia liudi. Stat'i i zametki* [*What do people learn. Articles and notes*]. Moscow, Published by Center of the book Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature, 2010. 416 p.
2. Mareeva E. V. *Problema dushi v klassicheskoj i neklassicheskoj filosofii* [*The Problem of the Soul in Classical and Non-Classical Philosophy*]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2017. 454 p.

*